

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

40 2026
ЧАСТЬ II

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 40 (643) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Павел Исаакович Люблинский (1882–1938), российский и советский ученый-правовед.

Родился Павел Исаакович в Гродно в еврейской семье. В 1900 году он поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, где после его окончания был оставлен при кафедре уголовного права и уголовного судопроизводства для подготовки к профессорскому званию.

В 1907 году Люблинский защитил магистерскую диссертацию «Свобода личности в уголовном процессе». Уже в следующем году он был утвержден в должности приват-доцента на кафедре уголовного права и судопроизводства, а затем стал профессором уголовного судопроизводства Высших Бестужевских курсов в Санкт-Петербурге.

Люблинский являлся активным участником международных конгрессов Союза криминалистов, проходивших с 1905 по 1915 год.

Летом 1914 года в Екатеринбурге и Воронеже профессор читал курс лекций на курсах народных учителей «О праве и государстве».

Печатался он в «Судебном обозрении», «Журнале Министерства юстиции», был издателем «Вопросов обществоведения» и редактором «Журнала уголовного права и процесса».

После Февральской революции 1917 года указом Временного правительства 28 апреля 1917 года Павел Исаакович был назначен к присутствованию в Правительствующем сенате.

После Октябрьской революции 1917 года он продолжил преподавать в Петроградском университете, впоследствии переименованном в 1-й Петроградский государственный университет. Спустя год юридический факультет университета преобразовали в политико-юридическое отделение факультета общественных наук (ФОН). Постановлением СНК РСФСР от 23 апреля 1926 года на базе правового отделения ФОНа Ленинградского государственного университета был создан факультет советского права.

Люблинский разделял евгенические взгляды и по приглашению Николая Кольцова входил в редакционную коллегию созданного им «Русского евгенического журнала», выходившего в 1922–1930 годах, а также был членом Русского евгенического общества.

Впоследствии профессор преподавал правовые науки в Ленинградском юридическом институте, где заведовал кафедрой уголовного процесса, и в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена. Одновременно с 1925 года он возглавлял социально-правовой отдел Ленинградского института охраны материнства и младенчества (с 1935 г. — Ленинградский педиатрический медицинский институт, ныне — Санкт-Петербургский педиатрический медицинский университет), в 1928 году вошел в состав кафедры социальной гигиены женщины и ребенка в новых социальных условиях.

Участвовал Люблинский также и в разработке норм и положений, связанных с развитием нового законодательства, в частности Кодекса законов о браке, семье и опеке 1926 года. Под руководством Павла Исааковича были подготовлены обзоры о правовом положении замужней женщины по законодательству стран Западной Европы, США и Советского Союза, о правовом положении внебрачных детей, состоянии прав детей, о материнской и младенческой беспризорности и др.; проекты законов, постановлений, которые вносились в правительственные инстанции.

Социально-правовой отдел, возглавляемый Люблинским, изучал социально-бытовые условия матерей-работниц, имеющих детей, обследовал их жилье, размеры и условия выплаты алиментов одиноким матерям; для контроля были взяты 12 крупных фабрик и заводов Ленинграда. Также шло правовое просвещение женщин, большое внимание уделялось разработке методики социально-правовой работы при поликлинических учреждениях, организации кабинетов социально-правовой помощи при пунктах охраны материнства и младенчества.

Положения доклада Люблинского на IV Всесоюзном совещании по охране материнства и младенчества «Социально-правовые кабинеты и методика их работы» были приняты народным комиссариатом здравоохранения в качестве директивных при организации работы в этой сфере.

20 декабря 1938 года жизнь Люблинского оборвалась в результате несчастного случая. Он был похоронен на Преображенском еврейском кладбище.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Гусарова В. А.

Усыновление в системе форм семейного устройства: сравнительно-правовая характеристика.....61

Калимуллина Л. Ф.

Обоснованность как требование к содержанию приговора63

Кармалина Г. Ю.

Трансформация механизма досудебного урегулирования налоговых споров в условиях цифровизации и внедрения института налогового омбудсмана65

Кашкарова О. С.

Административная ответственность за нарушение правил эксплуатации маломерных судов, проблемы правового регулирования.....67

Коробовская Ю. И.

Особый порядок судебного разбирательства: проблемы и перспективы упрощения уголовного судопроизводства.....69

Криницына М. С.

Договор займа: проблемы правоприменительной практики73

Курсевич М. Э.

Возмещение расходов на судебную экспертизу в гражданском процессе: проблема доступности правосудия75

Ливан О. Э.

Совершенствование механизма реализации прав граждан Российской Федерации с множественным гражданством при осуществлении пограничного контроля.....77

Мошков И. С.

Особенности исключения участника из общества с ограниченной ответственностью79

Назирова А. А.

К вопросу о становлении и развитии правового регулирования института ипотеки в гражданском праве82

Нуралиев Н. Ф.

Проблемы уголовно-процессуального регулирования мер пресечения, в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста в контексте контроля за обвиняемым84

Очирова В. Э.

Правовые вопросы налогообложения имущества организаций89

Петухов А. Г.

Особенности административной ответственности за правонарушения в промышленности, строительстве и энергетике90

Рахимова А. С.

Правовое положение выгодоприобретателя в договоре страхования: проблемы теории и судебной практики92

Рахимова А. С.

Соотношение правового положения страхователя и застрахованного лица в договоре личного страхования94

Рублева О. О.

Гражданско-правовое регулирование определения размера компенсации морального вреда при дефекте в оказании медицинских услуг95

Русина Т. С.

Проблемы противоречивости, допустимости и достоверности экспертных заключений и заключений специалиста97

Рустамов Р. У.

Цифровые права в системе объектов гражданских прав99

Рюмин Б. А.

Возникновение военных судов в дореволюционной России..... 100

Рюмина В. В.

Медиация: российский и зарубежный опыт ... 103

Севкович Д. К.

Государственное обвинение в суде: процессуальная самостоятельность прокурора и пределы распоряжения обвинением 106

Сорокин К. А.

Правовая природа национального проекта
как объекта прокурорского надзора:
теоретико-правовой аспект 110

Степарук А. Р.

Проблемы реализации права работников
на получение стимулирующих выплат 112

Сушков Я. Е.

Современная концепция
публичной власти: теория,
научные подходы и цифровизация 115

Чабанова А. Ю., Жигалова И. В.,**Виноградова А. С.**

Историко-правовое развитие института
коммерческого обозначения в российском
и зарубежном праве 117

Шашина О. А.

Проблемы возмещения
ущерба работникам — гражданам
некоторых государств СНГ при несчастном
случае на производстве в Российской
Федерации 120

Щеников А. А.

Полиномия как модель рыночной
конкуренции правопорядков:
синтез юридического плюрализма
и государственной монополии
на принуждение 122

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Усыновление в системе форм семейного устройства: сравнительно-правовая характеристика

Гусарова Виктория Алексеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Ситкова Ольга Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

Представленная статья посвящена сравнительно-правовому анализу усыновления как приоритетной формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей, в соотношении с иными формами семейного воспитания — опекой (попечительством) и приемной семьей. Исследуются критерии разграничения указанных форм, их правовая природа и тенденции развития в российском законодательстве. Особое внимание уделено дискуссионным вопросам о месте приемной семьи в системе форм устройства и перспективам реформирования института усыновления в свете международно-правовых стандартов.

Ключевые слова: усыновление, опека, попечительство, приемная семья, формы устройства детей.

Институт устройства детей, оставшихся без попечения родителей, представляет собой одну из наиболее чувствительных сфер семейно-правового регулирования, в которой пересекаются частные интересы ребенка, публичные задачи государства и нравственные ожидания общества. Российский законодатель последовательно закрепляет приоритет семейных форм воспитания над институциональными, что соответствует как Конвенции ООН о правах ребенка 1989 года [3], так и сложившимся доктринальным подходам.

Однако внутри системы семейных форм устройства сохраняется иерархия, требующая концептуального осмысления. Усыновление традиционно рассматривается как высшая форма устройства, поскольку влечет возникновение полноценных родительских правоотношений, максимально приближенных к биологическому родству. Вместе с тем количественные показатели усыновления в России на протяжении последних десятилетий остаются относительно стабильными, тогда как иные формы, которыми являются опека (попечительство) и приемная семья, приобретают все большее практическое значение [1]. Это порождает вопрос о том, сохраняет ли усыновление свое догматическое первенство или система форм устройства нуждается в переосмыслении.

Исходя из изложенного, целью настоящей работы является дать сравнительно-правовую характеристику усыновления в соотношении с иными формами семейного устройства, выявить критерии их разграничения и обозначить проблемные точки правового регулирования.

Семейный кодекс Российской Федерации (далее СК РФ) в статье 123 закрепляет, что дети, оставшиеся без попечения родителей, подлежат передаче на воспитание в семью. Законодатель перечисляет следующие формы: усыновление (удочерение), опека или попечительство, приемная семья, а в случаях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, — патронатная семья. Приоритет отдается семейным формам перед устройством в организации для детей-сирот [4].

Доктринальная классификация форм семейного устройства может проводиться по различным основаниям. Наиболее значимым критерием выступает правовая природа возникающих отношений. Усыновление порождает отношения, юридически тождественные отношениям между родителями и детьми, за исключениями, установленными законом. Опека и попечительство основаны на административно-правовом акте органа опеки и попечительства и не прекращают правовой связи ребенка с кровными родителями в полном объеме.

Приемная семья, согласно статье 153 СК РФ, представляет собой опеку или попечительство, осуществляемые по договору о приемной семье, заключаемому между органом опеки и попечительства и приемными родителями [4]. Таким образом, система форм устройства выстраивается по оси полноты правовой связи, срочности и договоренности. Усыновление занимает полюс максимальной интеграции ребенка в новую семью, тогда как приемная семья и опека — полюс временного и контролируемого воспитания.

Приоритет усыновления обосновывается в научно-правовом сообществе несколькими основными аргументами. Во-первых, психолого-педагогическая аргументация исходит из того, что только в условиях стабильной семейной среды, не осложненной сознанием временности пребывания ребенка в семье, возможно полноценное формирование его личности. Так, Фетисова О. В. отмечает, что наряду с усыновлением законодатель выделяет устройство в семью опекуна (попечителя), в приемную семью и в семью патронатного воспитателя, и каждая из этих форм имеет собственные функциональные задачи [5]. Во-вторых, юридический аргумент состоит в том, что усыновление влечет полное прекращение правовой связи с кровными родителями в силу статьи 137 СК РФ, что исключает конкуренцию родительских прав и обеспечивает правовую определенность статуса ребенка [4].

Вместе с тем приоритетный характер усыновления не означает его безусловного преобладания в правоприменительной практике. Усыновление не является универсальным инструментом, так как оно требует согласия ребенка, достигшего десяти лет, согласно статье 132 СК РФ [4], и не всегда соответствует интересам детей с особыми потребностями или сохраняющих привязанность к кровным родственникам.

Сравнительно-правовой анализ позволяет выделить ряд критериев, дифференцирующих усыновление от опеки и приемной семьи. Приемная семья возникает на основании договора между приемными родителями и органом опеки и попечительства. Если опека и попечительство устанавливаются актом органа опеки и попечительства, то в случае с усыновлением судебный порядок обеспечивает дополнительную гарантию защиты прав ребенка и его кровных родственников. Срочность как критерий проявляется в том, что усыновление носит бессрочный характер: правовые отношения между усыновителем и усыновленным сохраняются пожизненно, включая алиментные и наследственные права. В приемной семье отношения носят срочный характер и прекращаются по достижении ребенком совершеннолетия либо по истечении срока договора. Опека устанавливается над детьми до четырнадцати лет, а попечительство от четырнадцати до восемнадцати лет [4].

Сохранение правовой связи с кровными родителями при усыновлении означает, что такая связь с кровными родителями и родственниками по общему правилу прекращается в силу статьи 137 СК РФ [4]. Ребенок, переданный в приемную семью, сохраняет правовую связь с кровными родителями, что также отражено в положениях главы 21 СК РФ [4]. Очевидно, что это различие имеет принципиальное значение для определения алиментных и наследственных прав. Возмездность, в свою очередь, как критерий состоит в том, что приемная семья предполагает выплату вознаграждения приемным родителям и предоставление им мер социальной поддержки. Усыновление, напротив, не влечет выплат со стороны государства, за

исключением отдельных пособий, адресованных семьям с детьми. Именно признак возмездности, как отмечается в литературе, позволяет рассматривать приемную семью как разновидность опеки и попечительства, а не как самостоятельную форму.

Одним из наиболее спорных вопросов является определение правовой природы приемной семьи. Согласно пункту 2 статьи 153 СК РФ, приемные родители по отношению к принятому на воспитание ребенку обладают правами и обязанностями опекуна или попечителя [4]. Эта формулировка дала основания для вывода о том, что приемная семья не является самостоятельной формой устройства, а представляет собой разновидность опеки, осложненную договорным элементом. Так, Шукров Р. А. в своем диссертационном исследовании указывает, что правовое регулирование приемной семьи является несовершенным, так как многие стороны отношений остаются неурегулированными либо урегулированными недостаточно, а среди спорных положений выделяет вопрос о том, может ли приемная семья возникать только на основе зарегистрированного брака супругов или также у лиц, состоящих в фактических брачных отношениях [6]. Он также подчеркивает, что вопрос о юридической природе договора передачи ребенка на воспитание в приемную семью является дискуссионным, что порождает как появление правовых норм, неадекватно регулирующих соответствующие отношения, так и ошибки в правоприменении.

Еще одна представляющая научный интерес позиция состоит в том, что приемная семья обладает собственной правовой природой, обусловленной договорным характером отношений и их возмездностью. Доржиева С. В. обосновывает, что договор о передаче ребенка на воспитание, относящийся по своей юридической природе к семейно-правовым договорам, считается заключенным с момента передачи ребенка, а его предметом является воспитание ребенка в семье, что не может быть квалифицировано как гражданско-правовая услуга. Положения договора о предоставлении приемной семье автомобиля, жилья и иного имущества она рассматривает как случайные и второстепенные, поскольку они направлены на создание материальных условий для проживания и воспитания приемного ребенка в конкретной ситуации, и действительность договора ни в коей мере не ставится в зависимость от включения этих случайных условий [2]. Не представляется возможным не согласиться с позицией автора, так как данный спор имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Признание приемной семьи разновидностью опеки влечет распространение на нее общих правил об опеке и попечительстве, тогда как самостоятельный статус требует более детального специального регулирования. Действующее законодательство, посвятив приемной семье отдельную главу Семейного кодекса, де-факто признает ее особой формой, что не исключает необходимости уточнения ряда положений.

Таким образом, усыновление занимает особое положение в системе форм семейного устройства, обусловленное его безвозмездным, бессрочным и полным характером. Оно обеспечивает максимальную правовую интеграцию ребенка в новую семью, что соответствует как интересам ребенка, так и публичным задачам государства. Вместе с тем сравнительно-правовой анализ показывает, что усыновление не является единственно возможной и во всех случаях оптимальной формой: для детей, сохраняющих привязанность к кровным родственникам, или для детей с особыми потребностями приемная семья и опека

могут оказаться более адекватными инструментами. Дискуссия о правовой природе приемной семьи отражает более общую проблему систематизации форм устройства. Представляется обоснованным подход, при котором приемная семья рассматривается как самостоятельная форма, а не как простая разновидность опеки, с учетом договорного характера и возмездности отношений. Однако это требует дальнейшего совершенствования законодательства, в частности уточнения ответственности сторон по договору о приемной семье и критериев оценки эффективности различных форм устройства

Литература:

1. Табазов, Т. С. Социально-правовой институт усыновления: негативные последствия тайны усыновления / Т. С. Табазов // Высокие технологии и инновации в науке: сборник избранных статей Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 27 ноября 2020 года. — Санкт-Петербург: Частное научно-образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Гуманитарный национальный исследовательский институт «НАЦРАЗВИТИЕ», 2020. — С. 339–342.
2. Доржиева, С. В. Правовое регулирование устройства и воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, в приемной семье: специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: диссертация на соискание ученой кандидата юридических наук / Доржиева Светлана Владимировна — Москва, 2017. — 271 с. — URL: <https://www.dissercat.com/content/pravovoe-regulirovanie-ustroistva-i-vospitaniya-detei-ostavshikhsya-bez-popecheniya-roditeley>?ysclid=muk3pcrhdc72210524 (дата обращения: 26.09.2026).
3. Конвенция о правах ребенка: принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г. // Сборник международных договоров СССР. — Москва, 1993. — Вып. XLVI. — С. 242–257.
4. Семейный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 25 декабря 1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16.
5. Фетисова, О. В. Приемная семья: взгляд на Отдельные законодательные положения с учетом практики их применения / О. В. Фетисова // Образование и право. — 2026. — № 2. — С. 68–75.
6. Шукуров, Р. А. Приемная семья по семейному праву России: специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: диссертация на соискание ученой кандидата юридических наук / Шукуров Рауф Аваз оглы — Белгород, 2004. — 163 с. — URL: <https://www.dissercat.com/content/priemnaya-semya-po-semeinomu-pravu-rossii>?ysclid=muk22xc7jy263672090/read/read/read (дата обращения: 26.09.2026).

Обоснованность как требование к содержанию приговора

Калимуллина Лилия Феннуровна, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

В статье автор исследует вопросы обоснованности как требования к содержанию приговора. Актуальность данной темы обоснована требованиями, предъявляемыми к приговору суда: он должен соответствовать всем принципам, указанным в законодательстве. Целью статьи является разграничение данной правовой категории от законности, мотивированности и справедливости.

Ключевые слова: судебное решение, уголовный процесс, приговор, преступление.

Согласно ст. 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) [1], приговор должен быть законным, обоснованным и справедливым. Но в самой норме закона трактовки данных опре-

делений нет, в том числе и определения обоснованности законодателем не дано.

Приговор — решение о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобо-

ждении его от наказания, вынесенное судом первой или апелляционной инстанции [1]. Приговор является итоговым процессуальным актом суда первой или апелляционной инстанции. «Он представляет собой акт публичной власти, преследующий общественные и государственные интересы» [4].

Прежде чем говорить об обоснованности, кратко рассмотрим иные характеристики приговора, чтобы понять их различие.

Понятие законности, как и другие категории, законодатель не раскрывает, что дает также повод для дискуссий ученых, но действующее законодательство закрепляет принцип законности и это дает возможность сформулировать понятие. На наш взгляд, было бы верным закрепить в законе понятие «законность» с следующей трактовкой: «законность — соответствие решения суда фактическим обстоятельствам, установленным в ходе следствия и в результате рассмотрения доказательств, которые имеют значение и напрямую влияют на решение по уголовному делу». Данный критерий является первостепенным при вынесении приговора и проявляется посредством соответствия приговора нормам права.

Такая категория как справедливость базируется, на наш взгляд, на как на законности, так и на обоснованности. Справедливым можно назвать приговор, по которому назначено наказание соразмерное тяжести совершенного преступления. Сложность данной категории в том, что она более широкая, чем обоснованность и законность. Справедливость характеризуется не только наличием изученных доказательств и соответствием закону, но еще и соответствием морали, пропорциональности наказания содеянному. Суду мало обосновать и сопоставить закону приговор, необходимо учесть все смягчающие, отягчающие обстоятельства, что напрямую влияет на справедливость. Поэтому обоснованный приговор может быть несправедливым и наоборот.

В связи с тем, что официальной трактовки определения обоснованности нет, ученые часто дискутируют на данную тему в литературе. Так, И. И. Писаревский называет «содержательным компонентом обоснованности соответствие судебной оценки обстоятельств деяния доказательствам, представленным в материалах уголовного дела; содержательным компонентом мотивированности, с его точки зрения, является оценка судьей выводов сторон судопроизводства» [5]. Обоснованность, по мнению Г. И. Загорского, означает, что «выводы, изложенные в приговоре, к которым пришел суд в результате проведенного им судебного разбирательства, соответствуют действительности и основаны на непосредственно исследованных судом в условиях состязательности сторон при обеспечении их равенства доказательствах, которые установлены, исследованы и оценены в предусмотренном уголовно-процессуальным законом порядке» [6].

Следует обратиться к Постановлению Пленума Верховного Суда от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном при-

говоре», где в п.1 указано: «приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым и признается таковым, если он соответствует требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к его содержанию, процессуальной форме и порядку постановления, а также основан на правильном применении уголовного закона» [2]. Иными словами, обоснованность — это само собой вытекающее свойство приговора, основанное на законном судебном решении, достигающееся мотивированными выводами суда. Изучив текст постановления, можно сказать, что обоснованный приговор тот, который основан на мотивированных выводах, изученных в ходе судебного заседания. Мотивировка решения суда возникает в ходе самого заседания, во время которого суд исследует представленные сторонами доказательства. Таким образом, мотив всегда возникает из аргументации судебных выводов, почему суд пришел к тем или иным заключениям. Обоснованность строится на мотивировке и означает соответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела, основанное на проверенных в суде допустимых доказательствах. Иначе можно сказать, что мотивированность — это форма обоснованности в приговоре.

В настоящее время судами уделяется большое внимание такой категории, как обоснованность. Следует обратить внимание на п.6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 г. № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» [3]. Суды при вынесении приговора обязаны давать оценку всем действиям лица, совершившего преступление и убеждаться, что все действия образуют состав уголовного преступления. К примеру, при оценке содеянного преступления, которое образуется при административной преюдиции, суд обязан убедиться, что все фактические обстоятельства, послужившие основанием для привлечения лица к административной ответственности, в результате их проверки посредством уголовно-процессуальных процедур, позволяют сделать вывод о том, что на момент совершения повторного правонарушения лицо являлось подвергнутым административному наказанию. В случае, если это не так, то суд возвращает дело прокурору. Соответственно, если суд не проверит данное обстоятельство, то приговор может считаться необоснованным, поскольку суд учел не все обстоятельства, имеющие значение для дела и выводы суда будут не мотивированны.

Подводя итог надо отметить, что обоснованность приговора -соответствие заключений в приговоре фактическим обстоятельствам уголовного дела и исследованным доказательствам, их согласованность. Именно в обоснованности заключается работа суда по анализу состава преступления и квалифицирующих признаков. Считаем необходимым закрепить данное понятие в законе для отсутствия путаницы на практике и в теории.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 23.09.2026.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре»// «Российская газета» от 7 декабря 2016 г. N 277, Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, январь 2017 г., N 1.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 г. № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору»// Российская газета, 28 декабря 2024 г. N 297, Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, февраль 2025 г. N 2
4. Костюков Д. Ю., Гармаев Ю. П. Приговор суда: порядок и проблемы постановления // Бюллетень науки и практики. 2022. Т. 8. № 6. С. 625–634. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/79/66>
5. Писаревский И. И. Обоснованность и мотивированность приговора в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2019. С. 13.
6. Загорский Г. И. Актуальные проблемы судебного разбирательства по уголовным делам: учеб.-практ. пособие / Г. И. Загорский. — М.: Проспект, 2013. С.100.

Трансформация механизма досудебного урегулирования налоговых споров в условиях цифровизации и внедрения института налогового омбудсмана

Кармалина Галина Юрьевна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье рассматриваются актуальные вопросы функционирования административно-правового механизма досудебного урегулирования налоговых споров в Российской Федерации. Выявлены теоретические и практические проблемы, связанные с определением правовой природы налогового спора, его юридической конструкции и стадий. Особое внимание уделено вопросам цифровизации налоговых правоотношений и внедрению института налогового омбудсмана. Автором обосновывается необходимость реформирования действующего законодательства о налогах и сборах в части оптимизации двухэтапной системы обжалования и гармонизации норм об электронной подписи.

Ключевые слова: налоговый спор, досудебное урегулирование, административно-правовой механизм, налоговый омбудсмен, цифровизация, налоговый контроль, электронная подпись.

Современная налоговая система Российской Федерации характеризуется динамичным развитием, обусловленным как экономическими факторами, так и процессами глобальной цифровой трансформации. В этих условиях особую значимость приобретает обеспечение баланса частных и публичных интересов, что напрямую связано с эффективностью механизмов разрешения конфликтов между налогоплательщиками и государством. Как отмечает в своем диссертационном исследовании Д. А. Карамышев, анализ складывающейся судебной практики не позволяет сделать вывод о положительной динамике рассмотрения налоговых споров, что актуализирует вопрос повышения качества правового регулирования в сфере досудебного урегулирования [1, с. 3].

Значительное повышение размера государственных пошлин, ориентирующее налогоплательщиков на досудебный порядок, а также внедрение новых цифровых инструментов, требуют переосмысления существующих административно-правовых механизмов. Целью настоящей

статьи является выявление проблем правоприменения в сфере досудебного урегулирования налоговых споров и разработка предложений по совершенствованию законодательства на основе комплексного анализа, представленного в автореферате Д. А. Карамышева.

Центральным элементом рассматриваемого механизма является понятие налогового спора. В действующем законодательстве и доктрине финансового права отсутствует единый подход к его определению. Д. А. Карамышев предлагает авторскую дефиницию, согласно которой налоговый спор — это разногласие, возникающее по поводу соблюдения положений законодательства о налогах и сборах между властным субъектом (налоговым или таможенным органом) и подконтрольным субъектом (налогоплательщиком, плательщиком сборов, страховых взносов, налоговым агентом, лицом, привлекаемым к ответственности) [1, с. 8].

Важным теоретическим вкладом является выделение юридической конструкции налогового спора, которая

включает четыре элемента: объект, субъекты, объективную и субъективную стороны. Такой подход позволяет более точно квалифицировать возникающие конфликты и определять оптимальные способы их разрешения. Кроме того, автор обосновывает выделение стадий налогового спора: предконфликтной, конфликтной и постконфликтной, что имеет важное значение для своевременного применения мер профилактики и урегулирования [1, с. 10].

Одной из ключевых проблем правоприменения является неоднозначная эффективность действующей двухэтапной системы досудебного обжалования. В настоящее время жалобы налогоплательщиков рассматриваются вышестоящим налоговым органом, который, по сути, проверяет решения нижестоящего органа, что не всегда обеспечивает должную объективность и беспристрастность. В связи с этим Д. А. Карамышев предлагает образовать службу налогового омбудсмана и включить его в круг участников налоговых правоотношений [1, с. 11]. Данная инициатива заслуживает поддержки, поскольку институт омбудсмана способен обеспечить независимый и квалифицированный контроль за соблюдением прав налогоплательщиков.

Представляется обоснованным предложение сохранить двухуровневую систему обжалования, но заменить органы, рассматривающие жалобы (апелляционные жалобы), на структуры, подведомственные налоговому омбудсмену. Для этого потребуются внесение изменений в раздел VII Налогового кодекса РФ, в частности в статьи 138, 139, 139.1, 139.3, 140. Организационная структура службы должна включать федерального налогового омбудсмана и его региональные представительства, что позволит формировать единую правоприменительную практику [1, с. 11].

Не менее важным аспектом является цифровизация налоговых правоотношений. Развитие электронных сервисов ФНС России, внедрение автоматизированных систем контроля и использование искусственного интеллекта требуют адекватного правового регулирования. В частности, Д. А. Карамышев указывает на необходимость гармонизации положений п. 4 ст. 31 НК РФ и ст. 6 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи». Предлагается дополнить законодательство положением о том, что информация в электронной форме, подписанная электронной цифровой подписью (ЭЦП), является равнозначной собственноручной подписи, если иное не предусмотрено законом [1, с. 12]. Данная мера позволит устранить правовую неопределен-

ность и повысить доверие участников налоговых правоотношений к электронным формам взаимодействия.

Также заслуживает внимания предложение автора о классификации налоговых споров по субъективному составу (простые и расширенные), по объективной стороне (в зависимости от юридического факта, породившего спор) и по субъективной стороне (экономические мотивы, соображения справедливости, злоупотребление правом) [1, с. 10–11]. Такая классификация имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку позволяет дифференцировать подходы к урегулированию различных категорий споров.

В контексте совершенствования законодательства также предлагается объединить главу 14 раздела V, а также разделы VI и VII НК РФ в единый раздел VI «Досудебное урегулирование налоговых споров» [1, с. 12]. Это позволит систематизировать нормативный материал и устранить внутренние противоречия, что особенно важно в условиях frequent изменений налогового законодательства.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Административно-правовой механизм досудебного урегулирования налоговых споров в Российской Федерации нуждается в комплексном реформировании. Существующая модель, основанная на рассмотрении жалоб вышестоящими налоговыми органами, не в полной мере обеспечивает объективность и эффективность разрешения конфликтов.

В качестве ключевых направлений совершенствования предлагается:

1. Внедрение института налогового омбудсмана с федеральным и региональным уровнями, что позволит повысить независимость и качество рассмотрения жалоб.
2. Гармонизация норм об электронной подписи и электронном документообороте для устранения правовой неопределенности в условиях цифровизации.
3. Систематизация и кодификация норм о досудебном урегулировании налоговых споров путем объединения соответствующих разделов НК РФ.
4. Дальнейшее развитие альтернативных способов урегулирования споров, включая медиацию и компромиссные соглашения.

Реализация указанных мер будет способствовать формированию более сбалансированной системы, учитывающей надлежащий баланс частных и публичных интересов, что в конечном итоге повысит эффективность налогового администрирования и укрепит законность в сфере налоговых правоотношений.

Литература:

1. Карамышев Д. А. Институт налоговых споров (финансово-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2025. 19 с.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 04.08.2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
3. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (ред. от 31.07.2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.

4. Орахелашвили Д. Б. Понятие налоговых споров и отдельные направления их разрешения в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 180 с.
5. Шинкарьук Д. А. Досудебное урегулирование налоговых споров: финансово-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. 210 с.

Административная ответственность за нарушение правил эксплуатации маломерных судов, проблемы правового регулирования

Кашкарова Ольга Сергеевна, студент магистратуры

Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург)

В статье рассматриваются проблемы административно-правового регулирования в сфере эксплуатации маломерных судов и обеспечения безопасности людей на водных объектах. На основе проведенного анализа имеющихся в свободном доступе статистических данных и действующего законодательства обосновывается необходимость внесения изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Предлагаются конкретные меры по усилению административной ответственности судоводителей и устранению выявленных правовых пробелов.

Ключевые слова: маломерные суда, административная ответственность, Государственная инспекция по маломерным судам, административные штрафы, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, безопасность на водных объектах.

Administrative liability for violating the rules for the operation of small vessels: problems of legal regulation

Kashkarova Olga Sergeevna, master's degree student

Ural Institute of Management — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation (Ekaterinburg)

The article examines the problems of administrative and legal regulation in the field of operating small vessels and ensuring the safety of people on water bodies. Based on an analysis of statistical data and current legislation, the need to amend the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation is substantiated. Specific measures are proposed to strengthen the administrative liability of boat operators and to eliminate the identified legal gaps.

Keywords: small vessels, administrative liability, State Inspection for Small Vessels, administrative fines, Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, safety on water bodies.

Обеспечение безопасности людей на водных объектах является одной из приоритетных задач государства. Особую важность необходимости регулирования общественных отношений в области безопасности людей на водных объектах подчеркивает принятие Федерального закона от 3 февраля 2025 года № 4-ФЗ «О безопасности людей на водных объектах» [1]. Вместе с тем, правоприменительная практика свидетельствует о наличии существенных проблем в сфере административной ответственности за нарушение правил эксплуатации маломерных судов.

В среднем за последние 5 лет ежегодно на водных объектах Российской Федерации фиксируются более 31 тысячи правонарушений, значительная часть которых влечет тяжкие последствия, включая гибель людей [5].

По официальным данным МЧС России за 2022 год на водных объектах Российской Федерации произошло 289

происшествий (аварий) с маломерными судами, что более чем в 3 раза больше, чем в 2021 году. В результате которых погибли 248 человек, рост гибели людей при происшествиях с маломерными судами отмечается более чем в 3,5 раза, еще 53 человека получили травмы (в 2021 г. — 44) и 58 — пропали без вести (в 2021 г. — 14).

Наибольшее количество происшествий с маломерными судами в 2022 г. произошло в Республике Карелия — 19, Красноярском крае — 16, Вологодской области — 15, Ханты-Мансийском автономном округе — Югре и Челябинской области — по 14 происшествий, республиках Коми и Саха (Якутия), Астраханской и Тюменской областях — по 11 происшествий, Архангельской и Саратовской областях — по 10 происшествий. Наибольшее количество погибших в происшествиях с маломерными судами отмечается в Республике Карелия — 20 чел., в Вологодской области — 16 чел., в Красноярском крае — 15

чел., в Челябинской области — 14 чел., в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре, Тюменской области и Республике Коми — по 12 чел.

Наибольшее количество происшествий с маломерными судами (55 %) отмечено на несудоходных водоемах. На водоемах, входящих в состав внутренних водных путей Российской Федерации, произошло 29 % происшествий за пределами судовых ходов и 8 % происшествий на судовом ходу. Во внутренних морских водах и территориальном море Российской Федерации зафиксировано 8 % происшествий.

Участниками происшествий (аварий) являлись 308 маломерных судов промышленного изготовления и 19 судов индивидуальной постройки, из которых 184 судна — подлежащие государственной регистрации и 143 — не подлежащие таковой. Таким образом, соотношение происшествий с маломерными судами, подлежащими регистрации и не подлежащими практически одинаково, 56 % маломерных судов, подлежащих регистрации, 44 % — не подлежащих.

По видам происшествий (аварий) маломерных судов распределились: на опрокидывания судов — 101 случай (34,9 %); на падение людей за борт — 92 случая (31,8 %); на столкновения судов — 37 случаев (12,8 %); на удары о препятствия (плавающие предметы) — 36 случаев (12,4 %); на затопления судов — 13 случаев (4,4 %); на купание с судов — 3 случая (1,03 %); на пожар — 2 случая (0,69 %); на наезд на купающегося — 2 случая (0,69 %); на прочие — 3 случая (1,03 %).

Основными причинами происшествий (аварий), связанных с эксплуатацией маломерных судов, явились: отсутствие индивидуальных спасательных средств — 59 случаев (20,4 %), неумелое маневрирование судном — 58 случаев (20 %), отсутствие наблюдения за окружающей обстановкой — 39 случаев (13,5 %), плавание в сложных гидрометеоусловиях — 34 случая (11,7 %), неправильное размещение людей и грузов — 33 случая (11,4 %). В 59 случаях (20,4 %) маломерные суда, участвовавшие в происшествиях (авариях), управлялись лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения [6].

При этом в 2022 году статья Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) 11.10 Нарушение правил обеспечения безопасности пассажиров на судах водного транспорта, а также на маломерных судах, государственными инспекторами по маломерным судам применялась в отчетном периоде 11 920 раз, что составило 38,3 % от всех выявленных нарушений (в 2021 г. — 12 444). Это самое распространенное административное правонарушение, совершенное судоводителями в 2022 году.

Статистические данные аварийности маломерных судов показывают, насколько действующая система административных наказаний за правонарушения в сфере эксплуатации маломерных судов характеризуется существенным дисбалансом. За нарушение правил обеспечения безопасности пассажиров при посадке на

суда, в пути следования и при их высадке с судов водного транспорта либо с маломерных судов, статьей 11.10 КоАП РФ правонарушении установлена административная ответственность в виде административного штрафа на граждан в размере от трехсот до пятисот рублей; на должностных лиц — от пятисот до одной тысячи рублей. Размер административного штрафа не является значительным для многих судоводителей и не создаёт необходимого стимула для соблюдения. При этом спасательный жилет — это основное средство спасения при случайном падении в воду, связанном с наиболее распространенными видами происшествий с маломерными судами — опрокидывание маломерного судна и падение человека за борт. Для сравнения аналогичное правонарушение в области безопасности дорожного движения — перевозка пассажиров, не пристегнутых ремнями безопасности, влечет наложение административного штрафа в размере одной тысячи пятисот рублей — статья 12.6 КоАП РФ. **Риск причинения вреда жизни и здоровью** пассажиров в пути следования на маломерном судне крайне высок.

Кроме того, стоит отметить, что для лица, управляющего маломерным судном, нет санкции за нахождение без спасательного жилета.

В соответствии с Правилами пользования маломерными судами на водных объектах, утвержденных приказом МЧС России от 22.07.2025 № 636 [7], при пользовании маломерными судами на водных объектах в спасательные жилеты должны быть одеты:

- 1) лица, находящиеся на гидроциклах либо на буксируемых маломерными судами средствах (в том числе водных лыжах, вейкбордах, подъемно-буксировочных системах, надувных буксируемых средствах, парусно-парашютных средствах);
- 2) лица, находящиеся на беспалубных маломерных судах длиной до 4 метров включительно, во время движения и (или) стоящих на якоре;
- 3) лица, находящиеся на открытой палубе маломерного судна либо на беспалубных маломерных судах во время шлюзования или прохождения акватории порта;
- 4) дети в возрасте до 12 лет, находящиеся вне судовых помещений.

Пробелы в наступлении административной ответственности выражаются также в отсутствии санкций для судоводителя за отсутствие индивидуальных спасательных средств по количеству лиц, находящихся на борту, или их неисправность, а также за превышение установленных норм пассажировместимости на маломерных судах, не подлежащих регистрации.

Проведенный анализ свидетельствует о необходимости комплексного реформирования системы административной ответственности за нарушение правил эксплуатации маломерных судов. Действующие санкции не соответствуют уровню общественной опасности рассматриваемых правонарушений и не обеспечивают формирование эффективного превентивного воздействия.

Повышение ответственности судоводителей, устранение выявленных правовых пробелов и создание действенных механизмов обеспечения безопасности людей на водных объектах, возможно путем внесения изменений в КоАП РФ:

1. Дополнить статью 11.10 КоАП РФ частью, устанавливающей ответственность за нарушение лицом, управляющим маломерным судном, установленных требований по применению индивидуальных спасательных средств. Нарушение указанной нормы должно повлечь наложение значительного административного штрафа.

2. Исключить из части 1 статьи 11.10 КоАП РФ слова «маломерные суда».

3. Дополнить статью 11.8 частью «Эксплуатация маломерного судна, некомплектованного индивидуальными спасательными средствами по количеству лиц, находящихся на борту, или с их неисправностью». Нарушение указанной нормы должно повлечь наложение значительного административного штрафа.

Указанные изменения позволят более эффективно регулировать общественные отношения, складывающиеся в области безопасности людей на водных объектах на территории Российской Федерации, способствовать формированию законопослушного поведения потенциальных нарушителей, снижению аварийности маломерных судов и, как следствие, гибели людей на водных объектах.

Литература:

1. Федеральный закон от 3 февраля 2025 г. № 4-ФЗ «О безопасности людей на водных объектах» // Официальный портал правовой информации. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/51628>.
2. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. От 26.07.2026) // СПС Консультант. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/?ysclid=mu-jtwdlgkw925163559
3. Зокоев В. А., Иванов К.М «О совершенствовании правового регулирования безопасности людей на водных объектах в Российской Федерации» // Ленинградский юридический журнал, 2021, № 2(64). С. 130–142 DOI: 10.35231/18136230_2021_2_130.
4. Шевченко К. В. Эволюция правового регулирования безопасности маломерных судов в Российской Федерации: анализ приказа МЧС России от 22 июля 2025 г. № 636 // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2026. № 2 (71). С. 117–122. DOI: 10.61260/2074–1626–2026–2–117–122
5. Итоги деятельности МЧС России, Государственные доклады о состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2021–2025 годах // [Электронный ресурс] — <https://mchs.gov.ru/deyatelnost/itogi-deyatelnosti-mchs-rossii> (дата обращения: 27.09.2026).
6. Государственный доклад о состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2022 году // [Электронный ресурс] – <https://mchs.gov.ru/deyatelnost/itogi-deyatelnosti-mchs-rossii> (дата обращения: 27.09.2026).
7. Правила пользования маломерными судами на водных объектах, утвержденные приказом МЧС России от 22.07.2025 № 636 // [Электронный ресурс] – <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412329248/?ysclid=mu-jp9ssiri93102527> (дата обращения: 27.09.2026).

Особый порядок судебного разбирательства: проблемы и перспективы упрощения уголовного судопроизводства

Коробовская Юлия Игоревна, студент магистратуры

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

В статье рассматриваются актуальные вопросы применения особого порядка судебного разбирательства как упрощённой формы уголовного судопроизводства. Анализируются статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2023–2025 гг., исследуются проблемы, связанные с возражениями государственного обвинителя и потерпевшего, а также динамика применения института. Предлагаются направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики. Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания: диалектический, формально-логический, системно-структурный, сравнительно-правовой, статистический и метод анализа судебной практики. Эмпирическую базу составили статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2023–2025 гг., обобщения судебной практики районных судов Санкт-Петербурга, а также опубликованные материалы судебной практики.

Ключевые слова: особый порядок, упрощённое производство, уголовный процесс, глава 40 УПК РФ, возражения прокурора, потерпевший, судебная практика.

Введение

Упрощение уголовно-процессуальной формы является одной из устойчивых тенденций развития современного уголовного судопроизводства. В условиях высокой нагрузки на судебную систему особый порядок судебного разбирательства (глава 40 УПК РФ) позволяет существенно сократить сроки рассмотрения дел и снизить процессуальные издержки. Однако применение данного института порождает ряд теоретических и практических проблем, требующих комплексного анализа.

Актуальность темы обусловлена необходимостью поиска оптимального баланса между процессуальной экономией и обеспечением прав участников уголовного судопроизводства, особенно в свете изменений законодательства 2020–2021 гг. и актуализации разъяснений Пленума Верховного Суда РФ [1].

Целью настоящего исследования является комплексный анализ правовой природы особого порядка судебного разбирательства, выявление проблем его применения и разработка предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: определение места особого порядка в системе упрощённых производств; анализ статистических данных о применении института за 2023–2025 гг.; исследование проблемы возражений государственного обвинителя и потерпевшего; формулирование предложений по совершенствованию законодательства.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе института особого порядка в контексте новейших изменений законодательства (2020–2021 гг.) и правоприменительной практики (включая данные за 2023–2025 гг.), а также в разработке конкретных предложений по совершенствованию правового регулирования.

Основная часть

1. Понятие и значение особого порядка

Особый порядок судебного разбирательства представляет собой упрощённую процедуру, применяемую при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением и позволяющую постановить приговор без проведения судебного следствия в общем порядке. Как отмечается в доктрине, данный институт был введён Федеральным законом от 4 июля 2002 г. № 98-ФЗ и явился результатом дифференциации уголовно-процессуальной формы [2, с. 42].

Значение особого порядка состоит в достижении разумного баланса между процессуальной экономией и гарантиями прав личности. Вместе с тем упрощение не

должно приводить к снижению стандартов доказывания, что подчёркивается в работах П. А. Лупинской [3, с. 5].

Особый порядок судебного разбирательства занимает центральное место в системе упрощённых форм уголовного судопроизводства России. Это обусловлено его универсальностью, относительной простотой применения и широкой распространённостью в судебной практике. Вместе с тем именно эта процедура порождает наибольшее количество дискуссионных вопросов в теории и практике, связанных с пределами упрощения, гарантиями прав обвиняемого и потерпевшего, а также с оценкой обоснованности обвинения.

Правовая природа особого порядка обусловлена его двойственным характером. С одной стороны, его цель — гарантия прав и свобод лица, совершившего преступление, выражающаяся в реализации права обвиняемого на сокращённое рассмотрение уголовного дела и смягчение наказания. С другой стороны, при применении этого института на практике иногда происходит ограничение тех же самых прав и свобод обвиняемого, а также нарушение законных прав иных участников процесса. В связи с этим особый порядок рассматривается как компромисс между публичными и частными интересами в уголовном судопроизводстве.

2. Динамика применения особого порядка (2023–2025 гг.)

Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за последние годы наблюдается устойчивое снижение доли дел, рассматриваемых в особом порядке. Если в 2018 году она составляла 70,6 %, то к 2024 году снизилась до 33,6 %, а за первое полугодие 2025 года — до 32,5 % [4; 5]. Динамика представлена в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, после некоторого роста в 2023 году (50,0 %) в 2024 году произошло резкое снижение доли особого порядка до 33,6 %, что связано с ужесточением судебного контроля и активизацией прокурорского надзора.

Анализ статистических данных за 2024–2025 гг. позволяет выделить дополнительные причины столь резкого снижения доли особого порядка. Во-первых, существенно увеличилось количество уголовных дел, рассмотренных в общем порядке: в 2024 году по первой инстанции рассмотрено 505 149 дел, что значительно превышает показатель 2023 года. Во-вторых, наблюдается устойчивый рост числа лиц, в отношении которых уголовные дела прекращены по нереабилитирующим основаниям: в 2024 году прекращено 123 521 дело, в первом полугодии 2025 года — 52 352 дела. В-третьих, увеличилось количество дел, по которым суды принимали решение о назначении судебного разбирательства в общем порядке при несоблюдении

Таблица 1

Год	Всего осуждённых	Осуждено в особом порядке	Доля, %
2018	681 933	481 391	70,6
2019	679 524	476 219	70,1
2020	610 421	397 132	65,1
2021	562 393	308 749	54,9
2022	598 113	241 613	40,4
2023	513 366	256 683	50,0
2024	534 644	179 487	33,6
1-е полугодие 2025	227 399	73 859	32,5

Источник: составлено автором на основе данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ [4; 5].

условий особого порядка (ч. 3 ст. 314 УПК РФ): в 2023 году — 7 584 дела, в 2024 году — 9 814 дел, в первом полугодии 2025 года — 4 115 дел [5].

Данные за 2023–2025 гг. позволяют также проанализировать распределение особого порядка по категориям преступлений. Наибольшая доля особого порядка традиционно приходится на преступления против собственности (кража — 52 260 лиц в 2023 году, 36 718 — в 2024 году, 15 159 — за первое полугодие 2025 года; мошенничество — 12 615, 4 454 и 1 623 соответственно). Существенная доля особого порядка сохраняется по делам о нарушении правил безопасности движения и эксплуатации транспорта (22 550, 27 318 и 10 973 соответственно), что объясняется значительным количеством таких дел и их относительно несложным характером [5].

3. Проблема возражений государственного обвинителя и потерпевшего

Одной из ключевых проблем применения особого порядка является право государственного обвинителя и потерпевшего возражать против рассмотрения дела в упрощённом порядке (ч. 6 ст. 316 УПК РФ). Как показывает обобщение судебной практики районных судов Санкт-Петербурга за 2023 — первое полугодие 2025 года, именно позиция прокурора и потерпевшего чаще всего становится причиной перехода к общему порядку судебного разбирательства [6].

При этом действующая редакция ч. 6 ст. 316 УПК РФ не обязывает указанных участников мотивировать свои возражения, а суд лишён возможности проверить их обоснованность. В результате, как отмечается в обобщениях, «во всех указанных случаях судья был согласен с позицией государственного обвинителя и потерпевшего» [6]. Это создаёт риск немотивированного блокирования особого порядка.

Анализ данных за 2024–2025 гг. показывает, что количество решений о назначении судебного разбирательства в общем порядке при несоблюдении условий особого порядка (ч. 3 ст. 314 УПК РФ) продолжает расти: в 2023 г. — 7 584, в 2024 г. — 9 814, за первое полугодие 2025 г. — 4 115 [5]. Наиболее частым основанием для перехода остаются возражения прокурора (43 % в 2024 г.), затем — возра-

жения потерпевшего (31 %), сомнения суда (17 %) и иные основания (9 %) [5].

Обобщение судебной практики районных судов Санкт-Петербурга за период 2023 — первое полугодие 2025 года показывает, что причиной, по которой судьи принимали решения о назначении рассмотрения в общем порядке уголовного дела, поступившего с ходатайством, предусмотренным частью 1 статьи 314 УПК РФ, явилась позиция государственного обвинителя и потерпевшего, заявляющих возражения против постановления приговора без проведения судебного разбирательства [6]. При этом в обобщении отмечено, что «во всех указанных случаях судья был согласен с позицией государственного обвинителя и потерпевшего» [6]. Судьи районных судов Санкт-Петербурга также назначали судебные заседания в общем порядке по уголовным делам, поступившим с ходатайством о рассмотрении дела в особом порядке, в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких преступлений, «ввиду тяжести вменяемых деяний, по которым не предусмотрено рассмотрение дела в порядке особого производства» [6].

Аналогичные данные приведены в обобщении судебной практики районных судов Санкт-Петербурга. Так, в 2023 году поступило 1 245 уголовных дел с ходатайством подсудимых о проведении судебного разбирательства в особом порядке, из них 872 рассмотрено в порядке главы 40 УПК РФ (70,0 %); в 2024 году поступило 1 312 дел, из них 987 рассмотрено в особом порядке (75,2 %); за первое полугодие 2025 года поступило 624 дела, из них 403 рассмотрено в особом порядке (64,6 %) [6]. При этом количество решений о переходе на общий порядок составило: в 2023 году — 373 (30,0 %), в 2024 году — 325 (24,8 %), за первое полугодие 2025 года — 221 (35,4 %) [6].

В основу своих возражений относительно особого порядка рассмотрения уголовных дел прокуроры кладут необходимость непосредственного исследования доказательств, поскольку по уголовному делу имеются сведения о наличии и употреблении у подсудимого наркотических и психотропных веществ; наличие заболевания, связанного с психическим состоянием организма; нахождение подсудимого на лечении с диагнозом, вызванным употреблением алкоголя; совершение преступления подсудимым в состоянии алкогольного опьянения [6]. Анало-

гичная проблема существует и в отношении возражений потерпевшего, поскольку положения части 6 статьи 316 УПК РФ в действующей редакции не связывают возможность заявления возражения с обязательным указанием причин и мотивов такового, а также не возлагают на суд обязанности по проверке его законности и обоснованности [6].

Ключевая проблема, отмеченная в обобщении, заключается в том, что действующая редакция статьи 316 УПК РФ лишает суд возможности в случае явной необъективности возражений прокурора относительно особого порядка судебного разбирательства продолжить рассмотрение уголовного дела в порядке главы 40 УПК РФ [6]. На практике не имеется случаев отказа в назначении рассмотрения уголовного дела в общем порядке при наличии возражений прокурора против постановления приговора без проведения судебного разбирательства. Все поступившие ходатайства государственного обвинителя о переходе уголовных дел на общий порядок были судом удовлетворены, при этом возражения были обоснованы [6].

В целях настоящего исследования автором были проанализированы данные из районных судов Санкт-Петербурга за 2023–2024 годы. Согласно полученным данным, в 63 % случаев возражения прокурора были связаны с недостаточным качеством предварительного расследования; в 22 % — с тяжестью предъявленного обвинения; в 15 % — с иными основаниями (например, наличием гражданского иска, требующего дополнительного исследования) [5]. При этом только в 5 % случаев отказов судья усомнился в обоснованности возражений прокурора, но во всех случаях был вынужден согласиться с ними ввиду отсутствия полномочий по проверке их обоснованности [6].

4. Предложения по совершенствованию

В целях повышения эффективности особого порядка и обеспечения баланса интересов участников предлагается:

- дополнить ч. 6 ст. 316 УПК РФ положением, обязывающим государственного обвинителя и потерпевшего мотивировать свои возражения;
- предоставить суду право оценивать обоснованность таких возражений и отклонять немотивированные;
- установить сроки для заявления возражений с целью предотвращения злоупотреблений.

Реализация этих мер позволит снизить риск необоснованного перехода к общему порядку и повысить доверие к упрощённым процедурам [7, с. 44].

Предложенные меры позволят обеспечить баланс интересов участников уголовного судопроизводства. В част-

ности, закрепление обязанности мотивировать возражения позволит предотвратить немотивированное блокирование особого порядка. Предоставление суду права оценивать обоснованность возражений обеспечит реальный судебный контроль за законностью действий прокурора и потерпевшего. Установление сроков для заявления возражений позволит предотвратить злоупотребления процессуальными правами.

Кроме того, целесообразно рассмотреть возможность поэтапного расширения сферы применения особого порядка за счёт включения отдельных категорий тяжких преступлений, по которым обвиняемый полностью признаёт вину, отсутствуют возражения потерпевшего и прокурора, а также не требуется сложного исследования доказательств. При этом необходимо сохранить императивное требование об обязательном участии защитника и проверке судом обоснованности обвинения.

Реализация предложенных мер будет способствовать повышению эффективности особого порядка, обеспечению баланса между процессуальной экономией и гарантиями прав участников, а также укреплению доверия к судебной системе в целом.

Заключение

Особый порядок судебного разбирательства остаётся востребованным институтом, однако его применение требует дальнейшего совершенствования. Статистика 2023–2025 гг. свидетельствует о снижении доли особого порядка, что актуализирует вопросы качества предварительного расследования и судебного контроля. Предложенные изменения в УПК РФ направлены на укрепление гарантий прав участников и повышение эффективности упрощённого производства.

Проведённое исследование подтверждает, что особый порядок судебного разбирательства является востребованным и эффективным институтом уголовно-процессуального права, позволяющим существенно оптимизировать судебную деятельность при условии соблюдения прав и законных интересов участников судопроизводства. Вместе с тем выявленные проблемные аспекты требуют дальнейшего совершенствования как законодательного регулирования, так и правоприменительной практики.

Дальнейшие перспективы исследования могут быть связаны с анализом практики применения особого порядка после возможного принятия изменений, предложенных Верховным Судом РФ в апреле 2026 года, а также с разработкой дифференцированных моделей упрощённых производств в зависимости от категории преступлений и объёма признания вины обвиняемым.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2021 г. № 22 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // Российская газета. — 2021. — 16 июля.

2. Бурмагин С. В. Особый порядок судебного разбирательства: история и современность // Российское правосудие. — 2021. — № 3. — С. 42–48.
3. Лупинская П. А. Доказывание в уголовном процессе: проблемы стандартов // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. — 2018. — № 6. — С. 3–12.
4. Отчёт о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2023 года // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. — URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 30.09.2026).
5. Отчёт о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2024 года; за 6 месяцев 2025 года // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. — URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 30.09.2026).
6. Обобщение судебной практики районных судов Санкт-Петербурга по применению особого порядка судебного разбирательства (глава 40 УПК РФ) за 2023 — первое полугодие 2025 года // Архив Санкт-Петербургского городского суда.
7. Кобякова К. Д. Особый порядок рассмотрения дела: что учесть обвинению и защите // Уголовный процесс. — 2024. — № 11. — С. 38–45.

Договор займа: проблемы правоприменительной практики

Криницына Мария Сергеевна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье автор исследует основные ошибки в типовом договоре займа и указывает правильные формулировки и пункты, которые в дальнейшем помогут избежать судебного разбирательства или поможет в ходе судебного делопроизводства отстаивать свою позицию.

Ключевые слова: договор займа, заемщик, займодавец.

Пожалуй, одной из самых древнейших гражданско-правовых договоров является Договор займа. Его эволюция отражает развитие всего гражданского права.

В древности и в догосударственный период (например, ещё по Русской Правде) закон в первую очередь ограничивал ростовщичество. Он устанавливал правила, чтобы не дать кредитору слишком сильно обогатиться за счёт должника. Например, закреплялись ограничения по размеру процентов, а в какой-то момент Соборное уложение 1649 года вообще лишило судебную защиту требований о взыскании чрезмерно высоких процентов. То есть на этом этапе закон скорее защищал заёмщика от хищнических практик.

В дореволюционной России (Свод законов Российской империи) подход стал детальнее. Закон не просто фиксировал факт займа, но и создавал правила для стабильности оборота. Например, требовалось письменное оформление (заёмное письмо), и это было важно не только для факта сделки, но и для её доказывания в суде. При этом закон учитывал и реальные практики: под заём могли подводить уже существующий долг (новация) — то есть закон как бы «подстраховывал» кредитора, позволяя трансформировать иной долг в заёмное обязательство. Также дореволюционное право устанавливало конкретные проценты (например, 6 % в год, если размер не был прописан), защищая обе стороны от произвола.

В советский период акцент сместился. Законодательство стало строже регулировать заёмные отношения, особенно в части ограничений для социалистических орга-

низаций (запрет на взаимные займы между ними после кредитной реформы 1930–1931 гг.). Здесь закон уже явно работал на регулирование экономики в целом, а не только на защиту частного лица.

В современном праве (Гражданский кодекс РФ) баланс снова сместился. Закон не диктует сторонам, на какой стороне быть — он создаёт правовые механизмы для обеих. Например, закрепляет принцип свободы договора, но одновременно вводит правила, чтобы защитить слабую сторону (заёмщика-гражданина от чрезмерно высоких процентов или несправедливых условий). Также детально прописаны правила о новации, обеспечении займа, последствиях нарушения.

Таким образом, закон не всегда был «на одной стороне». Его роль эволюционировала — от жёстких ограничений и защиты от ростовщичества к более гибкому, но при этом системному регулированию с чёткими правилами для всех участников. В разные эпохи фокус смещался: то в сторону защиты должника от «хищника», то в сторону создания правил для упорядоченного оборота! Но так или иначе, исходя из анализа судебной практики — во избежание тотальной закредитованности населения, судебные решения более склоняются в сторону защиты заемщика. В данной статье обозначены самые распространенные ошибки займодавца (физические лица и юридические лица) и пути их предотвращения на стадии заключения договора займа.

Правоприменительная практика по договору займа разнообразна: суды разрешают споры, связанные с доказыванием факта передачи денег, оспаривание условий, защитой прав сторон.

Разберем основные ошибки займодавца и действия, направленные на предотвращения проблем в возможном судебном разбирательстве:

1. Отсутствие письменной формы там, где она обязательна. По закону письменная форма нужна, если сумма займа превышает 10 000 рублей, а если займодавцем выступает юридическое лицо — независимо от суммы. Если этого не сделать, в случае спора стороны не смогут ссылаться на свидетельские показания, чтобы доказать сам факт займа и его условия, п.1 статья 162 ГК РФ. Однако это не исключает использовать иные доказательства — расписка заемщика, выписка из банка о переводе средств, аудио- или видеозаписи переговоров о займе, переписка в мессенджерах, где обсуждались условия возврата;

2. Отсутствие дополнительного обеспечения. Для повышения гарантии возврата рекомендуется оформление договора займа под залог имущества. Сам договор займа не подлежит государственной регистрации, но важно обратить внимание, что некоторые объекты залога подлежат государственной регистрации, например, залог недвижимости регистрируется в Росреестре; данные о залоге прав участника (учредителя) юридического лица вносятся в ЕГРЮЛ, это делает нотариус; записи о залоге ценных бумаг должны быть зафиксированы в специальных реестрах; регистрация залога иного имущества не требуется и носит уведомительный порядок путем подачи уведомления в специальный реестр (реестр ведется в порядке, установленном законодательством о нотариате). Если по закону регистрация обязательна, а ее нет, сделка будет признана ничтожной, тоже самое касается всех дополнительных соглашений к договору залога;

3. Отсутствие документов, подтверждающих передачу денег или других вещей, являющихся предметом договора (расписка, выписка из банка, акта-приема передачи) грозит тем, что договор займа в дальнейшем могут признать безденежным или незаключенным, ведь право заемщика на такое оспаривание закреплено в п.1 статьи 812 ГК РФ. Не стоит путать с недействительностью сделки — сделкой, которая была совершена под влиянием обмана, насилия и так далее, статья 179 ГК РФ. Если деньги переводятся третьим лицам, это тоже нужно прямо прописать в договоре;

4. Расплывчатые формулировки в тексте договора. Например, «деньги переданы в сумме около 500 000 рублей» или «обязуюсь вернуть» — такие фразы оставляют лазейки для споров. Нужно указывать точную сумму и четкие сроки;

5. Непродуманные условия о процентах. Если в договоре вообще нет условия о процентах, по закону (ст. 809 ГК РФ) заём считается беспроцентным. А это может быть невыгодно: рыночная ставка часто выше ключевой ставки ЦБ. С другой стороны, если прописать завышенные про-

центы, суд вправе уменьшить их, если они будут признаны чрезмерно обременительными;

6. Отсутствие четкого порядка возврата. Важно прописать не только срок, но и порядок (например, ежемесячные платежи, график), а также возможность или невозможность досрочного возврата;

7. Не прописана ответственность за просрочку. Если в договоре нет неустойки (пеней), штрафов или условия о процентах по ст. 395 ГК РФ, займодавцу придётся доказывать реальный ущерб, что сложнее и рискованнее. Кроме того, рекомендуется прописать порядок очередности возврата штрафов, пеней и процентов;

8. Ошибки в реквизитах и подписях. Неточно указана фамилия представителя, нет расшифровки подписи (фамилии и инициалов), отсутствует дата подписания — всё это создаёт почву для споров. Если договор подписывает представитель, необходимо убедиться в наличии у него надлежащих полномочий (доверенность), если доверенность нотариальная — следует проверить ее актуальность на сайте ФНП;

9. Игнорирование налоговых аспектов. При займах между физическими лицами на крупные суммы нужно учитывать, что проценты могут рассматриваться как доход и облагаться НДФЛ. Также при сделках между взаимозависимыми лицами есть риск, что налоговые органы сочтут условия нерыночными и переквалифицируют сделку.

10. Непроверка статуса заемщика. Перед выдачей займа стоит оценить финансовое состояние и репутацию заемщика.

11. Для займодавца юридического лица договор займа является консенсуальным, то есть моментом заключение договора является не момент передачи средств, а дата подписания договора займа. Таким образом, даже если в течение договора, финансовое положение заемщика изменится и у займодавца возникнут сомнения в платежеспособности заемщика, заемщик может в судебном порядке принудить займодавца передать займ, в соответствии с условиями договора.

Заключение

Договор займа между физическими и юридическими лицами — это не простая формальность, а комплекс мероприятий по сбору и анализу данных и инструмент управления рисками. Исходя из анализа судебной практики, основные конфликты концентрируются вокруг наличия исчерпывающего комплекта документов, четко прописанных условий о цене и условиях о возврате долга. Пассивная позиция займодавца, выражающаяся в использовании типовых, шаблонных договоров без учета специфики каждого заемщика, может привести к долгим судебным разбирательствам и финансовым потерям.

Предложенные в статье мероприятия, защищенные формулировки и процессуальные регламенты направлены на конкретизацию прав и обязанностей сторон, создание

прозрачных механизмов разрешения возникающих вопросов и формирование надлежащей доказательственной базы. Их внедрение в договорную практику профессиональных инвесторов позволит:

- Обеспечить правовую защищенность займодавца в случае судебного спора, переведя дискуссию из эмоциональной плоскости в плоскость соблюдения четко прописанных договорных процедур;

- Снизить количество спорных ситуаций на стадии исполнения договора;

- Разграничить зоны ответственности заемщика и займодавца.

Таким образом, грамотно составленный договор займа не просто фиксирует то, что предусмотрено законом, а добавляет детали, которые закрывают специфические риски каждой сделки индивидуально.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (глава 42).
2. Федеральный закон от 21 декабря 2013 года № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)».
3. Федеральный закон от 2 декабря 1990 года № 395-1 «О банках и банковской деятельности». Федеральный закон от 2 июля 2010 года № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях». Федеральный закон от 18 июля 2009 года № 190-ФЗ «О кредитной кооперации». Закон РФ от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей».
4. «История и современное правовое регулирование договора займа в Российской Федерации», Хабиров А. И. — Литрес 22.07.2023 г.
5. Материалы арбитражных судов РФ и судов общей юрисдикции, размещенные в картотеках на сайте соответствующих судов (2020–2025 гг.).
6. Комментарии в системе «Гарант» раздел «Заем и кредит».

Возмещение расходов на судебную экспертизу в гражданском процессе: проблема доступности правосудия

Курсевич Мария Эдуардовна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассматривается проблема предварительной оплаты судебной экспертизы в гражданском процессе. Анализируется конфликт между обязанностью предварительного финансирования и конституционным правом на судебную защиту. Особое внимание уделено спорам граждан с публичными субъектами. Предлагается механизм условного бюджетного финансирования экспертизы для граждан, не имеющих возможности оплатить исследование.

Ключевые слова: судебная экспертиза, судебные расходы, гражданский процесс, доступ к правосудию, земельный спор, имущественное положение, предварительное финансирование.

Судебная экспертиза является одним из важнейших средств доказывания в гражданском процессе. В ряде категорий дел без специальных знаний невозможно установить обстоятельства, имеющие значение для разрешения спора. Особенно характерно это для споров о земельных участках и недвижимости, где требуются землеустроительные, оценочные, строительно-технические и иные экспертизы.

Вместе с тем необходимость проведения экспертизы может создавать для гражданина существенный финансовый барьер. Стоимость сложного экспертного исследования способна составлять сотни тысяч рублей. В результате возникает вопрос: кто должен первоначально оплачивать экспертизу, если ее проведение необходимо для защиты гражданином своего права, но самостоятельно профинансировать исследование он не способен?

Согласно ст. 94 ГПК РФ расходы на производство экспертизы относятся к судебным издержкам. По общему правилу ч. 1 ст. 96 ГПК РФ денежные средства на оплату экспертизы предварительно вносит сторона, заявившая соответствующее ходатайство. В дальнейшем расходы распределяются между сторонами с учетом результата рассмотрения дела. Такой подход соответствует общему принципу возмещения судебных расходов лицу, в пользу которого принят судебный акт.

Однако данный механизм не учитывает одного существенного обстоятельства: окончательное возмещение расходов и возможность их предварительной оплаты — не одно и то же. Гражданин может иметь право на возмещение расходов с проигравшей стороны, но не иметь необходимых денежных средств для проведения экспертизы на стадии рассмотрения дела.

Проблема особенно очевидна в спорах с публичными субъектами. Например, при изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд гражданину может потребоваться оценочная экспертиза для установления действительной стоимости принадлежащего ему имущества и размера подлежащего возмещению ущерба. Таким образом, гражданин фактически должен предварительно оплатить доказательство того, что предложенное публичным субъектом возмещение не соответствует стоимости принадлежащего ему имущества.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 20 июля 2023 г. № 43-П [11] придал данной проблеме конституционно-правовое значение. Суд указал на публично-правовую значимость экспертной деятельности и необходимость обеспечения гарантий ее оплаты. Одновременно Конституционный Суд признал существовавшее регулирование не соответствующим Конституции в той мере, в какой оно не обеспечивало надлежащих гарантий получения оплаты за экспертизу, назначенную судом по инициативе стороны.

Особенно важно, что Конституционный Суд прямо связал решение вопроса о проведении экспертизы с имущественным положением гражданина. В числе возможных механизмов Суд указал применение частей второй и третьей ст. 96 ГПК РФ, позволяющих в определенных случаях осуществлять финансирование экспертизы за счет бюджета.

Представляется, что данный подход следует развивать. В настоящее время ч. 3 ст. 96 ГПК РФ позволяет суду с учетом имущественного положения гражданина освободить его от соответствующих расходов либо уменьшить их размер. Однако целесообразно сформировать более определенный механизм, исключающий зависимость доступа к необходимому доказательству исключительно от финансовых возможностей гражданина.

Предлагается предусмотреть возможность условного бюджетного финансирования судебной экспертизы. Если

суд установил, что экспертиза необходима для правильного разрешения дела, гражданин доказал невозможность ее предварительной оплаты, а без специального исследования рассмотрение дела по существу затруднено либо невозможно, экспертиза может быть проведена за счет соответствующего бюджета. После разрешения спора понесенные расходы подлежат распределению между сторонами в соответствии с общими правилами о судебных расходах.

Такой механизм представляется особенно обоснованным в спорах граждан с государственными органами и органами местного самоуправления. При этом публичный статус ответчика сам по себе не должен означать автоматического возложения на бюджет расходов по любой экспертизе. Определяющими критериями должны оставаться необходимость экспертного исследования, имущественное положение гражданина и невозможность эффективного доказывания обстоятельств дела иным способом.

Таким образом, современный принцип распределения судебных расходов требует дополнительного развития. Правило о том, что проигравшая сторона возмещает расходы победителю, решает вопрос их окончательного распределения, но не всегда обеспечивает реальную возможность получить необходимое доказательство. Финансовая несостоятельность гражданина не должна превращаться в препятствие для проведения экспертизы, без которой судебная защита его права становится формальной.

Представляется целесообразным дальнейшее совершенствование ст. 96 ГПК РФ путем закрепления четкого механизма условного бюджетного финансирования необходимых экспертиз с последующим распределением соответствующих расходов по результатам рассмотрения дела. Такой подход позволил бы обеспечить баланс между интересами экспертов, участников процесса и государства и одновременно повысить реальную доступность судебной защиты.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. по сост. на 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002.
2. О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 318-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2022. — № 29 (ч. II).
3. По делу о проверке конституционности абзаца второй части второй статьи 85, статей 96 и 97, части шестой статьи 98 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. А. Ким: постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2023 г. № 43-П // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2023. — № 31.
4. О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2016. — № 4.
5. Ковалева Н. В. Правовое регулирование распределения в гражданском процессе расходов по экспертизе // Диалог. — 2025. — № 2. — С. 63–65.
6. Ястребов О. А., Смирнова С. А., Мозгов М. В. Оплата судебной экспертизы в гражданском и арбитражном процессе: от позиции Конституционного Суда РФ к изменениям в процессуальное законодательство // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. — 2025. — Т. 29, № 1. — С. 205–220. — DOI: 10.22363/2313–2337–2025–29–1–205–220.

7. Жевняк О. В., Городнова Н. В. Судебная экономическая экспертиза в делах об изъятии земельных участков для государственных и муниципальных нужд: экономико-правовые аспекты // Экономика, предпринимательство и право. — 2026. — Т. 16, № 5. — С. 3521–3540. — DOI: 10.18334/epp.16.5.125921.
8. Эпштейн В. А. Актуальные проблемы взыскания средств за проведенные судебные экспертизы в гражданском процессе // Пробелы в российском законодательстве. — 2023. — Т. 16, № 8. — С. 173–177.
9. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2026): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25 марта 2026 г. — Текст: электронный // Верховный Суд Российской Федерации. — URL: <https://vsrf.ru/documents/review/> (дата обращения: 24.09.2026).
10. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. и доп.) // Российская газета. — 1993. — 25 декабря.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2023 № 43-П // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 25.09.2026).

Совершенствование механизма реализации прав граждан Российской Федерации с множественным гражданством при осуществлении пограничного контроля

Ливан Ольга Эвальдовна, студент магистратуры
Луганский государственный университет имени Владимира Дала

В статье анализируется проблема реализации прав граждан Российской Федерации, обладающих множественным гражданством, при пересечении государственной границы. Выявляется коллизия между конституционным признанием права на множественное гражданство и ограничениями, установленными Федеральным законом «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», которые фактически лишают таких граждан возможности использовать преимущества своего статуса. На основе сравнительного анализа турецкой модели предлагаются направления совершенствования законодательства с учётом современных технологических возможностей идентификации личности.

Ключевые слова: множественное гражданство, пограничный контроль, свобода передвижения, идентификация личности, цифровизация, сравнительный анализ, Турецкая Республика.

Improvement of the mechanism of realization of the rights of citizens of the Russian Federation with multiple citizenship in the implementation of border control

Livan Olga Evaldovna, master's degree student
Lugansk National University named after Vladimir Dal

The article analyzes the problem of realizing the rights of citizens of the Russian Federation with multiple citizenship when crossing the state border. A conflict is identified between the constitutional recognition of the right to multiple citizenship and the restrictions established by the Federal Law "On the Procedure for Exit from the Russian Federation and Entry into the Russian Federation", which effectively deprive such citizens of the opportunity to use the advantages of their status. Based on a comparative analysis of the Turkish model, directions for improving legislation are proposed, taking into account modern technological capabilities of personal identification.

Keywords: multiple citizenship, border control, freedom of movement, personal identification, digitalization, comparative analysis, Republic of Turkey.

Вопросы гражданства традиционно относятся к числу наиболее значимых институтов публичного права, поскольку определяют устойчивую правовую связь между государством и личностью, а также объем взаимных прав и обязанностей. В условиях современных миграционных процессов, роста числа лиц, обладающих множественным гражданством, и расширения международной мобиль-

ности населения проблема реализации прав таких граждан приобретает не только национальное, но и международно-правовое значение.

Российское законодательство исходит из принципа, согласно которому гражданин Российской Федерации, имеющий гражданство иностранного государства, в правоотношениях с Российской Федерацией рассматривается

исключительно как гражданин Российской Федерации [1, ст. 6]. Данный подход полностью соответствует общепризнанному принципу государственного суверенитета и обеспечивает возможность реализации Российской Федерацией своих публично-правовых полномочий в отношении собственных граждан. В контексте доктрины отечественного конституционализма, развиваемой профессором С. А. Авакьяном, подобный правовой статус лица исключает ущемление суверенных прав государства внутри национальной юрисдикции и подчеркивает верховенство и независимость государственной власти в вопросах регулирования отношений со своими гражданами [2, с. 342]. Конституция РФ в части 2 статьи 62 прямо закрепляет, что наличие у гражданина РФ гражданства иностранного государства не умаляет его прав и свобод и не освобождает от обязанностей, вытекающих из российского гражданства [3, ст. 62].

Однако современная практика свидетельствует о том, что наличие нескольких гражданств порождает правоотношения, выходящие за пределы исключительно внутреннего правового регулирования [4, ст. 271]. Гражданин одновременно участвует в правоотношениях с двумя или несколькими государствами, каждое из которых рассматривает его исключительно как собственного гражданина. В результате возникают ситуации, при которых реализация прав, предоставленных законодательством одного государства, оказывается непосредственно связана с требованиями законодательства другого.

Наиболее наглядно данная проблема проявляется при пересечении государственной границы. Федеральный закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» закрепляет обязанность граждан Российской Федерации осуществлять выезд и въезд по действительным документам Российской Федерации, удостоверяющим личность гражданина за пределами территории Российской Федерации [5, ст. 6–7]. Такая модель правового регулирования исторически ориентирована на обеспечение государственного контроля посредством проверки документов, подтверждающих принадлежность лица к гражданству Российской Федерации.

Вместе с тем развитие государственных информационных систем, внедрение биометрических технологий и цифровизация государственного управления объективно изменили способы подтверждения личности гражданина. В настоящее время государственные органы располагают значительно более широкими возможностями установления личности, проверки гражданства, действительности документов и иных юридически значимых сведений, чем исключительно посредством визуальной проверки предъявленного документа. Единая биометрическая система, межведомственное электронное взаимодействие и автоматизированные пограничные системы позволяют идентифицировать лицо на основании совокупности данных, а не только на основе наличия конкретного проездного документа.

Интерес представляет сравнительный анализ зарубежного опыта. В частности, законодательство и административная практика Турецкой Республики предусматривают более гибкий подход к использованию документов лицами, имеющими несколько гражданств. Согласно официальным разъяснениям, лица с двойным гражданством не обязаны использовать для въезда и выезда из Турции исключительно турецкий паспорт; допускается использование действующего иностранного паспорта совместно с внутренним удостоверением личности. При этом использование обоих паспортов не ставит под угрозу ни одно из гражданств. Такой подход позволяет одновременно обеспечивать государственный контроль за пересечением границы и учитывать особенности международного передвижения граждан, не ставя под сомнение их правовую связь с государством.

Показательным в этом отношении является и организация пограничного контроля в Турции. Как следует из разъяснений компетентных органов, при осуществлении въезда и выезда проверка лиц, в отношении которых имеются решения о розыске, запрете на въезд или запрете на выезд, производится автоматически через систему Pol-Net путём обращения к базам данных соответствующих ведомств (UYAP, GBT, TAHDİT и др.). Контроль граждан Турции осуществляется по данным баз данных на основании номера гражданства (T.C. kimlik numarası), тогда как проверка лиц, пересекающих границу по документам иностранных государств, производится по таким персональным данным, как имя, фамилия и год рождения. Именно поэтому в отдельных случаях система автоматически выдаёт предупреждение из-за совпадения имени, фамилии и года рождения, и решение о пропуске лица через границу принимается только после завершения детальной проверки. В этом контексте отмечается, что возникающая проблема обусловлена именно схожестью имён, и потому при предъявлении документа, содержащего номер гражданства Турции, соответствующие процедуры могут быть ускорены. Кроме того, для принципиального решения данной проблемы профильным департаментом ведётся соответствующая работа [6].

Приведённый пример демонстрирует, что даже государство, последовательно реализующее принцип признания собственного гражданина исключительно своим гражданином, выстраивает пограничные процедуры таким образом, чтобы не создавать для лиц с множественным гражданством избыточных препятствий. Акцент делается не на формальном требовании предъявить строго определённый национальный документ, а на идентификации лица через совокупность данных, включая номер гражданства и биометрические сведения. Это подтверждает, что сам по себе принцип государственного суверенитета не препятствует гибким механизмам пограничного контроля.

Таким образом, основная проблема заключается не в самом принципе признания гражданина Российской Федерации исключительно гражданином Российской Феде-

рации, а в механизме реализации данного принципа при осуществлении пограничного контроля. Действующая модель ориентирована преимущественно на наличие определённого документа, тогда как современные технологии позволяют идентифицировать гражданина на основании совокупности сведений о его личности и правовом статусе.

Следовательно, предметом дальнейшего совершенствования законодательства должно стать не изменение основ института гражданства, а поиск правовых механизмов, позволяющих обеспечить баланс между эффективностью государственного контроля и возможностью полноценной реализации прав граждан Российской Федерации, обладающих множественным гражданством. Представляется целесообразным внести изменения в Федеральный закон № 114-ФЗ, предусмотрев возможность использования ино-

странного паспорта при пересечении границы при условии уведомления о наличии второго гражданства и идентификации личности на основе внутреннего паспорта или биометрических данных. Одновременно следует исключить административную ответственность, предусмотренную статьёй 18.1 КоАП РФ [7, ч. 1 ст. 18.1], за предъявление иностранного паспорта гражданами РФ, имеющими множественное гражданство, заменив её на уведомительный порядок. Реализация указанных мер позволит устранить существующее противоречие между конституционным признанием множественного гражданства и фактическими ограничениями свободы передвижения, обеспечив российским гражданам с множественным гражданством возможность пользоваться преимуществами своего статуса наравне с гражданами других государств, признающих данный институт.

Литература:

1. Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 28 апреля 2023 г. // СПС КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445998/ (дата обращения: 20.09.2026).
2. Авакьян, С. А. Конституционное право России. Учебный курс: в 2 т. С. А. Авакьян. — 7-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. — Т. 1. — 912 с.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Администрация Президента России. — URL: <http://kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 20.09.2026).
4. Курин, Д. Н. Основные принципы института гражданства / Д. Н. Курин // Молодой ученый. — 2020. — № 46. — С. 270–276.
5. Федеральный закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» от 15 августа 1996 г. // СПС КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11260/ (дата обращения: 20.09.2026).
6. Официальный сайт Главного управления безопасности Министерства внутренних дел Турецкой Республики. — URL: <https://www.egm.gov.tr/gocmenhudut/sikca-sorulan-sorular> (дата обращения: 20.09.2026).
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. // СПС КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 20.09.2026).

Особенности исключения участника из общества с ограниченной ответственностью

Мошков Иван Сергеевич, студент магистратуры
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

В статье рассматриваются особенности института исключения участника из общества с ограниченной ответственностью (ООО). Проанализированы правовые основания исключения, закрепленные в ст. 67 ГК РФ и ст. 10 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», условия и процедура применения данной меры, а также сформировавшиеся в судебной практике подходы. Автор приходит к выводу об исключительном (крайнем) характере данной меры корпоративной защиты и о ее тесной связи с корпоративными конфликтами.

Ключевые слова: *исключение участника, общество с ограниченной ответственностью, корпоративный конфликт, грубое нарушение обязанностей, действительная стоимость доли, судебная защита корпоративных прав.*

Общество с ограниченной ответственностью остается наиболее распространенной организационно-правовой формой ведения предпринимательской деятельности в Российской Федерации. Объединение в рамках

одного юридического лица нескольких лиц с самостоятельными интересами закономерно порождает риск возникновения корпоративных конфликтов, когда поведение одного из участников блокирует деятельность обще-

ства либо причиняет ему вред. Одним из правовых механизмов, направленных на преодоление такой ситуации, выступает институт исключения участника из общества.

Актуальность темы обусловлена тем, что исключение участника является одной из наиболее острых и в то же время сложных для правоприменения категорий корпоративных споров. С одной стороны, эта мера позволяет добросовестным участникам защитить общий бизнес; с другой она затрагивает фундаментальное право собственности на долю в уставном капитале и потому не может применяться произвольно. Как отмечается в литературе, предотвращение и разрешение корпоративных конфликтов является самостоятельной задачей корпоративного права, а исключение участника рассматривается как крайний способ такого разрешения [6]. Цель настоящей статьи выявить и охарактеризовать особенности института исключения участника из ООО на основе действующего законодательства и актуальной судебной практики.

Институт исключения участника имеет двухуровневое законодательное закрепление. На уровне общих положений о корпорациях он предусмотрен абзацем четвертым п. 1 ст. 67 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ), согласно которому участник хозяйственного товарищества или общества наряду с иными правами вправе требовать исключения другого участника из товарищества или общества (кроме публичных акционерных обществ) в судебном порядке с выплатой ему действительной стоимости его доли участия, если такой участник своими действиями (бездействием) причинил существенный вред товариществу или обществу либо иным образом существенно затрудняет его деятельность и достижение целей, ради которых оно создавалось, в том числе грубо нарушая свои обязанности [1].

Специальная норма содержится в ст. 10 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», в силу которой участники общества, доли которых в совокупности составляют не менее чем десять процентов уставного капитала общества, вправе требовать в судебном порядке исключения из общества участника, который грубо нарушает свои обязанности либо своими действиями (бездействием) делает невозможной деятельность общества или существенно ее затрудняет [2]. Таким образом, законодатель предъявляет к субъекту, инициирующему исключение, требование о наличии определенной доли в уставном капитале (десятипроцентный порог), а к основанию исключения требование существенности нарушения.

Из содержания приведенных норм вытекает ряд принципиальных особенностей рассматриваемого института. Во-первых, исключение возможно исключительно в судебном порядке: ни общее собрание участников, ни исполнительный орган общества не вправе самостоятельно лишить лицо статуса участника. Во-вторых, исключение влечет имущественные последствия переход доли к обществу и выплату исключенному участнику действительной

стоимости его доли. В-третьих, институт неприменим к публичным акционерным обществам, что подчеркивает его связь именно с объединениями лиц, где личное участие в делах общества имеет значение.

Закон называет два самостоятельных основания исключения: грубое нарушение участником своих обязанностей и совершение действий (бездействия), делающих невозможной деятельность общества или существенно ее затрудняющих. Однако сами по себе эти формулировки носят оценочный характер, что порождает необходимость их конкретизации в правоприменительной практике.

Ключевые ориентиры были заданы Информационным письмом Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 24.05.2012 № 151 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью», а также постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25, в пункте 35 которого разъяснено, что грубое нарушение участником своих обязанностей может служить основанием для исключения, при этом к таким нарушениям, в частности, может относиться систематическое уклонение без уважительных причин от участия в общем собрании участников, лишаящее общество возможности принимать значимые решения [4]. Верховный Суд РФ подчеркивает, что иск об исключении не может быть удовлетворен, если нормальной деятельности общества препятствуют равнозначные взаимные претензии его участников, поскольку в этом случае надлежащим способом разрешения конфликта может быть ликвидация общества либо выход участника из него.

В доктрине справедливо отмечается, что исключение участника представляет собой не санкцию за любое нарушение, а исключительную меру, применяемую лишь тогда, когда дальнейшее совместное ведение дел становится невозможным [9]. Соответственно, суд в каждом случае оценивает степень вины участника, характер и последствия его поведения, а также наличие причинно-следственной связи между действиями (бездействием) участника и наступившими для общества неблагоприятными последствиями. Систематизация наиболее типичных оснований исключения, выработанных практикой, представлена в таблице 1.

Процессуальные особенности рассматриваемого института определяются его сугубо судебным характером. Спор об исключении участника относится к корпоративным спорам и рассматривается арбитражным судом по месту нахождения общества. Правом на предъявление иска обладают участник или несколько участников, доли которых в совокупности составляют не менее десяти процентов уставного капитала; при этом ответчиком выступает участник, об исключении которого заявлено, а само общество, как правило, привлекается к участию в деле.

Бремя доказывания обстоятельств, служащих основанием для исключения, возлагается на истца. Ему необходимо доказать не только факт нарушения, но и его существенность, а также наступление или реальную угрозу

Таблица 1. Основные категории оснований для исключения участника из ООО

Категория основания	Характеристика и типичные примеры из судебной практики
Причинение существенного вреда обществу	Совершение сделок в ущерб интересам общества, вывод активов, заключение договоров на заведомо невыгодных условиях, конкурирующая деятельность в ущерб обществу.
Действия (бездействие) органа управления	Участник, одновременно являющийся директором, уклоняется от передачи документов, скрывает информацию, необоснованно расходует средства, чем затрудняет деятельность общества.
Уклонение от участия в управлении	Систематическая неявка без уважительных причин на общие собрания, приводящая к невозможности принять решения, требующие квалифицированного большинства или единогласия.
Недобросовестные действия против общества	Распространение недостоверных сведений, обращения, направленные на дезорганизацию работы, фальсификация документов, действия, нарушающие обязанность не причинять вред обществу.

наступления неблагоприятных последствий для общества. Оценочный характер оснований предопределяет повышенное значение доказательственной базы: протоколов собраний, бухгалтерской документации, переписки, судебных актов по связанным делам. В литературе подчеркивается, что именно недостаточность доказательств чаще всего становится причиной отказа в удовлетворении подобных исков [8].

Материально-правовым последствием удовлетворения иска является прекращение статуса участника с момента вступления решения суда в законную силу. Доля исключенного участника переходит к обществу, а общество обязано выплатить ему действительную стоимость доли, определяемую на основании данных бухгалтерской отчетности за последний отчетный период, предшествующий дате вступления решения в силу. Тем самым исключение не носит конфискационного характера: имущественный интерес участника защищается компенсационным механизмом, что отличает данную меру от лишения имущества без возмещения.

Наиболее дискуссионным остается вопрос о возможности исключения участника в условиях «корпоративного тупика», когда доли участников распределены поровну (50/50) и каждый из них обвиняет другого. Верховный Суд РФ последовательно исходит из того, что при равнозначном взаимном негативном поведении участников исключение не является надлежащим средством, а конфликт подлежит разрешению иными способами путем выхода участника, отчуждения доли либо ликвидации общества

[5]. В доктрине в качестве превентивного инструмента предлагается использовать корпоративный договор, позволяющий заранее согласовать порядок разрешения типовых ситуаций [7].

Особого внимания заслуживает вопрос об исключении мажоритарного участника. Ранее в практике преобладал подход, согласно которому исключение участника, обладающего значительной долей, фактически невозможно, поскольку он способен определять решения общества. Однако Верховный Суд РФ допустил принципиальную возможность исключения и мажоритарного участника, если именно его недобросовестные действия делают невозможной нормальную деятельность общества. Тем самым определяющим критерием признается не размер доли, а характер и последствия поведения участника.

Обобщение практики позволяет сделать вывод о том, что суды подходят к исключению участника с высокой степенью осторожности и удовлетворяют такие требования лишь при доказанности исключительности ситуации. Условно категории дел и характерные для них подходы судов представлены в таблице 2.

Приведенные данные показывают, что исключение участника является не универсальным, а строго целевым инструментом. Его применение оправданно там, где нарушения носят односторонний и грубый характер, и не допускается там, где спор, по существу, сводится к равнозначному противостоянию совладельцев бизнеса. Такой подход обеспечивает баланс между защитой интересов

Таблица 2. Типовые ситуации и подходы судов по делам об исключении участника

Ситуация	Существо конфликта	Преобладающий подход суда
Причинение вреда обществу	Вывод активов, невыгодные сделки, конкуренция в ущерб обществу	Иск может быть удовлетворен при доказанности вреда
Уклонение от управления	Систематическая неявка на собрания, блокирование решений	Удовлетворяется при системности и отсутствии уважительных причин
Корпоративный тупик 50/50	Взаимные равнозначные претензии участников	В исключении, как правило, отказывается
Исключение мажоритария	Недобросовестные действия участника с преобладающей долей	Возможно при доказанности вины, размер доли не является препятствием

общества и добросовестных участников, с одной стороны, и охраной права собственности на долю с другой.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Институт исключения участника из ООО представляет собой самостоятельный способ защиты корпоративных прав, закрепленный в ст. 67 ГК РФ и ст. 10 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» и реализуемый исключительно в судебном порядке. Его отличительными особенностями являются:

- наличие специального субъектного состава (участники, обладающие не менее чем десятью процентами уставного капитала);
- оценочный характер оснований (грубое нарушение обязанностей либо действия (бездействие), делающие невозможной или существенно затрудняющие деятельность общества);

– имущественные последствия в виде выплаты действительной стоимости доли.

Судебная практика последовательно исходит из исключительного характера данной меры: она применяется лишь при доказанности существенности нарушения и невозможности дальнейшего совместного ведения дел, но не может использоваться как средство разрешения обычного корпоративного конфликта между равными по влиянию участниками. Вместе с тем современные правовые позиции высших судов допускают исключение и мажоритарного участника, ставя во главу угла не размер доли, а добросовестность поведения. Дальнейшее совершенствование данного института целесообразно связывать с развитием превентивных инструментов, прежде всего корпоративного договора, а также с уточнением критериев существенности нарушения на уровне разъяснений высшей судебной инстанции.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 7. — Ст. 785.
3. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2015. — № 8.
4. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью: информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24.05.2012 № 151 // Вестник ВАС РФ. — 2012. — № 8.
5. Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2020.
6. Кочкаров Н. В. Правовые способы разрешения и предотвращения корпоративных конфликтов // Молодой ученый. — 2022. — № 21 (416). — С. 546–549.
7. Елисеев Е. С. Корпоративный договор в качестве способа предупреждения и разрешения корпоративных конфликтов // Молодой ученый. — 2023. — № 21 (468). — С. 260–262.
8. Петухова С. А. Способы и формы защиты прав участников корпоративных отношений // Молодой ученый. — 2024. — № 13 (512). — С. 156–158.
9. Дьяконова Н. В. Защита прав участников общества с ограниченной ответственностью // Молодой ученый. — 2024. — № 46 (545). — С. 118–120.

К вопросу о становлении и развитии правового регулирования института ипотеки в гражданском праве

Назирова Айрат Атласович, студент магистратуры
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязева

Ключевые слова: ипотека, правовой институт, ипотечное законодательство.

Формирование ипотеки как самостоятельного института теории связывают с развитием римского права в I–II вв. нашей эры. В этот период сформировались нормативные положения, которые регулировали дея-

тельность учреждений, имеющих полномочие на предоставление ипотечных займов. С развитием гражданских отношений создавались специальные фонды, ориентированные на оказание финансовой помощи нуждающимся

категориям лиц посредством предоставления ипотечных займов. В римском праве было выработано немало институтов и правил, гарантирующих исполнение обязательств, так, к примеру, по мере развития гражданского оборота в Риме все чаще вместо поручительства стали прибегать к залогоу как удобнейшему и наиболее надежному способу укрепления обязательства.

В этой связи необходимо отметить, что законодательство выделяло три вида залога: *fiducia*, *pignus*, *hypotheca*. С точки зрения эволюции первым видом залога принято считать фидуции. Установленный в этом виде залог представлял для кредитора более чем полное обеспечение, так как переходил в собственность кредитора. С развитием института залога в римском праве, была разработана еще одна форма залога — *пигнус*, которая предполагала следующий механизм: предмет, отданный в залог, поступал не в собственность, а во владение кредитора с обязанностью возврата после получения удовлетворения.

Однако и этот вид залога имел существенные недостатки, которые были связаны, во-первых, с тем, что кредитор считался лишь владельцем заложенного имущества и не имел для защиты своего права вещного иска, а значит, не мог вернуть заложенное имущество у третьих лиц; а во-вторых, кредитор не имел права продать предмет залога с целью получения удовлетворения. Отмеченные недостатки ранних форм залога были в значительной степени преодолены римскими юристами посредством наиболее поздней формы залогового права — *hypotheca*. Ее формирование происходило под влиянием греко-эллинистической правовой традиции и первоначально было связано прежде всего с отношениями по найму сельскохозяйственных земель.

В этой связи необходимо отметить, что в римском праве ипотека распространялась не только на основное требование кредитора, но и на связанные с ним дополнительные требования, включая проценты за пользование заемными средствами и расходы, понесенные кредитором в связи с взысканием задолженности.

В процессе дальнейшего развития римского права сформировались различные разновидности ипотечного обеспечения. В зависимости от основания возникновения выделялись договорная ипотека, устанавливаемая по соглашению сторон, и законная ипотека, возникавшая непосредственно в силу распоряжения императора без необходимости получения согласия участников правоотношения. К числу последних, в частности, относилось залоговое обеспечение требований представителей государственной казны в отношении имущества лиц, уклонявшихся от исполнения налоговых обязанностей, а также право женщин на обеспечение соответствующих требований за счет имущества супругов. Однако со временем ввиду ослабления государственных институтов и правовой системы институт ипотеки утратил свое значение. Тем не менее отдельные положения, регулирующие гражданские правоотношения по предоставлению ипотеки, нашли свое отражение в законодательстве России.

В научной литературе также распространена точка зрения, согласно которой становление ипотечного института связано с завершением рабовладельческого периода и постепенным расширением земельных арендных отношений.

После отмены рабства собственники земель столкнулись с необходимостью поиска более эффективных способов распоряжения принадлежащими им ресурсами, вследствие чего аренда земли получила более широкое распространение. Одновременно возникла потребность в финансовых механизмах, позволяющих приобретать земельные участки и обеспечивать эффективное управление ими. Развитие ипотечных отношений сопровождалось рядом проблем. В частности, отсутствие единой централизованной системы учета заложенного имущества существенно осложняло совершение сделок.

Информация об обременении объекта зачастую была доступна только сторонам конкретного соглашения — кредитору и должнику, что создавало риск заключения последующих сделок без учета существующих ограничений. Дополнительные сложности возникали вследствие расширения круга имущества, которое могло использоваться в качестве предмета ипотеки. Увеличение количества и разнообразия таких объектов снижало определенность залоговых отношений и осложняло защиту интересов кредиторов, для которых принципиальное значение имела возможность точно идентифицировать и оценить имущество, выступающее обеспечением обязательства.

Развитие ипотечного кредитования в России связано с формированием института частной собственности на землю. Так, в 1786 г. для страхования передаваемых в залог каменных строений была учреждена Страховая экспедиция. К середине XIX в. государственная система ипотечного кредитования столкнулась с серьезными финансовыми трудностями. Значительные объемы задолженности помещиков и низкая эффективность возврата предоставленных средств привели к кризису государственных кредитных учреждений, в связи с чем в 1859 году было принято решение о прекращении выдачи новых ссуд под залог недвижимости.

После отмены крепостного права в 1861 году потребность в долгосрочном финансировании существенно возросла, в связи с чем появились новые формы ипотеки, прежде всего городских кредитных обществ и банков. В 1862 году для предоставления долгосрочных займов было создано городское кредитное общество, чья деятельность стала примером для учреждения данных институтов по всем регионам Российской империи.

Наряду с городскими банковскими учреждениями создавались и сельские кредитные организации, ссудно-сберегательные товарищества, которые позволяли обеспечить возможность приобретения земли. Однако после проведения революции в 1917 году развитие института ипотеки было фактически прекращено. Национализация банков и ликвидация частной собственности на недвижи-

мость привели к существенному изменению всей системы имущественных и кредитных отношений. В советский период существовали различные формы жилищного и потребительского кредитования, направленные на строительство, приобретение и ремонт жилья, однако такие отношения, как правило, не сопровождались установлением залога недвижимости и потому не являлись ипотекой в современном понимании.

Возобновление развития ипотечного кредитования в России пришлось на начало 1990-х гг. Существенное значение для формирования современной правовой основы ипотечных отношений имело принятие в 1992 г. Закона РФ «О залоге», закрепившего возможность использования недвижимости в качестве предмета залога. В дальнейшем нормативная база была дополнена рядом

законодательных и подзаконных актов, направленных на создание условий для привлечения инвестиций в жилищную сферу и развитие системы ипотечного кредитования. Одновременно происходило формирование новой модели функционирования ипотечного рынка, основанной на взаимодействии кредитных организаций со специализированными финансовыми структурами.

Таким образом, становление российской ипотеки прошло несколько взаимосвязанных этапов, обусловленных изменениями экономической модели, законодательства и отношений собственности. Современный институт ипотечного кредитования сформировался значительно позднее, однако его развитие стало результатом длительной эволюции дореволюционных и советских форм финансирования недвижимости.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая / Федеральный закон от 26 января 1996 г. (с изм. от 09 июня 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 32. — Ст. 3301; 2026. — № 52. — Ст. 8425.
2. Закон РФ от 29.05.1992 № 2872-1 «О залоге» // (утратил силу) // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.consultant.ru/>, свободный.

Проблемы уголовно-процессуального регулирования мер пресечения, в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста в контексте контроля за обвиняемым

Нуралиев Нурали Фикрет оглы, студент магистратуры

Научный руководитель: Назаров Александр Дмитриевич, доктор юридических наук, профессор
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

Направляющим вектором при избрании меры пресечения, можно считать ч. 1 ст. 99 УПК РФ, где законодатель пишет, что «При решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления и определения ее вида при наличии оснований, предусмотренных статьей 97 настоящего Кодекса, должны учитываться также тяжесть преступления, его совершение с применением насилия либо с угрозой его применения, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства».

Данная статья устанавливает принцип индивидуализации и соразмерности процессуального принуждения.

Она создает двухуровневую систему проверки перед тем, как лишить человека свободы или ограничить его права до приговора суда:

1. Первый уровень ст. 97 УПК РФ: Наличие конкретных рисков.
2. Второй уровень ст. 99 УПК РФ: Оценка конкретной личности и обстоятельств дела для выбора пропорциональной меры.

Статья 99 УПК РФ — это фундаментальный правовой балансир. Она требует от правоприменителя видеть за статьей Уголовного кодекса конкретного человека и его жизненные обстоятельства.

Эффективность этой нормы напрямую зависит от строгости её соблюдения судами: когда суд детально взвешивает все указанные факторы, система уголовного правосудия становится более гуманной, справедливой и соответствующей конституционным стандартам.

При всем при этом, изучение мер пресечения, альтернативных заключению под стражу, вызывает большой интерес в качестве рассмотрения их специфики и необходимости преодоления устойчивых пробелов в целях реализации более эффективного надзора со стороны правоприменителя.

Применения отдельных групп альтернативных мер обусловлена обозначением через призму судебного и внесудебного решения их избрания и санкционирования.

Данный подход позволяет отграничить меры, применяемых непосредственно следователем или дознавателем в рамках их процессуальной самостоятельности:

- подписка о невыезде;
- личное поручительство;
- наблюдение командования воинской части;
- присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым.

От мер, требующих обязательного судебного решения ввиду существенного ограничения конституционных прав личности:

- залог;
- запрет определенных действий;
- домашний арест;
- заключение под стражу.

Однако детальный анализ нормативно-правовой базы и юридической доктрины свидетельствует о том, что функционирование каждого из рассматриваемых мер сопряжено со характерным комплексом теоретико-практических сложностей и нормативно-структурных изъянов.

В контексте систематизации и дальнейшего описания проблематики будут рассмотрены некоторые проблемы, касающиеся теоретических и практических граней, сфере конституционных прав и свобод личности.

В связи с этим предметом исследования выступает анализ группы мер пресечения, альтернативных заключению под стражу, избрание которых относится к исключительной компетенции суда и характеризуется усиленным государственным контролем за поведением подозреваемого или обвиняемого.

Рассмотрение группы мер пресечения, альтернативных заключению под стражу и применяемых в судебном порядке, целесообразно начать с анализа одной из наиболее востребованных инструментов процессуального принуждения — **запрет определенных действий**.

Запрет определенных действий вызывает немало дискуссий в доктрине как относительно новая мера пресечения. С одной стороны, данный институт был введен в целях создания процессуального баланса и формирования плавного перехода от относительно мягких мер принуждения к более строгим. С другой стороны, по мнению некоторых авторов, запрет определенных действий имеет ряд проблем, которые законодатель до сих пор не устранил, в связи с чем, это усложняет деятельность властных субъектов уголовного процесса.

Среди таких являются И. П. Попова и О. Д. Вастьянова, которые в своей работе отобрали актуальные проблемы применения запрета определенных действий.

Первая проблема по мнению ученых, это то, что согласно фундаментальному правилу, сформулированному в ч. 1 ст. 97 УПК РФ, в отношении подозреваемого или обвиняемого может быть избрана только одна мера пресечения. В то же время институционализация запрета определенных действий ст. 105.1 УПК РФ существенно трансформировала эту концепцию: нормативные положения ч. 1.1 ст. 97 УПК РФ позволили возлагать отдельные запреты в качестве дополнительных обязанностей при избрании залога или домашнего ареста.

Законодатель впервые наделил меру пресечения двойственной правовой природой, допустив ее функционирование как в качестве самостоятельного института, так и в качестве факультативного элемента. Подобный подход породил очевидную внутреннюю нормотворческую коллизию между принципом единственности меры пресечения ч. 1 ст. 97 УПК РФ и законной возможностью их сочетанного применения.

Данное системное противоречие создает перед правоприменителем юридическую дилемму: с одной стороны, комбинирование нескольких процессуальных ограничений объективно повышает профилактическую эффективность меры, не связанной с лишением свободы; с другой — такое решение формально вменяется в нарушение ч. 1 ст. 97 УПК РФ, что сдерживает следственные и судебные органы от использования потенциала сочетанных мер.

От принципа «монолитности» и единственности избираемой меры законодатель переходит к концепции «модульного» конструирования правоограничений. Выявленная коллизия между декларативным запретом на совмещение мер и фактическим допущением их гибридизации применительно к запрету определенных действий свидетельствует о незавершенности реформы уголовно-процессуального принуждения.

Сохранение данного противоречия не только дестабилизирует правоприменительную практику, но и выступает латентным фактором необоснованного применения заключения под стражу, поскольку суды, сталкиваясь с нормативной неопределенностью «сочетанных» альтернативных мер, склонны выбирать наиболее понятный и радикальный путь изоляции обвиняемого.

Следующей проблемой, на которой заостряют внимание И. П. Попова и О. Д. Вастьянова о серьезности проблемы регламентации сроков запрета на выход из жилого помещения ч. 10 ст. 105.1 УПК РФ. Установленные предельные сроки этой меры от 12 до 36 месяцев в зависимости от тяжести преступления существенно превышают стандартные временные рамки расследования. В отличие от ч. 5 ст. 162 УПК РФ, запрашивающей критерий «особой сложности дела», ст. 105.1 УПК РФ подобных требований не содержит. Данный нормативный дисбаланс вступает в прямое противоречие с принципом разумного срока судопроизводства ст. 6.1 УПК РФ, фактически допускающим многолетнее ограничение прав граждан без должного процессуального обоснования [2].

Действующий порядок продления сроков запрета на покидание жилого помещения нуждается в существенной коррекции. Законодательный разрыв между правилами продления сроков следствия ст. 162 УПК РФ и сроков запрета определенных действий ст. 105.1 УПК РФ нивелирует гарантии защиты прав подозреваемого или обвиняемого от затяжного процессуального принуждения.

Анализом проблематики меры пресечения как запрет определенных действий занимался А. В. Шигуров, ко-

торый также описал в своей работе вопросы, связанные с применением данной меры.

Ученый пишет, что закрытый и казуальный характер перечня запретов, закрепленного в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, исключает возможность расширительного толкования, что существенно сужает правоприменительный потенциал рассматриваемой меры пресечения. В связи с этим перспективным вектором модернизации данного института выступает расширение перечня установленных законом ограничений. В частности, законодатель необоснованно оставил без внимания запрет на выезд за пределы определенной территории муниципального образования, населенного пункта или субъекта РФ. В условиях действующей правовой регламентации следователь и суд лишены возможности одновременно ограничить выход обвиняемого из жилого помещения в определенные часы и территориально локализовать его пребывание в границах конкретного района, что создает искусственный барьер для обеспечения надлежащего процессуального контроля [9].

Ограничивая правоприменителя рамками исключительно локальных запретов, УПК РФ оставляет вне правового регулирования необходимость территориального сдерживания обвиняемого. Законодательная фиксация территориальных рамок передвижения как самостоятельного вида запрета позволит преодолеть существующий нормативный вакуум, оптимизировав баланс между обеспечением интересов правосудия и сохранением конституционных прав обвиняемого на свободу передвижения.

Акцентируются внимание на запрет покидать в определенное время пределы жилого помещения также в работе Днепровской М. А. и Абраминой С. А.

Авторы утверждают, что действующая редакция ст. 105.1 УПК РФ не предусматривает обязательного получения согласия собственников или лиц, совместно проживающих с подозреваемым или обвиняемым, при установлении в отношении него запрета на выход из жилого помещения. Между тем, пренебрежение позицией сожителей может привести к существенному нарушению их прав и законных интересов, особенно в ситуациях затяжного межличностного конфликта, совершения преступления в отношении членов семьи или наличия у последних статуса свидетелей по делу. Представляется, что при решении вопроса об установлении данного запрета правоприменителю следует опираться на общие критерии оценки личности обвиняемого и тяжести содеянного. В целях обеспечения конституционных прав собственников жилья и безопасности лиц, проживающих совместно с обвиняемым, обоснованным видится дополнение ст. 105.1 УПК РФ требованием об обязательном предоставлении письменного согласия всех совершеннолетних лиц, зарегистрированных или фактически проживающих в данном помещении [1].

Нормативное регулирование запрета на выход из жилого помещения п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ содержит су-

щественный пробел, выражающийся в игнорировании мнения третьих лиц, чьи права и законные интересы затрагиваются при реализации данного ограничения. Отсутствие процессуальной обязанности учитывать волеизъявление собственников и сожителей подозреваемого или обвиняемого не только нарушает их конституционные права на неприкосновенность жилища и собственность, но и создает прямые риски безопасности, если такие лица выступают потерпевшими или свидетелями по делу.

Проведенный анализ некоторых проблем запрета определенных действий позволяет перейти к ключевой имущественной мере пресечения в группе судебного механизма — **залог**.

Залог как мера пресечения является единственной мерой, содержащей в своей основе стимул экономического характера, которая позволяет обеспечить достижение целей уголовного судопроизводства без лишения или ограничения физической свободы подозреваемого или обвиняемого.

Вместе с этим в данном аспекте также есть пробелы и правовые неопределенности, препятствующие его превращению в реальную альтернативу содержанию под стражей.

Первостепенной проблемой в применении залога, по мнению К. С. Мустафиной, считается его размер.

В соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства определение размера залога относится к исключительной компетенции суда. При принятии данного решения судебный орган обязан учитывать:

- характер и степень общественной опасности совершенного преступления;
- данные о личности подозреваемого или обвиняемого;
- имущественное положение залогодателя.

Законодателем установлены дифференцированные минимальные пороги размера залога: не менее пятидесяти тысяч рублей по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести и не менее пятисот тысяч рублей — по тяжким и особо тяжким преступлениям. Данный дифференцированный подход призван обеспечить соблюдение принципа соразмерности залоговой суммы характеру инкриминируемого деяния и степени процессуальной ответственности лица.

Как показывает практика, залог преимущественно применяется в отношении лиц, обвиняемых в тяжких и особо тяжких преступлениях, что свидетельствует о его финансовой недоступности для граждан с невысоким уровнем дохода. Это превращает залог в меру, реализуемую исключительно состоятельными участниками процесса.

Автор также делает замечание, что размер залога зачастую не коррелирует с размером причиненного ущерба, что наиболее характерно для уголовных дел об экономических преступлениях т. к. нормативная неопределенность требований к личности залогодателя в ст. 106 УПК РФ порождает определенные грани правоприменения. С одной стороны, возможность внесения залога любым

физическим или юридическим лицом способствует гуманизации процесса, обеспечивая доступ к данной мере пресечения для малоимущих категорий граждан за счет помощи третьих лиц. С другой стороны, законодательный вакуум в вопросе проверки личности залогодателя создает почву для злоупотреблений. При расследовании групповых преступлений или хищений в особо крупных размерах залогодателями нередко выступают лица, заинтересованные в исходе дела, для которых сумма залога не является эффективным сдерживающим фактором. В таких случаях залог утрачивает характер реального имущественного обеспечения надлежащего поведения обвиняемого [6].

Установленные минимальные размеры залога и их зависимость от категории преступления обуславливают преимущественную доступность данной меры для имущественно состоятельных лиц. При этом размер залога не всегда соответствует объему причиненного ущерба, особенно по делам об экономических преступлениях. Отсутствие четких требований к залогодателю также создает предпосылки для участия лиц, заинтересованных в исходе уголовного дела, вследствие чего залог в отдельных случаях утрачивает значение реального имущественного стимула к надлежащему поведению подозреваемого или обвиняемого.

О следующей проблеме говорит М. З. Султанов, где пробелом уголовно-процессуального законодательства выступает порядок информирования об отсутствии обременений на передаваемое имущество, предусмотренный ч. 4 ст. 106 УПК РФ. Законодательное закрепление права залогодателя ограничиваться лишь письменным заверением об отсутствии ограничений на предмет залога актуализирует проблему его добросовестности. В ситуациях, когда имущество уже является предметом иных залоговых обязательств, оно фактически утрачивает свою реальную ценность для обвиняемого. Вследствие этого выхолащивается сам превентивный механизм залога — экономическое стимулирование надлежащего поведения под угрозой финансовых потерь, что существенно затрудняет реализацию данного института в судебной практике [7].

Невозможно согласиться с автором т. к. подобное нормативное решение порождает глубокое противоречие между процессуальной формой и материально-правовой сущностью института залога. Когда в качестве обеспечения принимается имущество, уже имеющее обременения или находящееся в предшествующем залоге, разрушается базовый экономический фундамент превентивного воздействия. Обвиняемый, осознавая иллюзорность имущественной утраты при обращении взыскания на фактически «пустой» актив, утрачивает материальный стимул к законопослушному процессуальному поведению. В результате залог трансформируется из действительной меры пресечения в фиктивную процессуальную конструкцию, что предопределяет крайнюю осторожность судов при ее избрании.

Стоит также упомянуть, что одно из популярных умозаключений в процессуальной доктрине, который описала М. Д. Луканюк, а именно, что в ст. 106 УПК РФ отсутствует требование об установлении законности происхождения вносимых в залог денежных средств, что контрастирует со строгим порядком проверки правового статуса недвижимости и ценных бумаг. Отсутствие контроля за источником финансов создает условия, при которых залогом могут выступать преступные активы. Это лишает обвиняемого подлинного имущественного стимула соблюдать процессуальную дисциплину и обеспечивает функциональное назначение залога как превентивной меры пресечения [5].

Требую строгой документальной верификации прав на недвижимость и ценные бумаги, законодатель полностью оставляет без внимания легитимность происхождения денежных средств. Подобный пробел порождает серьезный правоприменительный парадокс: финансовый актив, выступающий главным средством обеспечения надлежащего поведения, принимается судом вне контекста его законности. В результате разрушается фундаментальный экономический фундамент института залога. Обвиняемый, вносящий средства, добытые преступным путем, изначально лишен психологической и материальной привязанности к данным активам; их утрата в случае обращения в доход государства не причиняет ему реального имущественного урона. Это превращает залог из строгого превентивного инструмента в фиктивную процессуальную гарантию, неспособную удержать лицо от деструктивного поведения и побега.

Перейдем к кульминации в системе альтернативных мер пресечения, являющейся абсолютным элементом правоограничительного механизма, которая является более строгой и предпоследней ступенью до заключения под стражу — **домашний арест**.

Домашний арест, как уже выше говорилось, представляет из себя полную изоляцию подозреваемого или обвиняемого в жилом помещении и последующим контролем его поведения.

Как и любая мера пресечения, данный институт обладает своими особенностями и недостатками, требующими точечного анализа проблем его применения.

Первоочередной проблемой, выделяемой в работе А. А. Барыгина, это то, что исполнение режима домашнего ареста, объективно налагает процессуальных ограничений не только на подозреваемого или обвиняемого по уголовному делу, но и на членов его семьи либо третьих лиц, проживающих совместно с ним. В силу п. 3 Постановления Пленума ВС РФ № 41 от 19.12.2013 на суд возложена обязанность проверки законных оснований пользования жилым помещением и признано право третьих лиц на судебную защиту посредством обжалования постановления об избрании меры. Однако УПК по-прежнему не обязывает судебные органы предварительно истребовать согласие данных лиц на исполнение меры пресечения [3].

Подобный правовой вакуум, как и в запрете определённых действий покидать жилища в установленное время, влечет дисбаланс между публично-правовыми задачами уголовного судопроизводства и базовыми конституционными гарантиями неприкосновенности частной жизни и жилища. Разрешение возникшей коллизии требует внесения изменений в УПК РФ в части установления обязательного процессуального требования: невозможности назначения домашнего ареста в конкретном жилом помещении при отсутствии прямо выраженного согласия его собственника.

Неопределенностью в применении домашнего ареста также высказывается А. М. Круглова, где материально-бытовой аспект исполнения домашнего ареста выявляет существенный правовой дисбаланс. В отличие от содержания под стражей, эта мера не предусматривает государственного обеспечения, но при этом запрет на покидание жилища и трудовую деятельность лишает лицо средств к существованию. Абсолютный запрет на использование сети Интернет в условиях развития дистанционных форм занятости дополнительно перекрывает возможности для легального самообеспечения, создавая риски крайнего ухудшения социального положения обвиняемого и его семьи [4].

В результате возникший нормативно-практический пробел — когда лицо, находясь под домашним арестом, лишается возможности заниматься трудовой деятельностью, а также посещать торговые точки для приобретения продуктов, медицинские и образовательные организации, объекты социальной инфраструктуры, и использовать сеть Интернет для получения необходимых государственных или бытовых услуг — фактически ставит подозреваемого или обвиняемого на грань выживания. Это полностью нивелирует гуманистический потенциал домашнего ареста как альтернативы лишению свободы, создавая парадоксальную ситуацию: материально-бытовое и медико-социальное положение лица в условиях изоляции в следственном изоляторе оказывается более защищенным государственными гарантиями, чем при нахождении в собственном жилом помещении.

По мнению С. В. Скутина, Н. А. Бурындина главной проблемой реализации домашнего ареста, является определение жилого помещения, в котором данная мера пресечения подлежит исполнению.

Согласно разъяснениям, п. 38 Постановления Пленума ВС РФ № 41 от 19.12.2013 для целей ст. 107 УПК РФ к жилому помещению относится объект независимо от формы собственности, входящий в жилищный фонд и предназначенный для постоянного либо временного проживания. Кроме того, таким помещением может признаваться строение, не включенное в жилищный фонд, например, дачный дом, если оно соответствует установленным требованиям пригодности для проживания. При этом местом исполнения домашнего ареста может быть любое помещение или строение, пригодное для проживания, в том числе расположенное за пределами жилищ-

ного фонда. При оценке его пригодности учитываются наличие спального места, возможности приготовления пищи и связь строения с земельным участком. При этом совокупное наличие всех указанных признаков не является обязательным

Особую сложность представляет установление места фактического проживания подозреваемого или обвиняемого. Исполнение домашнего ареста возможно не только по адресу регистрации, но и в помещении, где лицо фактически проживает на постоянной основе. В связи с этим адрес регистрации сам по себе не может рассматриваться как безусловное основание для определения места исполнения меры пресечения.

Проблемы возникают и в случаях, когда необходимые бытовые коммуникации расположены в разных помещениях, например, кухня и санитарный узел находятся за пределами жилой комнаты или иного изолированного пространства. Это затрудняет обеспечение полной изоляции лица и одновременно создает препятствия для удовлетворения его базовых бытовых и физиологических потребностей. Следовательно, при избрании домашнего ареста необходимо учитывать не только юридический статус помещения, но и его фактическую пригодность для длительного проживания, включая наличие доступа к основным бытовым коммуникациям [8].

Анализ критериев определения места исполнения домашнего ареста позволяет сделать вывод о наличии существенной правовой неопределенности, порождающей серьезные правоприменительные риски как гуманитарного, так и технико-процессуального характера.

С одной стороны, отсутствие четких процессуальных маркеров для верификации статуса «фактического постоянного проживания» в противовес формальной регистрации по месту жительства переводит разрешение этого вопроса в область исключительно судейского усмотрения. Возникает очевидный дисбаланс: необходимость доказывания постоянного характера проживания в арендованном или принадлежащем третьим лицам жилье усложняет процедуру для стороны защиты, что зачастую вынуждает суды отказывать в удовлетворении ходатайств о домашнем аресте по формальным мотивам, неоправданно сужая сферу применения данного альтернативного института в пользу заключения под стражу.

С другой стороны, допущение возможности отбывания меры пресечения в строениях, не входящих в жилищный фонд, при отсутствии требования об обязательной совокупности признаков их пригодности, создает угрозу нарушения минимальных стандартов жизнеобеспечения обвиняемого. На практике это может приводить к изоляции лица в помещениях, лишенных базовой коммунально-бытовой инфраструктуры.

Таким образом, проведенный теоретико-правовой анализ некоторых проблем позволил выявить наличие существенных законодательных коллизий и процессу-

альных пробелов, препятствующих широкому имплементированию альтернативных изоляции мер.

Отсутствие четких механизмов контроля за исполнением установленных ограничений, неопределенность

сроков их применения и пренебрежение имущественными и жилищными правами третьих лиц нивелируют превентивный потенциал рассматриваемых институтов.

Литература:

1. Днепрова М. А. Абрамитов С. А. Некоторые проблемы применения запрета определенных действий / М. А. Днепрова, С. А. Абрамитов // Вестник ВИ МВД России. — 2023 — № 4 (107) — С. 157–167.
2. Попова И. П., Вастьянова О. Д. Запрет определенных действий: Актуальные проблемы / И. П. Попова, О. Д. Вастьянова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2019. — № 2 (24). — С.71–81.
3. Кириленко К. А. Актуальные проблемы избрания и применения меры пресечения в виде домашнего ареста / К. А. Кириленко // Молодой ученый. — 2026. — № 21 (624). — С.418–422.
4. Круглова А. М. Актуальные проблемы правовой регламентации домашнего ареста / А. М. Круглова // Вестник экономики, управления и права. — 2023. — № 4. — С.92–101.
5. Луканюк М. Д. Проблемы применения залога как меры пресечения в уголовном процессе / М. Д. Луканюк // Сибирский юридический университет. — 2023. — № 3. — С.23–29.
6. Мустафина К. С. Проблемы применения залога в российском уголовном процессе / К. С. Мустафина // Вопросы российской юстиции. — 2019. — № 1. — С.20–27.
7. Султанова М. З. Проблемы применения залога как меры пресечения в уголовном процессе / М. З. Султанова // Символ науки. — 2021. — № 6. — С.48–57.
8. Скутин, С. В. Проблемы мест исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста / С. В. Скутин, Н. А. Буриндин // Актуальные вопросы юридических наук: материалы XIX Международной. научной. конференции. — Казань, 2022. — С.19–23.
9. Шигуров А. В. Запрет определенных действий в уголовном процессе: проблемы правового регулирования и практики применения / А. В. Шигуров // Социальные нормы и практики. — 2023. — № 1. — С.39–48.

Правовые вопросы налогообложения имущества организаций

Очирова Виктория Эрдениевна, студент

Научный руководитель: Беликов Евгений Геннадьевич, доктор юридических наук, профессор

Саратовская государственная юридическая академия

В статье анализируются положения действующего законодательства относительно определения налоговой базы по налогу на имущество организаций.

Ключевые слова: налогообложение, имущество организаций, объект налога, недвижимость, налоговая система.

Налог на имущество организаций является стабильным источником доходов бюджетов субъектов РФ [3, с. 142]. При этом современное российское законодательство содержит противоречия и может допускать различные варианты толкования базовых дефиниций [2, с. 155].

Налогообложение в РФ основывается на совокупности классических принципов, при этом элементы налога должны быть четко определены для исключения возможности безосновательного лишения права собственности налогоплательщика [4, с. 25]. Выявление причин изменения стоимостных оценок объектов налогообложения и детальное изучение действующих правовых норм касательно порядка исчисления базы по налогу на имущество организаций необходимы для точного понимания процессов формирования обязанности налогоплательщика по перечислению соответствующего

платежа в бюджет согласно закреплённому в статье 17 Налогового кодекса Российской Федерации правилу об объекте налогообложения как обязательном элементе налога [1, с. 90; 4, с. 88].

Одной из важных проблем доктрины налогового права является разграничение категорий «объект налогообложения» и «объект налога», которые часто отождествляются, несмотря на их различную правовую природу. Сама суть данной проблемы на сегодняшний день заключается не в том, что в доктрине российского налогового права разрабатываются и исследуются оба понятия, а в том, что понятия «объект налога» и «объект налогообложения» ученые в сфере налогового права не стараются разграничивать [2, с. 157]. Нормативное закрепление категории «объект налогообложения» в статье 38 Налогового кодекса Российской Федерации [5] не показывает

всю ее сущность, когда как объект налога отражает системообразующую связь, объединяющую предмет налогообложения и субъекта налога.

На практике объект обложения является законным основанием для взимания налога, тогда как предмет обложения является фактическим основанием, обладающим конкретными экономическими характеристиками в гражданском обороте. В связи с чем закрепление в законодательстве дифференцированных дефиниций поспособствовало бы систематизации норм и снижению количества коллизий в правоприменительной деятельности [2, с. 160].

Важное место в системе налогообложения имущества организаций занимает проблема квалификации объектов в форме движимых и недвижимых вещей, что напрямую влияет на формирование налоговой базы в соответствии со статьей 374 Налогового кодекса Российской Федерации [1, с. 91; 3, с. 143]. По причине принадлежности к категории движимых вещей не подлежат обложению налогом на имущество организаций такие приносящие доход и учитываемые в качестве основных средств объекты, как порталы краны или павильоны киностудий, что на практике вызывает регулярные затруднения при правовой оценке оборудования без прочной связи с землей. Для правильной квалификации подобных объектов требуются точные критерии недвижимых вещей, перемещение которых признается невозможным без причинения ущерба их прямому назначению согласно нормам гражданского права и положениям статьи 130 Граждан-

ского кодекса Российской Федерации, потребность в формулировании которых появилась у государства сразу после исключения движимого имущества из перечня объектов налогообложения [1, с. 92]. Такое обстоятельство создает востребованность в конкретизации критериев бухгалтерского учета объектов недвижимости в составе основных средств для предотвращения искажения отчетности и неправомерного уменьшения налоговой базы [1, с. 94]. Судебная практика показывает необходимость законодательного закрепления в статье 374 НК РФ четких критериев к определению объекта налогообложения, что помогает минимизировать противоречия и унифицировать подходы налоговых органов и налогоплательщиков по данному вопросу [3, с. 144].

Развитие налога на имущество организаций связывается некоторыми учеными с реализацией его стимулирующей функции, которую в настоящее время нельзя признать эффективной. Для совершенствования налогообложения имущество нередко предлагается введение единого налога на недвижимость, но в связи со сложностью формирования единого кадастра всех объектов недвижимости такое предложение представляется преждевременным.

Как представляется, внедрение рассмотренных мер в законодательство РФ о налогах и сборах поможет модернизации основных фондов предприятий и поддержке отечественного производства, установлению справедливого баланса частных и публичных интересов в сфере налогообложения [3, с. 146].

Литература:

1. Лебедев К. К. Экономические и правовые аспекты налогообложения имущества организаций (часть вторая) // Учёные записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2021. № 1 (77). С. 90–95.
2. Воскресенская Е. В. О правовой дефиниции российского налогового права «объект налогообложения» и его соотношении со смежными категориями // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 3. С. 155–162.
3. Владимиров Д. Ю., Мисиркаева К. Р. Проблемы и перспективы развития налога на имущество организаций в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2022. № 7. С. 142–146.
4. Шадурская М. М., Смородина Е. А., Торопова И. В. и др. Налоговая система Российской Федерации: учебник. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2020. 254 с.
5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 № 146-ФЗ (с изм. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824; 2026. № 32. Ст. 4489.

Особенности административной ответственности за правонарушения в промышленности, строительстве и энергетике

Петухов Артем Геннадьевич, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются особенности административной ответственности за правонарушения в промышленности, строительстве и энергетике. Автором предлагаются определенные меры, направленные на совершенствование административного регулирования в промышленности, строительстве и энергетике.

Ключевые слова: административное правонарушение, административная ответственность, промышленность, строительство, энергетика, глава 9 КоАП РФ.

Features of administrative responsibility for offenses in industry, construction and energy

The article examines the specifics of administrative liability for offenses in industry, construction, and the energy sector. The author proposes certain measures aimed at improving administrative regulation in industry, construction, and the energy sector.

Keywords: administrative offense, administrative liability, industry, construction, energy, Chapter 9 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.

Как известно, статья 2 Конституции РФ провозглашает, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, является обязанностью государства [1]. Реализация этой обязанности включает в себя, в том числе, обеспечение правопорядка и предотвращение разного рода правонарушений. В связи с этим одним из важных направлений деятельности государства выступает предотвращение административных правонарушений.

Российское государство играет важную роль в правовом регулировании правоотношений в сфере промышленности, строительства и энергетики, что в немалой степени обусловлено сложившейся тенденцией роста числа правонарушений, предусмотренных главой 9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) [2]. Это подтверждается и статистическими данными. Так, например, в 2024 году было подвергнуто наказанию 3633 человека. При этом для сравнения в 2022 году данный показатель составлял 3692 человека, а в 2020 году — 4760 человек [5]. То есть число осужденных за административные правонарушения в сфере промышленности, строительства и энергетики остается весьма значительным. В связи с этим государству следует продолжать прилагать усилия в области соблюдения отечественного законодательства, а также предотвращения правонарушений в данных областях.

Под административными правонарушениями в промышленности, строительстве и энергетике следует понимать виновные противоправные деяния, нарушающие нормативно установленные требования технической, экологической, пожарной и процедурной безопасности при проектировании, возведении, реконструкции, капитальном ремонте объектов капитального строительства, а также при проектировании, строительстве, эксплуатации, консервации и ликвидации опасных производственных объектов и объектов энергетики, посягающие на общественные отношения в сфере обеспечения технологической устойчивости государства и общественной безопасности [5, с. 127]. Они характеризуются следующими ключевыми признаками: объектом, объективной стороной, субъективной стороной и субъектом.

Объектом правонарушений, предусмотренных главой 9 КоАП РФ, выступают общественные отношения, которые возникают в сфере промышленности, строительства и энергетики. Все правонарушения данной главы можно разделить на три категории, в зависимости от объ-

екта правонарушения, а именно — административные правонарушения, посягающие на общественные отношения, возникающие в сфере промышленности (ст. 9.1 — ст. 9.3 КоАП РФ), строительства (ст. 9.4 — ст. 9.5.2 КоАП РФ) и энергетики (ст. 9.6 — ст. 9.24 КоАП РФ) [6, с. 84].

Если рассматривать с объективной стороны, то составы правонарушений данной главы классифицируются по характеру деяния следующим образом: 1) нарушения технико-юридических режимов. Например, статья 9.1 КоАП РФ или статья 9.5 КоАП РФ, где правонарушение считается оконченным в момент невыполнения обязанности (не подана декларация, не получено разрешение, превышен лимит выбросов), независимо от того, взорвался ли завод или рухнул ли кран; 2) нарушения правил эксплуатации. Так, статья 9.8 требует наступления последствий (перерыва в обеспечении энергией) для квалификации по части 2, что относит ее к материальным составам. Однако сам факт нахождения техники в охранной зоне без согласования может рассматриваться как создание угрозы; 3) процедурные нарушения. Они, в частности, касаются порядка информирования государства о состоянии дел в этих сферах (например, ст. 9.22 КоАП РФ — нарушение законодательства о теплоснабжении в части непредоставления информации).

Кроме того, большинство составов данной главы являются формальными, так как административная ответственность за них наступает сразу, независимо от того, наступили вредные последствия или же нет. Примером административного правонарушения с формальным составом является статья 9.1 КоАП РФ, где административная ответственность наступает независимо от того, наступили или не наступили вследствие их совершения вредные последствия. К материальному составу относят, например, статью 9.8 КоАП РФ, так как при нарушении правил наступают вредные последствия в виде перерыва в обеспечении потребителей электрической энергией.

Субъективная сторона данных административных правонарушений характеризуется как умышленной формой вины, так и неосторожной. Вместе с тем, в статье 9.13 КоАП РФ правонарушение может быть совершено только в форме умысла, потому что уклонение — это осознанно-волевое (умышленное) деяние. В свою очередь в статье 9.10 КоАП РФ оно может быть совершено только в форме неосторожности, поскольку в данной норме указана форма вины. Большинство же составов главы 9 КоАП РФ являются умышленными с косвенным умыслом.

Субъектами административных правонарушений данной главы являются граждане, должностные лица, юридические лица, а в отдельных случаях, также индивидуальные предприниматели в зависимости от конкретной статьи КоАП РФ. Например, в статье 9.2 КоАП РФ в санкции указаны все субъекты, перечисленные выше, а в статье 9.3 КоАП РФ субъектами являются только граждане и должностные лица. Согласно примечанию ст. 9.1 КоАП РФ, лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, несут ответственность как юридические лица.

Вместе с тем, нельзя не заметить, что правоприменительная практика сталкивается с рядом существенных трудностей при привлечении лиц к административной ответственности за правонарушения в промышленности, строительстве и энергетике. Во-первых, наблюдаются сложности в разграничении административных проступков и уголовно наказуемых деяний. Во-вторых, отдельные виды деятельности вовсе не имеют четко прописанных регуляторных норм. В-третьих, установление факта нарушения довольно часто требует проведения экспертиз с участием высококвалифицированных специалистов, что неизбежно затягивает сроки рассмотрения дел. В-четвертых, наблюда-

ется системное противоречие между положениями отраслевых законов и нормами КоАП РФ [4, с. 509].

Решение этих проблем видится посредством принятия следующих мер в данном направлении: 1) систематизации отраслевых норм. Так, необходимо создать реестр технических регламентов, нарушение которых влечет ответственность по главе 9 КоАП РФ, с обеспечением его регулярного обновления; 2) четком разграничении административной и уголовной ответственности, которое возможно посредством закрепления критериев перехода от административного взыскания к уголовному преследованию; 3) адаптации законодательства к технологическим реалиям. Следует дополнить главу 9 КоАП РФ нормами об ответственности за нарушения при эксплуатации объектов возобновляемой энергетики, цифровых систем управления технологическими процессами и иных инноваций; 4) разработки методических рекомендаций по проведению экспертиз в делах о нарушениях в таких сферах, чтобы упростить процесс доказывания; 5) совершенствовании цифрового контроля. Следует внедрить в надзорных органах системы дистанционного мониторинга опасных производственных объектов, что позволит выявлять нарушения на ранних стадиях и оперативно реагировать.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (ред. 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2026).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2026).
3. Административные правонарушения. Показатели по отдельным правонарушениям. — Текст: электронный // Судебная статистика РФ: [сайт]. — URL: <https://stat.xn—7sbqk8achja.xn—p1ai/stats/adm/t/31/s/1> (дата обращения: 10.08.2026).
4. Орлова, А. М. Характеристика составов административных правонарушений в промышленности, строительстве, энергетике / А. М. Орлова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2026. — № 18 (621). — С. 508–511. — URL: <https://moluch.ru/archive/621/135979>. (дата обращения: 20.09.2026).
5. Петухов, А. Г. Понятие и признаки административной ответственности за правонарушения в промышленности, строительстве и энергетике / А. Г. Петухов. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2026. — № 32 (635). — С. 125–128. — URL: <https://moluch.ru/archive/635/139684>. (дата обращения: 20.09.2026).
6. Сидоренко, П. А. Общая характеристика административных правонарушений в промышленности, строительстве и энергетике / П. А. Сидоренко, О. Б. Березина. — Текст: непосредственный // Наука. Промышленность. Оборона. Труды XXV Всероссийской научно-технической конференции: в 4 т. Т. IV. — Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2024. — С. 165–169. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=68452222> (дата обращения: 20.09.2026).

Правовое положение выгодоприобретателя в договоре страхования: проблемы теории и судебной практики

Рахимова Аэлиа Сергеевна, студент магистратуры
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязева

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы определения правовой природы статуса выгодоприобретателя в договоре страхования. Анализируются основания возникновения его прав, соотношение с правами страхователя и застрахованного лица, а также проблемы, выявляемые в судебной практике. Обосновывается вывод о самостоятельном характере права требования выгодоприобретателя к страховщику.

Ключевые слова: *выгодоприобретатель, договор страхования, субъекты страхового правоотношения, страхователь, застрахованное лицо, страховая выплата.*

Выгодоприобретатель занимает особое положение среди субъектов договора страхования: не являясь его стороной, он приобретает самостоятельное право требования к страховщику. Эта конструкция, восходящая к договору в пользу третьего лица (ст. 430 ГК РФ), порождает комплекс теоретических и практических проблем.

Ни Гражданский кодекс РФ, ни Закон РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» не дают легального определения выгодоприобретателя: в статьях 929–934 ГК РФ он определяется через указание на «лицо, в пользу которого заключён договор страхования» [1], а ст. 4.1 названного Закона относит его к участникам отношений в области страхования наряду со страхователем и застрахованным лицом [2].

В доктрине нет единства по вопросу, является ли выгодоприобретатель самостоятельным участником страхового правоотношения. Часть авторов рассматривают его через призму ст. 430 ГК РФ и полагают, что он не является самостоятельным участником страховых отношений, не влияет на условия договора и может быть заменён страхователем [1]. Однако такой подход не учитывает, что после выражения выгодоприобретателем намерения воспользоваться правом требования страхователь не вправе распоряжаться этим правом без его согласия (п. 2 ст. 430 ГК РФ) [1]. Более обоснованной представляется позиция, согласно которой выгодоприобретатель приобретает самостоятельное субъективное право требования к страховщику, возникающее непосредственно из договора и обеспечиваемое самостоятельной судебной защитой.

Права выгодоприобретателя возникают на основании его назначения страхователем. В личном страховании действует презумпция: договор считается заключённым в пользу застрахованного лица, если в нём не назван другой выгодоприобретатель (п. 2 ст. 934 ГК РФ) [1]. При смерти застрахованного лица, если иной выгодоприобретатель не назван, выгодоприобретателями признаются его наследники. Назначение иного выгодоприобретателя требует письменного согласия застрахованного лица (абз. 3 п. 2 ст. 934 ГК РФ), что защищает его от злоупотреблений.

Одна из острых проблем практики — выгодоприобретатель в договорах страхования, заключённых заёмщиками

в обеспечение кредитных обязательств. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 26.12.2024 № 59-П (применительно к штрафу по п. 6 ст. 13 Закона РФ «О защите прав потребителей») отметил, что по такому договору выгодоприобретателем, как правило, является не заёмщик, а его кредитор [4]. Отказ страховщика от выплаты затрагивает права и кредитора-выгодоприобретателя, и застрахованного потребителя, продолжающего гасить кредит.

Другая проблема — судьба страховой выплаты при смерти застрахованного лица. В доктрине и практике проводится подход: страховая сумма не входит в состав наследства, если право на её получение у наследодателя при жизни не возникло, — оно появляется у выгодоприобретателей именно в связи со страховым случаем. Это положение восходит к классическому правилу, закреплено в ст. 1112 ГК РФ и разъяснено в п. 70 постановления Пленума ВС РФ от 29.05.2012 № 9 [3]. Однако правило не универсально: если право возникло у застрахованного ещё при жизни и не было реализовано, оно переходит к наследникам. Так, ВС РФ признал наследуемым право на выплату по обязательному государственному страхованию, возникшее при жизни застрахованного (определение от 14.12.2020 № 13-КГ20–3-К2 [5]), и допустил переход по наследству выплаты по ОСАГО (определения от 25.04.2023 № 41-КГ23–7-К4 [6] и от 11.07.2023 № 44-КГ23–5-К7 [7]).

В практике встречаются споры о признании лица выгодоприобретателем по договору страхования жизни и здоровья заёмщика, в том числе со стороны финансового управляющего умершего заёмщика. Они демонстрируют сложность определения надлежащего субъекта права требования при конкуренции интересов кредитора, наследников и конкурсной массы.

Правовое положение выгодоприобретателя характеризуется двойственностью: он не является стороной договора, но приобретает самостоятельное право требования к страховщику. Практика показывает необходимость более детального законодательного регулирования, особенно при конфликте его интересов с интересами застрахованного лица. Представляется целесообразным дополнить главу 48 ГК РФ специальной статьёй, закрепляющей права выгодоприобретателя и механизмы их защиты.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 09.06.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
2. Закон РФ от 27.11.1992 № 4015–1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (ред. 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1992. — № 49. — Ст. 5601.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (в ред. постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10, от 24 декабря 2020 г. № 45) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130453/?ysclid=mur9o6877758009409 (дата обращения: 01.10.2026).

4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2024 г. № 59-П «По делу о проверке конституционности пункта 6 статьи 13 Закона Российской Федерации „О защите прав потребителей» в связи с жалобой гражданина С. В. Калашникова» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494342/?ysclid=mup9q1zzi815470972 (дата обращения: 01.10.2026).
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 декабря 2020 г. № 13-КГ20–3-К2 [Текст]: электронный // Судебные и нормативные акты РФ. — URL <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-14122020-n-13-kg20-3-k2/> (дата обращения: 01.10.2026).
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2023 г. № 41-КГ23–7-К4 [Текст]: электронный // Судебные и нормативные акты РФ. — URL <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-25042023-po-delu-n-41-kg23-7-k4/> (дата обращения: 01.10.2026).
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 11 июля 2023 г. № 44-КГ23–5-К7 [Текст]: электронный // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-11072023-n-44-kg23-5-k7/?ysclid=mup9vndf2025265346> (дата обращения: 01.10.2026).

Соотношение правового положения страхователя и застрахованного лица в договоре личного страхования

Рахимова Аэлита Сергеевна, студент магистратуры
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

В статье анализируется соотношение правового положения страхователя и застрахованного лица в договоре личного страхования, исследуются проблемы несовпадения этих субъектов, требования о согласии застрахованного лица и определения надлежащего истца по иску о взыскании страховой выплаты. Предлагаются меры по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: личное страхование, страхователь, застрахованное лицо, согласие, страховая выплата.

Законодатель допускает ситуацию, когда страхователь и застрахованное лицо не совпадают в одном лице. Это порождает вопросы о надлежащем субъекте права требования, соотношении прав сторон, необходимости согласия застрахованного лица. Как отмечается в Концепции развития положений части второй ГК РФ о договоре страхования, застрахованное лицо фактически лишено прав в рамках договора — кроме права согласования иного выгодоприобретателя. Цель статьи — выявить проблемы соотношения статусов и предложить пути их решения.

По п. 1 ст. 934 ГК РФ договор личного страхования может быть заключён в пользу самого страхователя либо иного названного в договоре гражданина (застрахованного лица) [1]. Страхователь — сторона договора: он его заключает, платит премию, реализует права требования. Застрахованное лицо не является стороной, но именно его жизнь или здоровье выступают объектом защиты.

Страхователь вправе заключать договор, назначать и заменять выгодоприобретателя (ст. 956 ГК РФ), расторгать договор [1]. При этом он обязан уплатить премию и сообщить значимые сведения страховщику. Замена выгодоприобретателя возможна только с согласия застрахованного лица, если тот давал согласие при назначении. Замена са-

мого застрахованного лица допускается лишь с согласия застрахованного и страховщика (п. 2 ст. 955 ГК РФ) [1].

Основное право застрахованного — дать письменное согласие на заключение договора в его пользу (абз. 3 п. 2 ст. 934 ГК РФ) [1]. Без него договор в его пользу заключить нельзя. При этом застрахованное лицо не может отказаться от договора, не будучи стороной или выгодоприобретателем, что делает его уязвимым — особенно в коллективном страховании заёмщиков, когда банки навязывают присоединение к программам без возможности влиять на условия.

Особую остроту проблема дисбаланса статусов приобретает в сегменте потребительского кредитования, где страхование нередко выступает фактически сопутствующей услугой к выдаче кредита. В таких схемах страхователем обычно выступает банк либо страховая компания по его поручению, а застрахованным лицом — заёмщик. При этом заёмщик, будучи потребителем финансовой услуги, зачастую не участвует в согласовании условий договора страхования, а его согласие сводится к формальному проставлению отметки в анкете или заявлении на кредит. Такая конструкция повышает риски навязывания услуг и затрудняет реализацию прав застрахованного лица, в том числе

права на получение полной и достоверной информации об условиях страхования. Именно поэтому распространение на застрахованных лиц гарантий Закона «О защите прав потребителей» (в части права на информацию и права на отказ от услуги) [2] представляется необходимым шагом для обеспечения баланса интересов сторон и повышения прозрачности страховых отношений.

Право требования страховой суммы принадлежит выгодоприобретателю. По общему правилу таковым является само застрахованное лицо: согласно п. 2 ст. 934 ГК РФ, если иной выгодоприобретатель не назван, договор считается заключённым в пользу застрахованного [1]. Право требования не принадлежит страхователю, если он не назначен выгодоприобретателем.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 26.12.2024 № 59-П (по вопросу о штрафе по п. 6 ст. 13 Закона «О защите прав потребителей») признал, что отказ страховщика от выплаты по договору, где выгодоприобретатель — банк, нарушает права застрахованного лица-потребителя: из-за этого он продолжает нести расходы по кредиту [3]. Следовательно, даже не будучи выгодоприобретателем, застрахованное лицо имеет законный интерес в исполнении договора.

Целесообразно закрепить в главе 48 ГК РФ минимальный объём прав застрахованного лица:

- на получение информации об условиях договора;
- на отказ от страховой защиты, если договор заключён без его согласия;
- на замену выгодоприобретателя по согласованию со страхователем.

Эти предложения согласуются с Концепцией развития положений части второй ГК РФ о договоре страхования, где предлагается право застрахованного в любое время потребовать исключения из договора, а также правило о приобретении им прав страхователя, если премия уплачена за его счёт [4]. Кроме того, стоит распространить на застрахованное лицо отдельные гарантии по Закону «О защите прав потребителей» (право на информацию и отказ от услуги).

Положение страхователя и застрахованного лица существенно несбалансировано: первый обладает широким кругом прав, второй — преимущественно «негативным» правом не давать согласие. Это создаёт риски злоупотреблений, особенно в коллективном страховании. Законодательство следует дополнить нормами, обеспечивающими реальную защиту застрахованных лиц.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 09.06.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
2. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 28.12.2025, с изм. от 17.02.2026) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. — 1992. — № 15. — Ст. 766.
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2024 г. № 59-П «По делу о проверке конституционности пункта 6 статьи 13 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» в связи с жалобой гражданина С. В. Калашникова».
4. Концепция развития положений части второй Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре страхования: одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 25 сентября 2020 г. № 202/оп-1/2020 // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 40. — Ст. 6324.

Гражданско-правовое регулирование определения размера компенсации морального вреда при дефекте в оказании медицинских услуг

Рублева Ольга Олеговна, студент магистратуры
Международный юридический институт (г. Москва)

В статье автор исследует гражданско-правовое регулирование определения размера компенсации морального вреда при дефекте в оказании медицинских услуг. Определена специфика данной категории дел. Установлены причинно-следственные связи между дефектом медицинской помощи и неблагоприятным исходом, разграничены прямая и косвенная причинная связь, обосновано их влияние на размер компенсации морального вреда.

Ключевые слова: дефект, медицинские услуги, компенсация, моральный вред.

Компенсация морального вреда при дефекте в оказании медицинских услуг остается одним из наиболее важных способов защиты нарушенных прав паци-

ентов. Специфика данной категории дел, обусловленная многообразием причин патологического процесса, вероятностным характером причинности и сложностью

доказывания, требует особого подхода к определению размера компенсации. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» обращено внимание на презумпцию наступления обязанности возмещения морального вреда в случаях выявленных дефектов оказания медицинской помощи или услуги, а также иных нарушений прав пациента (п. 3, 12 и 15) [1]. При этом причинно-следственную связь необходимо устанавливать только в ситуациях, в которых основанием ответственности стало причинение вреда здоровью пациента либо смерти (п. 15 Постановления), что согласуется с общей теорией причинности как материально проявляющейся закономерности.

Стоит сказать, что причинно-следственная связь относится к одному из обязательных фактов предмета доказывания при рассмотрении дел о возмещении вреда, причиненного ввиду ненадлежащего оказания медицинских услуг. Как отмечает В. Г. Фомина, «причинно-следственная связь имеет объективный характер, отображает существующую в действительности связь между действием (бездействием) и наступившими последствиями и имеет отношение только к определенному случаю» [2, с. 140]. Обязанность доказывания причинно-следственной связи между возникшим вредом и противоправным действием (бездействием) ответчика возлагается на истца. В связи с тем, что истец не обладает специальными знаниями в области медицины, вопрос определения причинно-следственной связи ставится, как правило, на разрешение судебно-медицинской экспертизы.

Однако в медицинских делах установление прямой причинно-следственной связи зачастую невозможно. Как справедливо отмечает П. Г. Габай, «косвенной причинной связью при оказании медицинской помощи (услуги) можно считать юридически значимую социально обусловленную связь между ненадлежащим (дефектным, некачественным) медицинским вмешательством и неблагоприятными последствиями (независимо от степени тяжести) при отсутствии хотя бы одного из признаков прямой причинно-следственной связи» [3, с. 10]. Судебная практика выработала устойчивую формулировку для таких случаев: «Наличие недостатков оказания медицинской помощи, констатированное проведенной по делу судебно-медицинской экспертизой, не установившей прямую причинно-следственную связь, само по себе является обстоятельством, свидетельствующим о наличии оснований для компенсации морального вреда» [4].

Иными словами, «правовой оценке подлежат только факт нарушения права и степень его нарушения, а не связь между деянием и вредом». Представляется, что «характер причинной связи (прямая или косвенная) должен оказывать существенное влияние на размер компенсации морального вреда». Если прямая причинно-следственная связь между дефектом медицинской помощи и неблагоприятным исходом установлена, это свидетельствует о высокой степени вины медицинского работника и, со-

ответственно, должно влечь более высокий размер компенсации. Напротив, «при наличии косвенной связи, когда дефект медицинской помощи выступил лишь условием, способствовавшим неблагоприятному развитию основного заболевания, размер компенсации должен быть дифференцирован с учетом степени влияния дефекта на исход». Как указывает В. Г. Фомина, «выявленная множественность симптомов у пациента затруднила процесс проведения судебно-медицинской экспертизы и не позволила определить истинную причину неблагоприятного исхода. При наличии вероятностного заключения о наличии или об отсутствии факта необходимо ограничивать истинную причину возникшего вреда от обстоятельств, которые опосредованно повлияли на неблагоприятный исход лечения» [2, с. 140]. Это требует от суда тщательного анализа степени влияния каждого из факторов, что напрямую должно отражаться на размере компенсации.

Анализ решений судов показывает, что компенсация морального вреда чаще всего принимает форму минимальных выплат. Это снижает эффективность механизма защиты нарушенных прав. Например, «в страховых спорах компенсации зачастую составляют всего 1–5 тыс. руб., хотя заявленные суммы могут достигать 100 тыс. руб. и более» [5, с. 535]. В медицинских делах ситуация усугубляется сложностью доказывания и длительностью судебного разбирательства, что приводит к тому, что даже при установлении дефекта медицинской помощи суммы компенсации нередко оказываются несоизмеримыми тяжести причиненных страданий [6, с. 216].

В связи с этим совершенствование механизма определения размера компенсации морального вреда при дефектах оказания медицинских услуг требует индивидуального подхода, который будет учитывать как специфику причинной связи в медицинских делах, так и психофизиологические особенности индивида. Представляется необходимым разработать прозрачную методику расчета суммы компенсации, основанную на системе последовательных критериев, включающих: характер дефекта (диагностический, лечебный, организационный); степень его влияния на неблагоприятный исход (прямая или косвенная связь); тяжесть наступивших последствий; индивидуальные особенности потерпевшего (возраст, профессия, семейное положение, психологическое состояние).

При этом если потерпевший является ребенком, лицом с ограниченными возможностями или имеет расстройства аутистического спектра, размер компенсации должен быть повышен, что требует проведения судебно-психологической экспертизы. Кроме того, целесообразно ввести минимальный и максимальный размеры компенсации, что позволит соблюсти баланс между восстановительной функцией компенсации и предотвращением злоупотреблений правом, а также исключить чрезмерное занижение сумм, характерное для отечественной правоприменительной практики.

Таким образом, компенсация морального вреда представляет собой гражданско-правовое средство восстановления справедливости для пострадавшего лица, обеспечивающее защиту личных неимущественных прав и нематериальных благ граждан. Особенности компенсации морального вреда при дефекте оказания медицинских услуг обусловлены спецификой данной категории дел. Установление причинно-следственной связи между дефектом медицинской помощи и неблагоприятным исходом зачастую невозможно. В целях совершенствования механизма определения размера компенсации морального вреда при дефектах оказания медицинских услуг представляется целесообразным: разработать прозрачную методику расчета суммы компенсации, основанную на системе последовательных критериев, включающих характер дефекта (диагностический, лечебный, организационный), степень его влияния на неблагопри-

ятный исход (прямая или косвенная связь), тяжесть наступивших последствий и индивидуальные особенности потерпевшего; ввести минимальный и максимальный размеры компенсации, что позволит соблюсти баланс между восстановительной функцией компенсации и предотвращением злоупотреблений правом; обеспечить дифференциацию размера компенсации с учетом индивидуальных особенностей потерпевшего, включая проведение судебно-психологической экспертизы в случаях, когда потерпевший является ребенком, лицом с ограниченными возможностями или имеет расстройства аутистического спектра. Реализация предложенных мер позволит обеспечить предсказуемость, справедливость и объективность процесса определения компенсации морального вреда, а также соблюсти баланс между интересами пациента и возможностями системы здравоохранения.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Российская газета. — № 267. — 25.11.2022.
2. Фомина В. Г. Причинно-следственная связь в делах, связанных с возмещением вреда, причиненного ненадлежащим оказанием медицинских услуг // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — № 12. — С. 140–150.
3. Габай П. Г. Невинное причинение вреда в медицинской сфере: уголовно-правовые аспекты // Уголовное право. — 2026. — № 1. — С. 10–23.
4. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 04.07.2023 № 88–12612/2023 по делу № 2–38/2022 (УИД 24RS0031–01–2019–001660–05) // СПС КонсультантПлюс
5. Мордакина И. Р., Ветров Д. М. К вопросу об определении размера компенсации морального вреда в страховых спорах // Аллея науки. — 2023. — № 10 (85). — С. 535–540.
6. Степанов Д. В. Компенсация морального вреда как способ защиты нарушенных прав // Власть Закона. — 2025. — № 1. — С. 216–224.

Проблемы противоречивости, допустимости и достоверности экспертных заключений и заключений специалиста

Русина Татьяна Сергеевна, преподаватель
Краснодарский университет МВД России

В статье рассматриваются актуальные проблемы, возникающие при использовании заключений эксперта и специалиста в уголовном судопроизводстве. На основе анализа судебной практики автор выделяет три ключевых проблемных аспекта: возможность возникновения противоречий между заключениями, полученными от разных субъектов судебно-экспертной деятельности; отсутствие единообразия в оценке допустимости и достоверности таких заключений, обусловленное пробелами в нормативном регулировании их формы и содержания; а также недостаточная компетентность экспертов и специалистов в условиях стремительной цифровизации преступной деятельности, в частности при расследовании IT-преступлений.

Ключевые слова: уголовный процесс; судебная экспертиза; заключение специалиста; заключение эксперта; противоречие.

Специальные знания в уголовном процессе — это бесспорно одно из важных направлений доказывания, восполняющих недостаток отдельных видов знаний у лиц, участвующих в производстве, и подробно, с про-

фессиональной точки зрения, освещающие те или иные важные для разрешения уголовного дела аспекты. Вместе с тем, при практическом использовании заключений эксперта и специалиста в уголовном процессе возникает ряд

проблем, начиная от порядка получения заключений эксперта и специалиста, и заканчивая правовой оценкой их использования в процессе.

Одной из главных проблем является возможность возникновения противоречий в заключениях эксперта и специалиста. Под «противоречиями» в рамках данной работы следует понимать несовпадение результатов, полученных экспертом и специалистом, а также различающиеся результаты экспертиз, проводимых разными организациями. Такое обстоятельство, как приведение в судебном разбирательстве в качестве доказательства нескольких заключений эксперта или специалиста, полученных от разных субъектов (организаций, отдельно уполномоченных на то лиц и т. д.) могут сбивать с толку участников процесса и только усложнить принятие решения.

Как один из примеров подобной судебной практики, можно привести следующий случай: «В апелляционной жалобе потерпевшие ББА БЛК и РИА просят оправдательный приговор отменить, уголовное дело передать на новое судебное разбирательство, в связи с тем, что выводы суда, отвергающие выводы гистолога КАР и рецензию патологоанатомов Северо-Западного Университета им. Мечникова г. Санкт-Петербурга не основаны на законе, поскольку, наряду с заключением эксперта, заключение специалиста также включено в систему источников доказательств в уголовном процессе. По итогам судебного разбирательства, приговор Приокского районного суда города Нижнего Новгорода от 15 мая 2017 года в отношении Анашкиной Тамары Анатольевны был отменен, апелляционная жалоба потерпевших ББА., БЛК и РИА была удовлетворена» [1].

В данной ситуации возникает конфликт в связи с тем, что экспертиза была проведена не в полной мере, а заключение специалиста, представленное потерпевшими суду, не были восприняты должным образом.

Из этого также вытекает «смежная» проблема, заключающаяся в отсутствии единообразия в оценке заключения эксперта и специалиста. Так, в Апелляционном постановлении № 22–4885/2019 от 27 сентября 2019 г. по делу № 1–274/19 приводится следующая ситуация, в которой потерпевший П. заявляет, что: «Автотехническая судебная экспертиза № от ДД.ММ.ГТТГ является недопустимым доказательством, так как проведена с нарушениями требований УПК РФ, Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 № 73-ФЗ.

Так во вводной части экспертного заключения отсутствуют сведения о получении и изучении материалов уголовного дела, что дает защите основания сомневаться в объективности выводов эксперта, считает, что экспертиза выполнена с существенными нарушениями существующих методик производства автотехнических экспертиз, не ответивших на вопросы следователя в полном объеме, экспертом не исследовалась техническая возможность по предотвращению ДТП у основного участника ФИО12 в нарушение требований ст. 204 УПК РФ,

экспертом по каждому пункту экспертного исследования при описании в исследования не были представлены методики, по которым определялись фактически выполненные объемы работ. Помимо этого указывает, что в постановлении следователя от ДД.ММ.ГТТГ в п. 18 указаны неверные сведения, искаженные показаниями свидетелей ФИО9 и ФИО13, которые взяты за основу при выполнении автотехнической экспертизы» [2].

В данном случае суд признал довод стороны защиты о недопустимости как доказательства заключения автотехнической судебной экспертизы № от ДД.ММ.ГТТГ необоснованным, поскольку судом первой инстанции не установлено каких-либо нарушений требований действующего законодательства при ее проведении. Также сторона защиты в апелляционной жалобе ссылаясь на заключение специалиста № от ДД.ММ.ГТТГ, названное им как экспертное заключение и подписанное специалистом ФИО21, как экспертом, как на доказательство невиновности ФИО1. Суд признал ее несостоятельной.

Таким образом, защитник и судья по-разному оценивают заключения эксперта, в силу пробелов, существующих в законодательстве относительно формы и содержания заключения эксперта и специалиста. Кроме того, форма и содержание заключения специалиста тоже не может однозначно оцениваться судом в силу отсутствия законодательных актов, регулирующих эти вопросы. Подобная неоднородность свидетельствует о необходимости разъяснений со стороны высших судебных инстанций либо совершенствования нормативного регулирования статуса специалиста.

Цифровизация и автоматизация общественных отношений также влияет на появление проблем недостаточной компетенции специалиста и эксперта, возникающей в связи с быстрым развитием технологий, используемых в преступной деятельности. Так, при совершении ИТ-преступлений зачастую требуется использование специальных знаний в сфере информационно-телекоммуникационных и иных компьютерных технологий при производстве предварительного расследования. Однако не всегда знаний, которыми обладают специалисты и эксперты в этой области, может быть достаточно для установления тех или иных фактов достоверно, что может привести либо к неправильному толкованию, либо недостаткам важной информации в уголовном деле.

Вопросы возникают и по поводу правового статуса специалистов-ИТ, в силу отсутствия единой методологии, практики оформления их как субъектов экспертной или специальной деятельности. Так, отставание в законодательстве от тенденций, существующих в преступном мире, с каждым годом наносит все больший ущерб нормальному функционированию системы правосудия, в том числе, и создает сложности в использовании специальных знаний в уголовном процессе.

Таким образом, судебная практика показывает, что наряду с положительными сторонами использования за-

ключений специалиста и эксперта в уголовном судопроизводстве, возникают также и негативные проявления, связанные с образующимися проблемами, которые выражены в возможном противоречии между заключениями, отсутствии единообразия в оценке заключения эксперта и специалиста, и недостаточной компетенции субъектов. Эти проблемы требуют комплексного подхода к решению, включающего совершенствование и разработку нормативно-правовых актов [2], регулирующих институты дея-

тельности эксперта и специалиста, унификацию методов и стандартизацию форм заключений.

Нельзя забывать и о необходимости постоянного совершенствования уровня знаний специалистов и экспертов, возникающей в силу постоянного роста «компьютерных» преступлений. Только при условии надлежащего урегулирования указанных вопросов можно обеспечить объективность, достоверность и справедливость использования специальных знаний в уголовном процессе.

Литература:

1. Апелляционное постановление № 22–3878/2017 от 22 августа 2017 г. по делу № 22–3878/2017. — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/pDzgZCutfHox/> (дата обращения: 29.09.2026).
2. Апелляционное постановление № 22–4885/2019 от 27 сентября 2019 г. по делу № 1–274/19. — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/NNTUXucjBWYJ/> (дата обращения: 29.09.2026).
3. Шутова, А. С. Об интеграции 3D-технологий в процесс производства транспортно-трасологических исследований / А. С. Шутова. — Текст: непосредственный // Безопасность дорожного движения. — 2024. — № 3.

Цифровые права в системе объектов гражданских прав

Рустамов Русланбек Уткирбекович, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье автор исследует сущность цифровых прав в системе объектов гражданских прав.

Ключевые слова: цифровые права, объекты гражданских прав, Гражданский кодекс РФ, информационная система, цифровизация оборота, бездокументарные ценные бумаги.

Стремительное развитие цифровых технологий поставило перед гражданским правом фундаментальный вопрос: способна ли традиционная система объектов гражданских прав, построенная на дихотомии «вещи — права», вместить новые явления цифровой экономики? Когда активы существуют в форме кода в распределённом реестре или на платформе, сохраняют ли классические категории вещного и обязательственного права свою объяснительную силу? 18 марта 2019 года был принят Федеральный закон № 34-ФЗ, внесший существенные изменения в Гражданский кодекс Российской Федерации. Наиболее значимым нововведением стало включение «цифровых прав» в перечень объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) и появление специальной статьи 141.1 ГК РФ. Этот законодательный выбор уникален в сравнительно-правовом плане: вместо описательных понятий «цифровые активы» или «виртуальное имущество» российский законодатель попытался использовать категорию «право» — одну из центральных в цивилистике. Однако законодательное признание не означает теоретического решения. Являются ли цифровые права самостоятельным объектом гражданских прав или лишь новой формой существования уже известных прав? Каково их место в си-

стеме объектов? Ответы на эти вопросы определяют не только внутреннюю логику ГК РФ, но и правовую определённость цифровых сделок. В настоящей статье на основе нормативного анализа и существующей доктрины рассматривается системное положение цифровых прав и порожаемые им теоретические трудности.

Согласно п. 1 ст. 141.1 ГК РФ, цифровыми правами признаются «обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам». Ключевыми элементами данного определения являются: во-первых, содержание цифровых прав производно от «обязательственных и иных прав», то есть от уже существующих правовых категорий; во-вторых, условия их осуществления определяются правилами информационной системы; в-третьих, цифровые права «признаются» таковыми в силу прямого указания закона. Пункт 2 ст. 141.1 ГК РФ закрепляет принцип «технического контроля как основания принадлежности права»: если иное не установлено законом, обладателем цифрового права считается лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим

правом. Пункт 3 устанавливает, что при переходе цифрового права по сделке согласие обязанного лица не требуется. Эта норма призвана обеспечить свободный оборот цифровых прав внутри системы, устраняя традиционную для уступки требования процедуру уведомления должника. Включив цифровые права в ст. 128 ГК РФ, законодатель поместил их в разряд «имущественных прав». Как отмечал в пояснениях к законопроекту председатель Государственной Думы В. Володин, цель закона — «заложить основы для развития цифровой экономики», поскольку «новые технологии активно входят в экономическую жизнь, а вопросы правовой защиты оставались неурегулированными». Таким образом, намерение законодателя состояло не в создании принципиально нового вида прав, а в обеспечении гражданско-правовой базы для уже существующих цифровых активов.

Если цифровые права суть лишь способ подтверждения, они должны быть чётко отграничены от сходных институтов прежде всего от бездокументарных ценных бумаг. Согласно п. 1 ст. 142 ГК РФ, условия осуществления бездокументарных ценных бумаг определяются «решением о выпуске»; условия осуществления цифровых прав — «правилами информационной системы». Это различие

представляется скорее терминологическим, чем сущностным: решение о выпуске также представляет собой свод правил, устанавливаемых эмитентом, и функционально не отличается от «правил информационной системы». Ещё более размывает границы Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах». Предусмотренные им «цифровые финансовые активы» (ЦФА) включают денежные требования и права участия в непубличных акционерных обществах, то есть по своей экономической природе совпадают с ценными бумагами. Как отмечается в литературе, сфера применения «правил инвестиционной платформы» была расширена и на эмиссионные ценные бумаги, что вновь стирает грань между цифровыми правами и бездокументарными ценными бумагами.

Включение цифровых прав в ГК РФ отражает прагматичный подход законодателя: когда технологические изменения уже изменили способ существования и оборота активов, вместо того чтобы отказывать цифровой практике в правовом признании, предпочтительнее «технически» инкорпорировать её в существующую цивилистическую систему. Логика института цифровых прав такова: сущность права не меняется, меняется лишь способ его подтверждения и осуществления.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 18.03.2019). Ст. 128, 141.1.
2. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации».
3. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
4. Ермаков А. В. Цифровые права как объект гражданских прав // Трансформация сферы интеллектуальной собственности в современных условиях: XXIV Международная конференция Роспатента, Москва, 20–21 октября 2020 г.: тезисы докладов. — Москва: ФИПС, 2020. — С. 202–204. — ISBN 978–5–6042894–8–8. Источник подтверждён в электронной библиотеке ВПТБ (ФИПС). В аннотации прямо указано, что цифровые права отнесены к имущественным правам по ст. 128 ГК РФ и к обязательственным по ст. 141.1 ГК РФ.
5. Ермаков А. В. Права субъектов в виртуальной реальности // Копирайт. — 2022. — № 2. — С. 22–39. Статья в рецензируемом журнале, подтверждена в PDF-файле РГАИС. Рассматривает применимость проприетарной и исключительной конструкций к цифровым объектам.
6. Ермаков А. В. Цифровой рубль: проблемы определения правового режима // Legal Concept = Правовая парадигма. — 2024. — Т. 23, № 1. — С. 99–104. — DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.1.13>. Полностью верифицируемый источник с DOI, доступен в КиберЛенинке. Содержит предложение по изменению ст. 128 ГК РФ.

Возникновение военных судов в дореволюционной России

Рюмин Борис Алексеевич, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье рассматривается процесс зарождения и эволюции института военных судов в Российской империи — от первых прообразов полкового правосудия в XVII веке до военно-судебной реформы 1867 года и её последующей модификации вплоть до 1917 года. Анализируются нормативно-правовые акты каждого периода, выявляются преемственность и различия в подходах к организации военной юстиции. Особое внимание уделено влиянию западноевропейского опыта на формирование российской военно-судебной системы, а также специфике чрезвычайных военных судов.

Ключевые слова: военные суды, военная юстиция, Воинский артикул, Военно-судебный устав, военно-полевые суды, Соборное уложение, полковое правосудие.

Военные суды в России имеют более чем трёхсот-летнюю историю. Их возникновение и развитие неразрывно связано с эволюцией вооружённых сил, изменениями в государственном строе и правовой культуре страны. Дореволюционные традиции военной юстиции во многом предопределили структуру и принципы деятельности современных военных судов Российской Федерации, что делает изучение исторического опыта не просто академической задачей, но и вопросом, имеющим практическое значение для понимания места военных судов в судебной системе.

Предыстория: полковое правосудие в XVII веке

Идея обособленного военного правосудия пришла в Россию из Европы. Первым нормативным актом, в котором упоминаются военные суды, исследователи называют Устав ратных, пушечных и других дел 1607 года — перевод воинских уставов предположительно германского происхождения. Уставу уже известны воеводский суд и суд полкового судьи.

Соборное уложение 1649 года — крупнейший кодифицированный акт Русского государства — содержало ряд правовых норм, устанавливающих уголовную ответственность за воинские преступления [1]. В нём упоминаются и военные суды: полковые судьи и сотенные головы. Согласно статье 26 Соборного уложения, военные суды определяли принадлежность лошадей, приставших к полку. Статья 149 устанавливала, что все споры между служилыми людьми подлежат суду воевод или назначаемых ими полковых судей. Таким образом, уже в XVII веке наметился принцип, который впоследствии станет фундаментом военной юстиции: выделение дел с особым субъектным составом — военнотружущих — в отдельную юрисдикцию. Однако полноценная система военных судов в это время ещё не сложилась. Полковое правосудие носило эпизодический характер, не имело чёткой регламентированной процедуры и во многом зависело от усмотрения воевод и командиров.

Эпоха Петра I: создание регулярной военно-судебной системы

Решающий этап в формировании военных судов связан с именем Петра I. В конце XVII века Российское государство убеждалось в том, что старая система полкового правосудия, основанная на нормах Соборного уложения и отдельных указах, не отвечает потребностям регулярной армии. При расширении состава войск и их рассеянности по обширным территориям требовалась единообразная правовая основа, гарантирующая одинаковую судебную процедуру.

Важной вехой стало появление в 1715 году Артикула воинского — обширного кодекса воинского права, призванного унифицировать всю область армейского правосудия [2]. Подготовка документа велась по инициативе Петра I при участии иностранных специалистов, знакомых с западными военными уставами, в том числе шведскими «Krigsartiklar». Артикул воинский содержал предписания о порядке разбирательства военных преступлений, описывал систему наказаний — весьма жёстких, включая телесные наказания и унижение провинившихся перед строем. В то же время в нём были заложены основы судебного процесса: сбор улик, опрос свидетелей, процедура обжалования, участие офицеров в вынесении приговора.

Уже в 1716 году был издан Воинский устав, который в разделе «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» установил двухуровневую систему военных судов: полковые криссехты — суды первой инстанции, действовавшие при полках, и генеральные криссехты — высшие военные суды [3]. Сам термин «криссехт» (от немецкого Kriegsgericht — военный суд) косвенно подтверждает немецкое влияние на формирование института. Акт чётко очертил пределы компетенции военных судов: их юрисдикция распространялась на офицеров, солдат и прочих лиц, относящихся к войску, но не на жён и младенцев. Помимо обычных судов, в петровскую эпоху известны и чрезвычайные — «скоропосудительные» — суды, действовавшие в условиях военного времени.

Параллельно с подготовкой Воинского артикула в Петербурге с 1715 года начали работать особые классы, где офицеры и писари изучали правила судопроизводства. Это не были полноценные учебные заведения, но именно там формировался костяк будущего корпуса военных юристов. Принципиальное отличие петровских судебных норм от предшествующей практики состояло в стремлении закрепить формализованную процедуру: ведение протоколов, заслушивание показаний, оформление приговора.

Развитие военной юстиции в XVIII — первой половине XIX века

Период с 1725 по 1864 год характеризовался неоднократными попытками усовершенствования законодательства о военных судах. С этой целью создавались различные комиссии для разработки проектов новых законов. Важными нормативными актами этого периода стали Полевое уголовное уложение 1812 года, введённое для военного времени, Военно-уголовное уложение 1839 года, консолидировавшее нормы о воинских преступлениях, и Свод военных постановлений редакций 1838–1839 и 1859 годов.

Полевое уголовное уложение 1812 года заслуживает особого внимания, поскольку в нём впервые были заложены принципы, предвосхитившие реформу 1867 года: устность, гласность, состязательность, решение на основе внутреннего убеждения судей [4]. Полевой военный суд открывался по распоряжению главнокомандующего; разбирательство должно было оканчиваться в 24 часа; подсудимому предоставлялось право избрать защитника. Однако в мирное время военные суды продолжали руководствоваться нормами Воинского устава 1716 года, что к середине XIX века делало систему явно устаревшей.

Военно-судебная реформа 1867 года

Судебная реформа 1864 года, проводившаяся Александром II, стала одной из самых значимых в истории российского правосудия. Военные суды были затронуты ею три года спустя — 15 мая 1867 года был утверждён Военно-судебный устав, построенный на принципах судебной реформы 1864 года и определивший устройство и компетенцию военных судов [5].

Военно-судебный устав установил трёхуровневую систему. Полковые суды — суды первой инстанции, создававшиеся при каждом полку и войсковой части — назначались командиром полка в составе трёх офицеров. Им были подсудны дела о преступлениях нижних чинов, предусматривавшие исправительные наказания. Предварительное следствие в этих судах не проводилось, защитник не полагался; приговор утверждался командиром полка и вступал в силу немедленно.

Военно-окружные суды создавались в каждом военном округе и рассматривали дела офицеров, чиновников военного ведомства, а также особо важные дела нижних чинов. В их состав входили председатель, постоянные военные судьи и следователи с юридическим образованием, а также временные члены — офицеры, назначаемые из войск. Приговоры считались окончательными и могли быть отменены только в кассационном порядке.

Главный военный суд — высший орган военной судебной системы, находившийся в Санкт-Петербурге, — выполнял функции кассационной инстанции. Его отделения располагались в Сибири (Омск) и на Кавказе (Тифлис). Ключевая особенность реформы: военные суды были отделены от Правительствующего Сената — высшей судебной инстанции для судов общей юрисдикции. Это означало создание самостоятельной вертикали военной юстиции.

Литература:

1. Т. 1 Полное собрание законов Российской империи: [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. — Текст: электронный // Национальная электронная библиотека: [сайт]. — URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003821640/?ysclid=muqjimbmbx292707187 (дата обращения: 30.09.2026).
2. Артикул воинский (редакции 1715 г.). — Текст: электронный // Электронная библиотека исторических документов: [сайт]. — URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/335533-artikul-voinskiy-redaktcii-1715-g?ysclid=muqjrab8u0364919181> (дата обращения: 30.09.2026).

Военно-судебный устав 1867 года воплотил следующие прогрессивные принципы: бессословность, гласность, состязательность, независимость судов от командования и кассационный порядок обжалования. Устав вводился постепенно — с 1867 по 1889 год, по отдельным военным округам. Для подготовки военных юристов была создана Александровская военно-юридическая академия, выпускники которой приравнялись по положению к офицерам, окончившим Академию Генерального штаба.

Чрезвычайные военные суды: военно-полевые суды

Особой страницей в истории дореволюционной военной юстиции стали чрезвычайные суды военного времени. Полевые военные суды действовали ещё со времён Полевого уголовного уложения 1812 года, однако наибольшую известность приобрели военно-полевые суды, введённые по инициативе П. А. Столыпина. Положение Совета министров о военно-полевых судах было принято 1 сентября 1906 года в порядке междумского законодательства — для ускорения судопроизводства по делам о гражданских лицах и военнослужащих, обвиняемых в тяжких преступлениях, в тех случаях, когда «очевидность преступления» не требовала дополнительного расследования.

Военно-полевой суд состоял из председателя и четырёх членов суда — строевых офицеров, назначаемых начальником местного гарнизона. Разбирательство было предельно ускоренным: приговор выносился в течение 24 часов и, как правило, немедленно приводился в исполнение. Право на защиту и обжалование было существенно ограничено. Положение о военно-полевых судах автоматически потеряло силу 3 мая 1907 года в связи с истечением полномочий правительства, его принявшего. Правительство не вносило закон на рассмотрение Государственной Думы, понимая, что он не будет утверждён.

Таким образом, возникновение военных судов в дореволюционной России прошло путь от эпизодического полкового правосудия XVII века до стройной трёхуровневой системы, созданной Военно-судебным уставом 1867 года. Каждый этап этого развития определялся потребностями военной организации государства.

Опыт дореволюционной России показывает, что военные суды формировались как ответ на объективную потребность в специализированном правосудии для особой категории субъектов — военнослужащих.

3. Устав воинский. [Марта 30 дня 1716 года]. — Текст: электронный // Электронная библиотека исторических документов: [сайт]. — URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/335428-ustav-voinskiy-marta-30-dnya-1716-goda?ysclid=mupjsqr6pu706856294> (дата обращения: 30.09.2026).
4. Полевое уголовное уложение для Большой действующей армии.. — Текст: электронный // Национальная электронная библиотека: [сайт]. — URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_010409743/?ysclid=mupjwifreo578651369 (дата обращения: 30.09.2026).
5. Военно-судебный устав (полное издание), выс. утв. 15 мая 1867 г.: Со включением: 1. Приказа военного министра 20 мая 1867 г. с правилами для руководства при наложении наказаний. 2. Положений о взысканиях дисциплинарных. 3. Выс. утв. мнений Гос. совета и др. — Текст: электронный // Национальная электронная библиотека: [сайт]. — URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003543916/?ysclid=mupjzluj8e157394801 (дата обращения: 30.09.2026).

Медиация: российский и зарубежный опыт

Юмина Виктория Вячеславовна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье рассматривается медиация как один из ключевых альтернативных способов урегулирования споров. Проводится сравнительно-правовой анализ института медиации в Российской Федерации и в зарубежных странах (США, Германия, Италия, Китай, Нидерланды, Франция). Выявляются общие принципы и национальные особенности правового регулирования, анализируются причины низкой востребованности медиации в России и предлагаются пути совершенствования российского законодательства с учётом успешного зарубежного опыта.

Ключевые слова: медиация, примирительные процедуры, медиатор, медиативное соглашение, альтернативное разрешение споров, сравнительно-правовой анализ.

В условиях растущей нагрузки на судебные системы во всём мире поиск эффективных альтернативных способов разрешения споров становится одной из приоритетных задач правовой политики государства. Медиация — добровольная, конфиденциальная процедура урегулирования спора с участием независимого посредника (медиатора), помогающего сторонам выработать взаимоприемлемое решение, — зарекомендовала себя как гибкий и экономичный инструмент, способствующий не только разрешению конфликта, но и сохранению отношений между его участниками.

Институт медиации получил законодательное закрепление более чем в 60 странах мира. Международные стандарты в этой сфере задаются такими документами, как Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2008/52/ЕС от 21.05.2008 «О некоторых аспектах посредничества (медиации) в гражданских и коммерческих делах» [1], Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международной коммерческой согласительной процедуре [2] и Сингапурская конвенция о медиации [3]. В России базовым нормативным актом выступает Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее — Закон о медиации) [4].

Цель настоящей статьи — провести сравнительно-правовой анализ института медиации в России и за рубежом, выявить факторы, препятствующие его развитию в рос-

сийских условиях, и определить направления совершенствования законодательства.

Закон о медиации, вступивший в силу 1 января 2011 г., заложил правовые основы для развития примирительных процедур в России. В нём закреплены ключевые принципы: добровольность, конфиденциальность, сотрудничество и равноправие сторон, беспристрастность и независимость медиатора. Процедура медиации применима к спорам, возникающим из гражданских, трудовых, семейных правоотношений, а также в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если результаты урегулирования не затрагивают права третьих лиц и публичные интересы.

В 2019 г. был принят Федеральный закон № 197-ФЗ, который расширил сферу применения примирительных процедур: медиация стала доступна не только в гражданском и арбитражном, но и в административном процессе [5]. Тогда же в ГПК РФ и АПК РФ были включены нормы о судебном примирении — процедуре, проводимой под руководством судьи в отставке в качестве судебного примирителя.

Закон о медиации допускает деятельность медиаторов как на профессиональной, так и на непрофессиональной основе. К профессиональным медиаторам предъявляются требования: возраст не менее 25 лет, наличие высшего образования и дополнительной профессиональной подготовки в сфере медиации. Непрофессиональным ме-

диатором может быть любой дееспособный гражданин старше 18 лет, не имеющий судимости.

Медиативное соглашение, достигнутое по результатам процедуры, имеет силу гражданско-правовой сделки и исполняется добровольно. Если же медиация проводилась после передачи спора в суд, соглашение может быть утверждено судом в качестве мирового — в этом случае оно подлежит принудительному исполнению. С 2019 г. у сторон появилась возможность удостоверить внесудебное медиативное соглашение у нотариуса, придав ему силу исполнительного документа.

Зарубежный опыт правового регулирования медиации

Медиация в США начала развиваться с 1960–1970-х гг. — первоначально для урегулирования трудовых конфликтов и расовых противостояний. В 1974 г. была создана Федеральная служба по медиации и примирению (Federal Mediation and Conciliation Service), а к настоящему времени программы медиации действуют практически при каждом суде, включая окружные и апелляционные инстанции.

Особенность американской модели — децентрализованность регулирования. Процедура медиации детально не урегулирована федеральным законом; основные правила задаются законодательством штатов, местными правилами судов и соглашениями сторон. Во Флориде, например, правила судебной медиации закреплены в Статутах Флориды (ст. 44.102) и специальных процессуальных правилах. Суды могут направлять дела на медиацию в обязательном порядке (court-annexed mediation), однако само решение по существу спора остаётся за сторонами.

Широкое распространение получили специализированные формы медиации: «нейтральная оценка» (early neutral evaluation), мини-суд (mini-trial), а также посредничество, основанное на принципе «win-win» (Гарвардская теория переговоров).

В Германии медиация была введена в 1980-е гг. В 2012 г. был принят закон о медиации, внедривший судебную медиацию во всех судах [6]. Существует специализация по категориям дел: семейные, наследственные, строительные споры. До начала устных слушаний судья предлагает сторонам пройти медиацию, которую проводит другой судья, не рассматривающий дело. Около 50 % сторон соглашались на процедуру, и в 70 % случаев заключается мировое соглашение.

Важная особенность немецкой модели — минимальный государственный контроль. Большую роль играет саморегулирование: профессиональные ассоциации медиаторов устанавливают стандарты качества и правила проведения процедуры.

Италия представляет пример введения обязательной медиации. Итальянское законодательство предписывает сторонам пройти процедуру медиации по определённым

категориям дел до обращения в суд. Однако этот подход столкнулся с сопротивлением: после отмены нормы об обязательности и возвращения к добровольной основе медиация не получила широкого распространения. Итальянский опыт демонстрирует, что принуждение к медиации само по себе не гарантирует её эффективности — необходимы инфраструктура, подготовленные кадры и доверие общества.

В Китайской Народной Республике медиация исторически укоренена в правовой культуре, что обусловлено традиционным стремлением к «полюбовному» разрешению споров. Закон КНР «О народной медиации» был принят в 2010 г. — практически одновременно с российским. Популярность процедуры здесь даже выше, чем в США, что объясняется менталитетом, культурой компромисса и активной государственной поддержкой.

В Нидерландах создан Нидерландский институт медиации (Netherlands Mediation Institute, NMI), который разрабатывает нормы и правила, гарантирующие качество услуг, инструктирует суды по созданию служб медиации и контролирует деятельность медиаторов. К посредникам предъявляются жёсткие квалификационные требования. В стране насчитывается около 8000 медиаторов, и их число растёт.

Во Франции процессуальное законодательство закрепляет обязанность судьи принимать меры к примирению сторон. Стороны могут использовать примирительные процедуры с участием судьи или специального примирителя (conciliateur). Греческая модель схожа: с 2012 г. в судах работают судьи-медиаторы, к которым стороны направляются при их согласии; дело может быть отложено на 3–6 месяцев.

Общими для всех рассмотренных юрисдикций являются принципы добровольности, конфиденциальности и нейтральности медиатора. Однако способы интеграции медиации в судебную систему существенно различаются. В США и Германии медиация органично встроена в судебный процесс, судьи активно предлагают её сторонам. В Италии попытка ввести обязательную медиацию без надлежащей инфраструктуры привела к обратному эффекту. В Китае успех медиации обусловлен культурными традициями, а не законодательным принуждением.

Несмотря на более чем пятнадцатилетнее существование Закона о медиации, процедура не получила массового применения в России. Можно выделить несколько возможных причин:

1. Недостаточное законодательное регулирование. В Законе о медиации не установлен детальный порядок проведения процедуры — стороны должны самостоятельно определить его в соглашении. При отсутствии опыта и традиций использования медиации это создаёт неопределённость. Кроме того, срок проведения медиации при переданном в суд споре не может превышать 60 дней, что не всегда достаточно.

2. Допуск непрофессиональных медиаторов. Закон разрешает вести медиацию лицам без юридического образо-

вания, что вызывает обоснованную критику: разрешение правовых споров требует правовой квалификации. В то же время медиатор не вправе оказывать сторонам юридическую помощь (п. 2 ч. 6 ст. 15), что создаёт парадокс: лицо без юридического образования помогает разрешать правовой конфликт, но не может давать правовые консультации.

3. Финансовая недоступность. Стоимость профессиональной медиации в России варьируется от 50 000 рублей за небольшие споры до нескольких сотен тысяч рублей за крупные коммерческие дела. Судебное примирение, в отличие от медиации, проводится бесплатно, что делает его более привлекательным для сторон. При этом процессуальное законодательство не предоставляет сторонам существенных имущественных стимулов для обращения к медиации.

4. Низкая информированность. По данным Верховного Суда РФ, плохая просветительская работа судов и медиаторов — одна из главных причин непопулярности процедуры. Граждане и предприниматели недостаточно знакомы с сутью медиации и её преимуществами.

5. Отсутствие традиций переговорной культуры. Российские предприниматели привыкли разрешать конфликты в судебном порядке и редко встречаются для переговоров после получения иска. Отсутствие обязательного представительства в судах (в отличие от многих зарубежных юрисдикций) также снижает заинтересованность в примирительных процедурах.

6. Проблема исполнения медиативных соглашений. Внесудебное медиативное соглашение исполняется добровольно; для принудительного исполнения требуется либо нотариальное удостоверение, либо утверждение судом в качестве мирового соглашения. Это создаёт дополнительные барьеры для сторон.

7. Влияние судебных представителей. Адвокаты и представители сторон не всегда заинтересованы в примирении, поскольку успешная медиация снижает потребность в их услугах.

С учётом зарубежного опыта можно выделить следующие направления совершенствования российского законодательства.

– Во-первых, внедрение в судебную систему процессуальных стимулов. В Германии, США и Нидерландах суды активно направляют стороны на медиацию, а отказ от неё может сопровождаться процессуальными санкциями (например, отнесение судебных расходов на сторону, необоснованно отказавшуюся от примирения). В России подобный механизм отсутствует.

– Во-вторых, необходимо установить единые стандарты деятельности медиаторов. Опыт Нидерландов (NMI) и Германии показывает, что саморегулирование при поддержке государства эффективнее прямого администрирования. Необходимо ввести единые квалификационные и этические стандарты, а также обязательное страхование профессиональной ответственности медиаторов (по модели Австрии, где минимальная сумма страхования — 400 000 евро).

– В-третьих, представляется целесообразным закрепить в законе типовые правила проведения медиации по основным категориям споров, сохранив при этом возможность для сторон определить собственный порядок.

– В-четвертых, разумным видится повышение требований к медиаторам, а именно распространение требований о высшем юридическом образовании на всех медиаторов, осуществляющих деятельность на профессиональной основе, и увеличение объёма программ подготовки медиаторов.

Кроме того, упрощение исполнения медиативных соглашений и расширение механизмов придания медиативному соглашению силы исполнительного документа может оказать позитивное влияние на количество обращения к процедуре медиации.

Наконец, способом развития процедур может стать интеграция медиации с судебной системой в виде создания служб медиации при судах (по образцу США и Германии), информирование сторон о возможности медиации на стадии подготовки дела к рассмотрению, выделение специальных помещений в зданиях судов.

Институт медиации в России прошёл путь от нормативного закрепления до частичного внедрения в судебный процесс, однако его практическая востребованность остаётся низкой. Сравнительно-правовой анализ показывает, что успех медиации в зарубежных странах обусловлен не только наличием законодательства, но и комплексом условий: процессуальными стимулами, квалификационными стандартами, интеграцией с судебной системой, культурной восприимчивостью и информированностью общества.

Российская модель медиации нуждается в системном совершенствовании. Введение процессуальных стимулов, детализация процедуры, повышение квалификационных требований к медиаторам и упрощение исполнения медиативных соглашений — ключевые направления, способные сделать медиацию эффективным инструментом разрешения споров, сравнимым по востребованности с зарубежными аналогами.

Литература:

1. Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2008/52/ЕС от 21.05.2008 «О некоторых аспектах посредничества (медиации) в гражданских и коммерческих делах». — Текст: электронный // ГАРАНТ: [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/2568236/?ysclid=muo9paziir33338355> (дата обращения: 20.09.2026).
2. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международной коммерческой согласительной процедуре (принят ЮНСИТРАЛ 24 июня 2002 г.). — Текст: электронный // ГАРАНТ: [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/5423840/> (дата обращения: 20.09.2026).

3. Иванов, Е. И. Сингапурская Конвенция о медиации: основные положения / Е. И. Иванов. — Текст: непосредственный // Российское право: образование, практика, наука. — 2023. — № 4.
4. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 N 193-ФЗ (последняя редакция). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (дата обращения: 20.09.2026).
5. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 26.07.2019 N 197-ФЗ (последняя редакция). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329959/ (дата обращения: 20.09.2026).
6. Закон «О медиации» (с изменениями, внесенными Постановлением от 31.08.2015 г.), Германия. — Текст: электронный // WIPO Lex: [сайт]. — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/17670> (дата обращения: 20.09.2026).

Государственное обвинение в суде: процессуальная самостоятельность прокурора и пределы распоряжения обвинением

Севкович Дмитрий Константинович, студент магистратуры

Научный руководитель: Гребеньков Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Московский университет «Синергия»

В статье анализируется институт государственного обвинения в российском уголовном процессе. Рассматриваются организационные основания разделения надзора за расследованием и поддержания обвинения, внутриведомственный порядок отказа прокурора от обвинения и его последствия для суда и потерпевшего, а также стратегия участия государственного обвинителя в суде присяжных. Обосновывается комбинированная модель, сочетающая судебную проверку мотивов отказа и право потерпевшего на продолжение уголовного преследования.

Ключевые слова: государственный обвинитель, прокурор, отказ от обвинения, потерпевший, суд присяжных, самостоятельность.

Государственное обвинение принято считать наиболее публичной частью работы прокуратуры. Однако за внешней простотой роли скрывается процессуальный парадокс. Прокурор доказывает в суде тезис, который сформулирован не им, а следователем или дознавателем, и вместе с тем обязан оценивать доказательства по собственному внутреннему убеждению (ст. 17 УПК РФ). Часть 3 ст. 37 УПК РФ возлагает на него поддержание обвинения, обеспечивающее его законность и обоснованность, а ч. 7 ст. 246 того же кодекса требует отказаться от обвинения, если исследованные доказательства его не подтверждают [1]. Иначе говоря, закон ждет от обвинителя одновременно настойчивости и готовности признать поражение.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы выяснить, насколько действующая модель государственного обвинения позволяет примирить эти требования, и определить направления ее совершенствования. Для этого сопоставлены исторические, эмпирические и тактико-криминалистические исследования последних лет, а также ведомственная и судебная практика.

Отправной точкой служит вопрос о том, кто именно должен выступать обвинителем. А. Н. Першин, М. В. Бондарева и Н. А. Соловьева возводят истоки института не к Судебной реформе 1864 г., как это принято в литера-

туре, а к Учреждению для управления губернией 1775 г., где стряпчий уголовных дел уже давал суду заключение о виновности [7, с. 13]. Важнее, однако, другой их вывод. Устав уголовного судопроизводства разделил надзор за следствием и участие в суде между разными прокурорами, и эта конструкция сохранилась до наших дней, хотя ни один федеральный закон ее не закрепляет. Опрос работников окружных прокуратур показал, что 79,3 % из них считают такое разделение неправильным: сотрудник, надзиравший за расследованием, лучше знает дело [7, с. 17].

Авторы с практиками не соглашаются, и их аргумент представляется решающим. Прокурор, который утверждал обвинительное заключение, уже сформировал убеждение в доказанности и вряд ли беспристрастно воспримет доводы, это убеждение разрушающие [7, с. 17]. Отсюда следует вывод, выходящий за рамки организационной целесообразности: разделение функций есть не кадровая условность, а предпосылка реальности права на отказ от обвинения. Тот, кто сам построил обвинение, психологически не готов от него отказаться.

Процессуальная самостоятельность обвинителя, впрочем, ограничена ведомственным регулированием. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 30.06.2021 № 376 обязывает государственного обвинителя, намеренного отказаться от обвинения или изменить его, доложить об

этом прокурору, поручившему поддержание обвинения; тот при принципиальном несогласии вправе заменить обвинителя либо поддерживать обвинение лично [2]. Путь, который проходит решение об отказе, показан на рис. 1.

И. А. Гизатуллин называет такой порядок превращением внутреннего убеждения в фикцию: вышестоящий прокурор, не исследуя доказательства непосредственно, получает возможность блокировать вывод того, кто их исследовал [5, с. 48]. Административный истец, оспаривавший соответствующие положения приказа, приводил сходный довод, однако Верховный Суд РФ решением от 05.03.2026 № АКПИ26–10 признал их не противоречащими УПК РФ [3]. Суд, таким образом, подтвердил допу-

стимость иерархического контроля, но не снял теоретического противоречия. Убеждение обвинителя фактически становится коллективным, тогда как ст. 17 УПК РФ говорит об убеждении индивидуальном.

Каковы практические последствия такого порядка? Отказ от обвинения для суда обязателен: после постановлений Конституционного Суда РФ от 20.04.1999 № 7-П и от 08.12.2003 № 18-П суд прекращает дело, если отказ мотивирован и заявлен по завершении исследования значимых доказательств [6, с. 9–10]. Именно поэтому решающее значение приобретает частота, с которой обвинители этим правом пользуются. Данные И. А. Гизатуллина, изучившего 324 уголовных дела, приведены на рис. 2.

Рис. 1. Порядок принятия решения об отказе от обвинения (составлено автором по данным [1; 2])

Рис. 2. Распоряжение обвинением в 324 изученных уголовных делах, количество дел (построено по данным [5, с. 45])

Полный отказ встретился лишь однажды, частичный — дважды, тогда как изменение обвинения в сторону смягчения — в восьми делах [5, с. 45]. Соотношение показательно. Переквалификация по ч. 8 ст. 246 УПК РФ позволяет обвинителю избежать публичного признания несостоятельности обвинения и сохраняет обвинительный приговор, но для суда она столь же обязательна, как и отказ. Следовательно, основная зона конфликта между судом и обвинением лежит не в редких отказах, а в куда более частых смягчениях квалификации. Иллюстрацией служит приведенное автором дело, в котором при 34 ударах, нанесенных тремя разными орудиями, обвинитель исключил признак особой жестокости, а Верховный Суд РФ был вынужден признать суд связанным этой позицией [5, с. 49–50].

Позиция самих судей видна из анкетирования 112 судей, результаты которого представлены ниже на рис. 3.

Почти три четверти опрошенных хотя бы раз были не согласны с отказом или изменением обвинения, и 50,89 % высказались за то, чтобы рассматривать отказ как ходатайство стороны, а не как обязательное для суда решение [5, с. 45, 51]. Сопоставление двух массивов данных приводит к важному выводу. Если отказы единичны, а несогласие судей массово, то судья чаще всего вынужден осуждать лицо по статье, которую сам считает неверной, и прекращение дела здесь вообще не является предметом спора.

Наиболее уязвимым участником оказывается потерпевший. В. А. Лазарева и С. А. Бадаев отмечают, что при отказе прокурора он утрачивает возможность изложить суду свои доводы, а прекращение дела лишает его доступа к правосудию; гражданский иск не решает проблемы, поскольку доказать вред при констатированной недоказанности вины значительно труднее [6, с. 10]. Авторы анализируют три выхода: субсидиарное обвинение по образцу ст. 337 УПК Республики Казахстан и ч. 5 ст. 24 УПК Республики Таджикистан, замену обвинителя и государственную компенсацию, отдавая предпочтение первому и предлагая дополнить ст. 246 УПК РФ частью 7.1 [6, с. 10–11]. Сравнение моделей приведено в табл. 1.

Из таблицы видно, что каждая модель закрывает лишь часть проблемы. И. А. Гизатуллин справедливо указывает, что субсидиарное обвинение бессильно по делам о незаконном обороте наркотиков или экстремизме, где потерпевшего нет, и потому предлагает вернуться к конструкции Устава 1864 г., оставив вопрос на мотивированное усмотрение суда по аналогии со ст. 39 ГПК РФ [5, с. 52, 56]. Противоположный риск состоит в размытии состязательности: суд, продолжающий процесс без обвинителя, сам становится обвинителем. Представляется, что обе идеи не исключают, а дополняют друг друга. По делам с потерпевшим разумно предоставить ему право продолжить обвинение, а по делам без потерпевшего суд

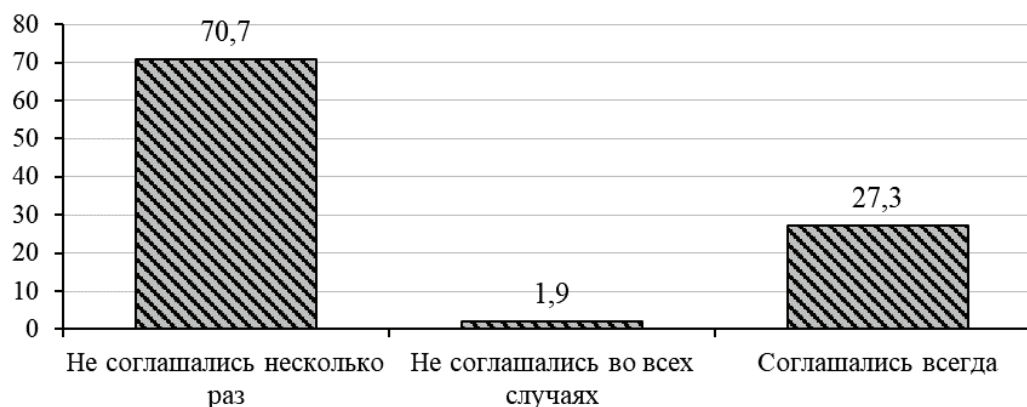

Рис. 3. Отношение судей к отказу или изменению обвинения прокурором, % (построено по данным [5, с. 51])

Таблица 1. Модели последствий отказа государственного обвинителя от обвинения

Модель	Последствие для суда	Положение потерпевшего	Основной риск
УПК РФ (ч. 7 ст. 246)	Обязательное прекращение дела	Выражает мнение, но не препятствует прекращению	Утрата доступа потерпевшего к правосудию
Субсидиарное обвинение (УПК Казахстана, Таджикистана)	Продолжение процесса при возражении потерпевшего	Самостоятельно поддерживает обвинение	Не действует по делам без потерпевшего
Судебное усмотрение (Устав 1864 г., предложение И. А. Гизатуллина)	Суд вправе не согласиться с отказом	Косвенно защищен решением суда	Смешение функций суда и обвинения

Составлено автором по данным [5, с. 52–56; 6, с. 10–12].

должен проверять мотивированность отказа и при явной его необоснованности возвращать дело прокурору, не принимая на себя функцию обвинения.

Проблема отказа от обвинения во многом производна от качества подготовки к процессу. Особенно наглядно это в суде присяжных, где доля оправдательных вердиктов, по наблюдению Т. С. Волчецкой и Н. В. Матковой,

неуклонно растет, а прокуроры признают нехватку методических рекомендаций [4, с. 1005]. Исследовательницы предлагают выделить в деятельности обвинителя стратегию — программу действий тактико-прогностического характера, вырабатываемую до судебного разбирательства и охватывающую все его стадии [4, с. 1006]. Ее структура раскрыта в табл. 2.

Таблица 2. Элементы стратегии поддержания государственного обвинения в суде присяжных

Элемент стратегии	Содержание
Информационно-психологический контекст	Определение нейтрально-, позитивно- или негативно-информационной ситуации и мер по ее нейтрализации
Порядок представления доказательств	Исследование доказательств в хронологии развития преступления с учетом эффекта первичности и новизны
Типовые линии поведения защиты	Прогноз дискредитации доказательств, альтернативной версии и психологического воздействия на присяжных
Перспективная ситуационная модель	Прогноз ситуаций от предварительного слушания до обсуждения последствий вердикта

Составлено автором по данным [4, с. 1008–1018].

Практическая ценность этой модели заключается в перенесении центра тяжести на подготовительный этап. Авторы рекомендуют разделять доказательства на бесспорные, вызывающие устранимые сомнения и не подлежащие использованию, а пробелы следствия устранять ходатайствами до начала судебного следствия, поскольку в присутствии присяжных любой такой пробел подрывает доверие к обвинению [4, с. 1009]. Тем самым тактика и отказ от обвинения оказываются связаны причинно: чем тщательнее обвинитель изучил дело до процесса, тем реже ему приходится выбирать между поддержанием слабого обвинения и отказом от него в судебном заседании.

Проведенный анализ позволяет сформулировать несколько выводов. Разделение надзора за расследованием и поддержания обвинения между разными прокурорами

служит гарантией беспристрастной оценки доказательств и заслуживает законодательного закрепления. Ведомственный порядок согласования отказа, подтвержденный Верховным Судом РФ, сохраняет единство позиции обвинения, но делает внутреннее убеждение обвинителя коллективным. Эмпирические данные свидетельствуют, что главная коллизия между судом и обвинением связана с изменением обвинения, а не с отказом от него. Наконец, защита прав потерпевшего и независимость суда требуют комбинированной модели: права потерпевшего на субсидиарное обвинение и судебной проверки мотивов отказа. Повышение качества самого поддержания обвинения, прежде всего через стратегическую подготовку к процессу, способно заметно снизить остроту всех названных проблем.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
2. Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 30.06.2021 № 376. — URL: <https://base.garant.ru/403733640/> (дата обращения: 28.09.2026).
3. Решение Верховного Суда РФ от 05.03.2026 № АКПИ26–10. — URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2526150 (дата обращения: 28.09.2026).
4. Волчецкая Т. С., Маткова Н. В. Проблемы стратегии поддержания государственного обвинения в суде присяжных: ситуационный подход // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2023. — Т. 14, вып. 4. — С. 1004–1022.
5. Гизатуллин И. А. Отказ государственного обвинителя от обвинения в контексте обеспечения процессуальной свободы судьи // Правовое государство: теория и практика. — 2022. — № 1 (67). — С. 42–59.
6. Лазарева В. А., Бадаев С. А. Проблемы отказа государственного обвинителя от обвинения и пути их преодоления // Юридический аналитический журнал. — 2024. — Т. 19, № 1. — С. 7–14.
7. Першин А. Н., Бондарева М. В., Соловьева Н. А. Эволюция института государственного обвинения в уголовно-процессуальном праве России // Legal Concept = Правовая парадигма. — 2022. — Т. 21, № 2. — С. 11–20.

Правовая природа национального проекта как объекта прокурорского надзора: теоретико-правовой аспект

Сорокин Константин Александрович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматривается вопрос о правовой природе национального проекта как специфического объекта прокурорского надзора, не обладающего признаками нормативного правового акта.

Ключевые слова: национальный проект, прокурорский надзор, стратегическое планирование, правовая природа, законность, объект надзора.

Поскольку национальный проект порождает значительный массив правоотношений, требующих прокурорского контроля, и одновременно не укладывается в привычную иерархию нормативных правовых актов, данное явление занимает особое место в системе российского права.

Порождая неопределённость их места в общей системе управления, даже базовый Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [7] не содержит прямого указания на национальные проекты как документы стратегического планирования [1, с. 388]. Подчёркивая производный, инструментальный характер национальных проектов по отношению к более широким программным документам, данный вывод согласуется и с позицией О. Б. Иванова и Е. М. Бухвальда, согласно которой национальные проекты представляют собой «новую форму структуризации государственных программ по приоритетным направлениям хозяйственного и социального развития страны» [5, с. 38].

Возложив персональную ответственность за организацию прокурорского надзора при реализации национальных проектов на прокуроров субъектов РФ, приравненных к ним военных прокуроров и иных специализированных прокуроров, действующий Приказ Генерального прокурора РФ от 14.03.2019 № 192 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национальных проектов» [8] был принят взамен утратившего силу приказа Генерального прокурора РФ от 19.01.2007 № 11, что соответственно изменило и ведомственное регулирование прокурорского надзора [1, с. 389].

Поскольку национальный проект не содержит общеобязательных правил поведения, адресованных неопределённому кругу лиц, а представляет собой документ целеполагающего и организационного характера, его нельзя признать нормативным правовым актом в классическом смысле с точки зрения теоретико-правовой квалификации.

Опосредуясь комплексом правовых актов различного уровня, включающим указы Президента и постановления Правительства, региональные и муниципальные программы, государственные и муниципальные контракты, а также приказы органов власти, реализация национального проекта тем не менее выходит далеко за пределы

самого этого документа. Становясь непосредственным предметом прокурорского надзора, именно этот производный правовой массив определяет содержание проверочной деятельности, тогда как сам проект задаёт лишь общее направление такой деятельности. Конкретизируясь в зависимости от вида надзорной деятельности прокурора в определённой сфере правоотношений, данный вывод согласуется с общей теорией прокурорского надзора, согласно которой предмет прокурорского надзора «в зависимости от вида надзорной деятельности прокурора, в определённой сфере правоотношений... конкретизируется» [2, с. 173].

Включая федеральные и региональные органы исполнительной власти, органы местного самоуправления, а также хозяйствующих субъектов, участвующих в реализации проектных мероприятий, совокупность объектов прокурорского надзора, которую «можно определить как совокупность органов и должностных лиц, установленных законом, за деятельностью которых осуществляется прокурорский надзор» [2, с. 174], применительно к национальным проектам оказывается крайне широкой.

Проявляя двойственную природу национального проекта, выступающего одновременно программным документом, задающим целевые ориентиры в виде десяти федеральных проектов в составе национальный проект «Образование», и основанием для интенсификации надзора в традиционно поднадзорной сфере, особого анализа заслуживает соотношение национального проекта «Образование» с надзором за исполнением законодательства об образовании. Изложенные в приказе Генерального прокурора РФ от 14.03.2019 № 192 основные требования к организации такого надзора [3, с. 9] определяют предмет проверки, который «в максимально обобщенном виде включает: соблюдение Конституции Российской Федерации, исполнение законов в сфере образования... соблюдение прав и свобод человека и гражданина» [3, с. 11–12]. Демонстрируя множественный, распределённый по уровням публичной власти характер поднадзорных субъектов, объектами проверки, помимо образовательных организаций, выступают органы власти и управления, участвующие в бюджетном процессе финансирования образовательной деятельности [3, с. 12].

Предписывая прокурорам «систематически проводить проверки исполнения бюджетного законодательства,

обращая особое внимание на сохранность бюджетных средств, выделяемых на реализацию национальных проектов» [3, с. 41], приказ № 192 указывает на то, что значительная часть выявляемых прокуратурой нарушений связана с расходованием бюджетных средств, выделенных на реализацию проектных мероприятий.

Регулируемые нормами Бюджетного кодекса РФ (ст. 34, 162) [9], нарушение которых становится самостоятельным предметом прокурорской проверки, специфические бюджетные правоотношения возникают в связи с тем, что национальный проект выступает соответствующим юридическим основанием. Реализуясь через государственные и муниципальные контракты, большинство мероприятий по национальным проектам, включая строительство, капитальный ремонт объектов и закупку оборудования, обуславливает не менее значимую связь с законодательством о контрактной системе.

Выявив в 2019 году при надзоре за проведением закупок 8104 нарушения и принеся 936 протестов [1, с. 389], прокуроры действовали во исполнение предписания «проверять соблюдение порядка осуществления закупок... пресекать факты уклонения заказчиков от конкурентных процедур, создания необоснованных преференций отдельным хозяйствующим субъектам» [3, с. 41].

Трансформируясь в конкретные юридически значимые факты, устанавливаемые судом по искам прокурора, абстрактные целевые установки программных мероприятий находят своё отражение в судебной практике по делам о нарушении законодательства о контрактной системе при расходовании бюджетных средств.

Вынесенное по иску первого заместителя прокурора Краснодарского края, заявленному на основании абзаца второго ч. 1 ст. 52 АПК РФ [10] в интересах муниципального образования и неопределённого круга лиц, решение Арбитражного суда Краснодарского края от 05.04.2024 по делу № А32–36335/2023 может служить примером такого рода.

Заклучив в один день два контракта на поставку оборудования для школьной библиотеки на суммы 598 439 руб. и 563 120 руб., муниципальное казённое учреждение «Управление капитального строительства» и индивидуальный предприниматель, как установлено судом, допустили искусственное дробление единой закупки с целью формального соблюдения предельного размера закупки у единственного поставщика, установленного п. 4 ч. 1 ст. 93 Федерального закона № 44-ФЗ в размере 600 тыс. руб.

Сославшись на п. 18 Обзора судебной практики применения законодательства о контрактной системе, утверждённого Президиумом Верховного Суда РФ 28.06.2017, и на п. 75 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25, суд признал контракты ничтожными сделками, посягающими на публичные интересы, и взыскал с предпринимателя в пользу учреждения 1 161 559 руб. [6].

Опосредуясь контрактами муниципальных заказчиков, законность которых составляет предмет прокурорской

проверки, а не реализуясь напрямую, программные документы, определяющие направления расходования бюджетных средств, находят подтверждение в данном деле, тогда как искусственное дробление закупки выступает одним из наиболее типичных выявляемых нарушений.

Поскольку «наиболее распространенными в данной сфере являются должностные преступления... а также хищения средств, выделяемых в рамках проекта» [3, с. 83], нарушения при реализации проектных мероприятий нередко содержат признаки составов преступлений, предусмотренных ст. 285, 286, 290, 292 УК РФ. Выразившиеся в подписании актов приёмки фактически невыполненных работ по договорам, финансируемым за счёт субсидии в рамках федерального проекта «Успех каждого ребёнка» национального проекта «Образование», превышение должностных полномочий и служебный подлог, за совершение которых был признан виновным директор государственного учреждения дополнительного образования, представляют в этой связи интерес применительно к соответствующему приговору суда.

Влияя на «механизм следообразования» и особенности выявления соответствующих деяний [3, с. 89], подобные примеры показывают, что национальный проект создаёт специфическую обстановку совершения преступления.

Раскрываясь через систему целей, задач и полномочий прокурора, сущность прокурорского надзора применительно к национальным проектам «состоит в реализации от имени РФ надзора за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов посредством реализации полномочий, обеспечивающих предупреждение, выявление, пресечение правонарушений и привлечение виновных к ответственности» [2, с. 177]. Приобретая специфическое содержание применительно к национальному проекту, данная формула означает, что, поскольку сам проект не является законом, объектом прокурорского реагирования становится не он сам, а совокупность правовых актов и фактических действий органов и должностных лиц, принимаемых во исполнение его целевых установок.

Составляя непосредственный предмет надзорной деятельности прокуратуры, обширный производный массив правоотношений бюджетного, контрактного, административного и уголовно-правового характера порождается национальным проектом, который представляет собой комплексный организационно-программный документ стратегического характера, не обладающий при этом признаками нормативного правового акта. Обусловленная необходимостью дифференцированного подхода к организации прокурорского надзора, сочетающего методику общенадзорных проверок с элементами специализированного надзора за исполнением бюджетного и контрактного законодательства, межотраслевой и многоуровневый характер объектов, вовлечённых в реализацию национальных проектов, подтверждается как ведомственным регулированием, так и приведённой судебной-прокурорской практикой.

Литература:

1. Тюнин В. А. Актуальные проблемы прокурорского надзора за деятельностью органов местного самоуправления по обеспечению законности при реализации национальных проектов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2022. — Т. 8 (74). № 3. — С. 387–392.
2. Асташкина Е. Н., Курохтина Е. С. Сущность прокурорского надзора: теоретико-правовые аспекты // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2020. — № 1 (132). — С. 169–177.
3. Прокурорский надзор за исполнением законов об образовании при реализации национальных проектов: учебное пособие / И. И. Головкин, О. Н. Коршунова, Ю. В. Морозова, В. В. Омелянович, Е. Б. Серова, К. И. Тимошук; под ред. О. Н. Коршуновой. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2023. — 104 с.
4. Петров А. И. Правовые и организационные основы деятельности органов прокуратуры по правовому просвещению населения: дис.... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Петров Альберт Иванович. — Нижний Новгород, 2019. — 253 с.
5. Иванов О. Б., Бухвальд Е. М. Национальные проекты России: региональное измерение // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). — 2019. — № 1. — С. 38–49.
6. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 05.04.2024 по делу № А32–36335/2023 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/PCCG1ggIQy69/> (дата обращения: 22.09.2026)
7. Федеральный закон от 28.06.2014 N 172-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ — 30.06.2014 — N 26 (часть I) — ст. 3378; Собрание законодательства РФ — 15.07.2024 — N 29 (Часть III) — ст. 4106.
8. Приказ Генпрокуратуры России от 14.03.2019 N 192 (ред. от 28.10.2025) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национальных проектов» // Законность — N 5–2019; Законность — N 9–2024.
9. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № N 145-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3823; 2025. — № 17. — ст. 2113
10. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июня 2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3012; 2025. — № 14. — Ст. 1587.

Проблемы реализации права работников на получение стимулирующих выплат

Степарук Анастасия Романовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Клепалова Юлия Игоревна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

В статье рассматриваются проблемы реализации права работников на получение стимулирующих выплат. Анализируются положения Трудового кодекса Российской Федерации, данные судебной статистики о взыскании этой части заработной платы. Особое внимание уделяется правовой природе премиальных выплат, а также коллизиям и пробелам правового регулирования, обуславливающим злоупотребление правом со стороны работодателей. Формулируются предложения по совершенствованию законодательства для обеспечения прозрачности устанавливаемых работодателями систем оплаты труда.

Ключевые слова: стимулирующая выплата, премия, заработная плата, локальные нормативные акты, система оплаты труда, система премирования защита трудовых прав.

Problems of realization of the right of employees to receive incentive payments

Steparuk Anastasia Romanovna, master's degree student

Scientific advisor: Klepalova Yuliya Igorevna, candidate of law, associate professor
North-West Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (St. Petersburg)

The article examines the problems related to the implementation of employees' right to receive incentive payments. It analyses the provisions of the Labour Code of the Russian Federation and judicial statistics data on the recovery of this part of wages. Particular

attention is paid to the legal nature of bonus payments, as well as to the conflicts and gaps in legal regulation that enable employers to abuse their rights. The paper puts forward proposals for improving the legislation to ensure transparency of the wage systems established by employers.

Keywords: *incentive payment, bonus, wages, local regulatory acts, wage system, bonus system, protection of labour rights.*

Право работников на получение премии не всегда реализуется должным образом, о чем свидетельствует правоприменительная практика, в которой наблюдается устойчивая тенденция сохранения большого количества споров о взыскании заработной платы, включая ее премиальную часть. Такое немалое количество судебных споров возникает на почве различного подхода правоприменителей относительно обязательности выплаты премии.

Для более подробного анализа сложившиеся правовой проблемы необходимо разобраться в целевом назначении премий, для чего в первую очередь проанализировать упоминание термина «премия» в трудовом законодательстве. Трудовой кодекс трактует данное понятие по-разному — соответствующие нормы содержатся в статьях 129, 135 и 191, но следует учитывать, что каждый вид премий отличается от других своей правовой природой, а если конкретизировать, то своим индивидуально-определенным порядком назначения и степенью обязательности.

Так, например, статья 129 ТК РФ устанавливает, что в заработную плату входят оклад либо тарифная ставка, компенсационные и стимулирующие выплаты. Вышеперечисленные выплаты представляют собой доплаты и надбавки стимулирующего характера, премии и иные поощрительные выплаты. В данном определении заработной платы премия является стимулирующей выплатой, входящей в «скелет» заработной платы, тем самым приобретая смысл конкретного элемента гарантированного вознаграждения за труд, что подтверждается и в статье 57 ТК РФ, которая к числу обязательных условий для включения в договор при оформлении трудовых отношений относит и условия оплаты труда, представляющие собой, закрепленную законодателем структуру, состоящую из нескольких элементов. За определённый труд работник получает вознаграждение, то есть заработную плату, которая может состоять из трех составляющих, обязательных к выплате. Тем не менее, урегулирование вопроса вознаграждения работника работодателем в одностороннем порядке не представляется возможным. Назначение и условия выплаты премий зависит от того, как они закреплены в трудовом договоре, либо ином специальном локальном акте работодателя. Согласно статье 135 ТК РФ составные части заработной платы, в том числе и системы премирования, устанавливаются локальными нормативными актами и актами социального партнерства. При установлении систем премирования определяются виды премий и их размеры, сроки, основания и условия выплаты премий работникам с учетом качества, эффективности и продолжительности работы, наличия или отсутствия у работника дисциплинарного взыскания и других показателей.

Рассматриваемый вид стимулирующих выплат является обязательным, данная обязательность обусловлена локальным нормативным закреплением порядка их начисления и выплаты, или, иными словами, урегулированием на локальном уровне основы системы премирования. Научное сообщество также однозначно относит этот вид к обязательным. А. М. Куренной отметил, что одним из субъективных прав работника является право на нормативно закрепленную премию, условие выплаты которой зависит непосредственно только от выполнения работником установленных показателей и критериев. Также автор проводит параллель с премиями разового характера, отмечая существенное различие с премиями, гарантированными установленной системой оплаты труда, которое проявляется в наличии или отсутствии возможности влияния субъективного усмотрения работодателя на условие выплаты данных премий [1].

На мой взгляд, необходимо разделить премирование по статье 135 ТК РФ, поскольку премия в контексте оплаты труда носит обязательный характер и зависит только от исполнения трудовой функции и отработанного времени. Ее выплата зависит от выполнения установленных показателей. Но следует учитывать, что при достижении определенных показателей на работодателе лежит обязанность ее выплатить.

Третий вид премий, правовая основа порядка начисления которой закреплена в статье 191 ТК РФ. Этот вид премии отличается принципиально от предыдущих двух — это премия, используемая работодателем для поощрения, стимулирования работника, или же «единовременная», «разовая» премия. За работодателем закреплено право стимулировать работников различными видами вознаграждений, которые могут проявляться и в виде премии. Данный смысл содержится в упомянутой статье, работник, который ответственно и добросовестно исполняет свои трудовые обязанности, по желанию и усмотрению работодателя может быть «поощрён» премией. При этом стоит учитывать, что данная статья не закрепляет за работниками право требовать какое-либо вознаграждение, а за работодателем обязанности выплачивать за добросовестную работу такого вида премии. Разовые премии (например, к праздникам, за исключительные достижения) не входят в систему оплаты труда, а также не являются гарантированной выплатой. В этом случае решение о выплате, размере и условиях выплаты принимается работодателем самостоятельно, поскольку данная премия не имеет правового регулирования ни в трудовом договоре, ни в локальных актах работодателя.

Таким образом, премиальные выплаты можно разделить на три вида, а именно:

— премия как часть заработной платы (структурный элемент заработной платы, обязанность выплаты которой возникает у работодателя только при включении рассматриваемой премии в трудовой договор без выполнения каких-либо иных условий, периодичность выплаты данной премии зависит от отработанного времени ежемесячно);

— премия как стимулирующая выплата (инструмент материального стимулирования работника, обязательными условиями которого являются в первую очередь, локальное закрепление, затем выполнение определённых критериев, показателей и т. п.);

— премия как мера поощрения (не гарантированный вид премии, зависящий от усмотрения работодателя, выплачивающийся в исключительном (разовом) случае на основании приказа работодателя).

Считаю важным акцентировать внимание на позиции А. М. Лушников: «Наконец, совершенно непонятно приведенное в определении противопоставление «вознаграждения за труд», с одной стороны, и «стимулирующих» и «компенсационных выплат» — с другой... это дает основание считать, что стимулирующие, а отчасти и компенсационные выплаты не являются вознаграждением за труд, не связаны с выполнением трудовой функции ... и их можно лишить по своему произволу ... Попытка законодателя ограничиться перечислением примерного перечня таких выплат ... дает основание для неоднозначной трактовки и даже пересечения по объему, например, стимулирующих и компенсационных выплат» [2].

Как следует из статьи 22 ТК РФ — работодатель имеет право поощрять работников за добросовестный эффективный труд, но и к тому же в его обязанности входит выплачивать в полном размере причитающуюся работникам заработную плату. Возникает вопрос, когда поощрение работников — это обязанность, а когда право? Дело в том, что трудовым законодательством не конкретизирован порядок начислений стимулирующих выплат, но при этом поощрение работников определяется коллективным договором или иными локальными нормативными актами. Соответственно единственной гарантией для работника на получение премий являются условия трудового договора, например: в трудовом договоре утверждено, что заработная плата состоит из должностного оклада, компенсационных и стимулирующих выплат, а далее будут конкретизированы показатели последних (стимулирующих) выплат, то тем самым будет подтверждаться обязанность работодателя стимулировать (премировать) работника. Если же содержание положения трудового договора имеет формулировку, к примеру: «при финансовых возможностях премия может быть выплачена работнику по решению руководителя организации» -то в подобном случае за работодателем сохраняется именно право на выплаты стимулирующего характера, но не обязанность.

В случае, если условия премирования закреплены в локальном акте и напрямую зависят от таких факторов, допустим, как выполнение плановых заданий (хотя будет отсутствовать перечень утвержденных заданий); личный

вклад в результаты компании — приток клиентов (при этом будут отсутствовать критерии во внутренних актах, на которые работник смог бы опираться) — все это будет носить лишь оценочный характер, что в большинстве случаев будет являться поводом для работника обратиться в суд. Такая недоработка законодательства становится формой злоупотребления правом, которая проявляет себя в размытости формулировок, отсутствии конкретики в локальных актах.

На необходимость точного и прозрачного закрепления правовых норм касательно системы оплаты труда и, в частности, поощрительных выплат указывает С. В. Стрельников утверждая, что следствием отсутствия более конкретизированного регулирования является злоупотребление правом, которое в свою очередь проявляется в формальном закреплении поощрительных, или же стимулирующих выплат, фактически таковыми не являющимися, а формулировки критериев и условий назначения таких выплат можно назвать неопределёнными, либо как в ряде случаев «излишне субъективными» [3].

Как показывают статистические данные, судами возбуждено 57 766 споров, возникающих из трудовых правоотношений, из них 54 % составляют дела о взыскании невыплаченной заработной платы. Ситуация остается неизменной с 2024 года, что подтверждает отсутствие однозначного понимания у сторон трудовых отношений в том числе по вопросу выплаты заработной платы.

Конституционный суд в пункте 2 Постановления от 15.06.2023 N 32-П указывает: «При выполнении работником установленных требований к количеству и качеству труда, при достижении показателей и соблюдении условий, необходимых для приобретения права на получение определенных системой оплаты труда денежных выплат, ему должно быть обеспечено справедливое вознаграждение за труд в размере, соответствующем затраченным им трудовым усилиям. Лишение же работника тех или иных денежных выплат, входящих в состав его заработной платы ... принципам справедливости, равенства, соразмерности, уважения человека труда и самого труда, а также приводило бы к нарушению конституционного права на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации»...[4]

В случаях, когда премия представляет собой выплату стимулирующего характера, входя в структуру заработной платы, суды встают на сторону работника: «... премия является вознаграждением за труд, имеет целевое назначение ... является составной частью заработной платы и должна быть произведена истцу работодателем без какой бы то ни было дискриминации, с соблюдением ... принципов равенства и справедливости, прав и интересов работника, как слабой стороны трудового правоотношения» [5]. А в случаях, когда премия является «... одним из видов поощрения, по своей правовой природе не является составной частью заработной платы, а ее выплата относится к исключительной дискреции работодателя. Соответственно, данная норма направлена на

обеспечение эффективного управления трудовой деятельностью, не затрагивает вопросов, связанных с установлением заработной платы и определением ее составляющих, а потому не может расцениваться как нарушающая права работников ...» [6]

Таким образом, для эффективной реализации права работников на получение стимулирующих выплат необходимо определить правовую природу этой выплаты: является ли премия в данном случае стимулирующей выплатой или представляет собой меру поощрения.

Литература:

1. А. М. Куренной. Премии как форма стимулирования: правовые проблемы, Трудовое право в России и за рубежом № 02/2025 // URL: <https://lawinfo.ru/articles/9248/premii-kak-forma-stimulirovaniya-pravovye-problemy>
2. А. М. Лушников. Понятие и принципы заработной платы в свете новейших изменений в Трудовом кодексе РФ: ожидания и результаты». URL: Трудовое право в России и за рубежом № 02/2025 // URL: <https://lawinfo.ru/articles/9248/premii-kak-forma-stimulirovaniya-pravovye-problemy>.
3. С. В. Стрельников. Правовые риски работника при включении премии как поощрительной (стимулирующей) выплаты в фактическую заработную плату и перспективы взыскания в судебном порядке // Legal Bulletin. 2024. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-riski-rabotnika-pri-vklyuchenii-premii-kak-pooschritelnoy-stimuliruyushey-vyplaty-v-fakticheskuyu-zarabotnuyu-platu-i>
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.06.2023 N 32-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 135 и части первой статьи 193 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е. В. Царегородской» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_449849/.
5. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 07.04.2025 N 88-6001/2025 (УИД 39RS0001-01-2023-007146-55) <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ003&n=143008#au8IZU-VOISzbmbGc2>
6. Определение Конституционного Суда РФ от 26 июня 2025 г. N 1736-О // <https://www.ksrf.ru/Decision/?q=&decNumber=1736-O&csrftoken=1861cbcd2020da00946187111bb83a24a9818e63f61a3fdb27f2662f718914e551d5e-c8e4c4b03a> (дата обращения 08.09.2026 г.)

Современная концепция публичной власти: теория, научные подходы и цифровизация

Сушков Ярослав Евгеньевич, студент

Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону)

Работа посвящена тому, как понимается публичная власть в нашем конституционном праве и теории государства. Раскрывается понятие единой системы публичной власти, закреплённое конституционной реформой 2020 года, и анализируются нормативистский, социологический, институциональный, системный и функциональный подходы к её пониманию. Показано влияние информационной открытости и цифровизации государственного управления на легитимность и эффективность публичной власти. Отдельное внимание уделено трудностям цифровой трансформации — медленному обновлению законодательства, неравному доступу регионов к технологиям, нехватке подготовленных кадров. Намечены и возможные пути их решения.

Ключевые слова: публичная власть, единая система публичной власти, конституционная реформа 2020 года, местное самоуправление, цифровизация, цифровая трансформация, информационная открытость.

Понятие «публичная власть» в последние годы оказалось в центре внимания отечественной науки. Причин тому две. Первая — конституционная реформа 2020 года, впервые закрепившая на нормативном уровне единую систему публичной власти. Вторая — цифровизация государственного управления: меняются не только инструменты, но и сама логика отношений власти и общества [6, с. 27]. Цель статьи — показать, как публичная власть понимается в отечественной доктрине, какие на-

учные подходы к ней сложились и как информационная открытость и цифровая трансформация меняют взаимодействие государства и общества.

До 1993 года отдельного понятия публичной власти в отечественной науке не было. Никакой отдельной власти на местах не признавалось: всё сводилось к государству. Причина проста — местного самоуправления как самостоятельного уровня не было. Перелом произошёл после принятия Конституции 1993 года, которая закрепила са-

мость самостоятельности местного самоуправления (ст. 12, гл. 8). С этого момента власть перестала сводиться только к государственной. Появилось понятие шире — публичная власть, и распространялось оно и на государственный, и на муниципальный уровни. Конституционная реформа 2020 года стала логичным продолжением этого процесса, закрепив данное понятие уже на нормативном уровне (ч. 3 ст. 132 Конституции Российской Федерации).

Публичная власть — это власть особого рода. Население здесь — источник власти, но сама она работает через органы: государственные и муниципальные. У этой власти есть несколько опознавательных знаков. Она закреплена в устойчивых структурах. Привязана к конкретной территории. В крайнем случае может опереться на силу государства. После поправок 2020 года в обиход вошло понятие «единая система публичной власти». Государственные и муниципальные органы теперь действуют сообща — ради общих задач и в интересах жителей [4, с. 10].

В литературе сложилось несколько подходов, и каждый высвечивает свою сторону явления. Нормативистский сводит публичную власть к системе юридически закреплённых полномочий и процедур. Социологический подход задаётся другим вопросом: работает ли власть на деле и доверяют ли ей люди? Формальная сторона здесь отходит на второй план. Институциональный описывает её как совокупность устойчивых структур и процедур. Для конституционного закрепления 2020 года ключевым стал системный подход: публичная власть предстаёт многоуровневой системой (федеральный, региональный, муниципальный уровни), связанной общими целями. Наконец, функциональный подход позволяет увидеть, что информационная функция власти сегодня наполняется принципиально новым содержанием [8, с. 14].

Информационная открытость — условие легитимности публичной власти. Без открытости и доступности информации о деятельности органов власти общественный контроль невозможен. Право на доступ к информации в России есть. Другое дело, что воспользоваться им получается не всегда. Законы оставляют желать лучшего. Да и технически органы власти не всегда готовы быстро рассказать, что решили [1, с. 31]. Государственное управление в информационном обществе требует пересмотра традиционных организационных моделей, поскольку информационные технологии меняют сам характер взаимодействия государства с гражданином, превращая последнего из пассивного адресата решений в участника информационного обмена. Стратегия государственного управления в этой связи всё чаще выстраивается вокруг задачи обеспечения информационной прозрачности как самостоятельной управленческой цели [2, с. 78].

Сильнее всего на публичную власть сегодня влияет цифровизация. Она затронула все участки управления: и подготовку нормативных актов, и оказание услуг [5, с. 51]. На практике это Госуслуги, система межведомственного электронного взаимодействия, МФЦ. Право здесь

запаздывает: новые отношения на стыке технологий и управления требуют не точечных поправок, а системного обновления законодательства [7, с. 90].

Разговор идёт уже не про отдельные сервисы. Меняется не одна техника. Перестраивается вся конструкция власти — её правовая и организационная основа [3, с. 18]. В ход идут большие данные, электронный документооборот, элементы искусственного интеллекта при подготовке решений. Меняется и сама модель взаимодействия: обращения и услуги уходят в электронную форму, а привычные представления о территориальных пределах власти в цифровой среде размываются — это требует отдельного теоретического осмысления.

Разграничение цифровизации и цифровой трансформации принципиально. Первая — применение технологий внутри уже сложившихся процедур. Вторая — качественное изменение самих форм и процедур управления, включая пересмотр правового регулирования и контроля [9, с. 6]. Процесс идёт неравномерно: к началу 2020-х в ЕС лидировали Финляндия, Швеция, Нидерланды, Дания, а ряд стран Восточной и Южной Европы заметно отставали [5, с. 53]. Причины, вероятно, в экономических возможностях, правовых традициях и готовности аппарата к изменениям.

У цифровизации две стороны. Госуслуги и электронный документооборот экономят время — и людям, и чиновникам. Но вместе с технологиями приходят и новые угрозы. Решения всё чаще принимаются на основе данных, а значит, растёт соблазн этими данными манипулировать. Атаки на государственные системы — уже не гипотеза. Есть и другая угроза — имитация: реальную пользу цифровизации измерить пока нечем [9, с. 8–9]. Отдельно говорят о манипуляциях и киберпреступности [6, с. 27].

Отдельно стоит сказать о конституционно-правовой стороне вопроса. Классический перечень прав и свобод формировался в другую эпоху и плохо описывает отношения, которые складываются в сети. Речь идёт о цифровых правах — доступе к сети, защите персональных данных [3, с. 21]. Логика здесь простая: если государство всё активнее работает через цифровую инфраструктуру, то и права человека в этой среде должны быть чётко очерчены. Чем больше государственных систем завязано на сеть, тем шире поле для атак и сбоев. Поэтому цифровая безопасность — не приложение к разговору о публичной власти, а его необходимая часть [6, с. 28].

Проблем у цифровой трансформации в России хватает. Правовое регулирование отстаёт от темпов внедрения технологий. Регионы цифрово неравны — отсюда разный доступ граждан к электронным услугам. Отдельный вопрос — баланс между цифровизацией контроля и защитой конституционных прав. Наконец, кадры: без служащих, умеющих работать в цифровой среде, любые технологии останутся на бумаге. Что можно сделать? Систематизировать информационное законодательство, развивать электронные формы участия граждан — электронное голосо-

вание, общественные обсуждения проектов нормативных актов. И главное — нужна целостная стратегия, где технологии, право и ценности не существуют порознь.

Итак, что стоит за понятием публичной власти в России сегодня? Публичная власть в России сегодня — это единая система, где государственный и муниципальный уровни работают вместе. Одним подходом её не описать. Здесь важно всё: и формальные полномочия, и то, как власть выглядит в реальных отношениях с обществом. И устойчи-

вые структуры. И связи между уровнями. Далее: информационная открытость и цифровая трансформация — не технические детали, а сущностные условия эффективности и легитимности власти. Развитие публичной власти в цифровую эпоху требует равновесия: технологии не должны подминать под себя ни цифровые права, ни конституционные ценности. Всё упирается в одно: сможет ли государство собрать эти решения — организационные, правовые, технологические — в общую стратегию.

Литература:

1. Алексеева, М. В. К вопросу о возможностях реализации права на доступ к информации в современных российских условиях / М. В. Алексеева // Современное общество и право. — 2012. — № 3 (8). — С. 29–36. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17941484> (дата обращения: 28.09.2026).
2. Алексеева, М. В. Особенности стратегии государственного управления в сфере развития информационного общества / М. В. Алексеева, В. Н. Линкин // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2018. — № 1. — С. 76–80. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32761718> (дата обращения: 28.09.2026).
3. Алексеева, М. В. Трансформация государственного управления: к модели цифрового государства / М. В. Алексеева, С. В. Рыбак // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. — 2025. — Т. 12, № 2. — С. 16–23. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=82500354> (дата обращения: 28.09.2026).
4. Гошуляк, В. В. Единая система публичной власти в Российской Федерации / В. В. Гошуляк // Государственная власть и местное самоуправление. — 2024. — № 4. — С. 7–12. — DOI: 10.18572/1813-1247-2024-4-7-12.
5. Губин, А. М. Цифровизация и публичное управление: специфика взаимодействия и пути развития / А. М. Губин // Право и цифровая экономика. — 2021. — № 4. — С. 50–55. — URL: <https://law-diec.msal.ru/?p=637&lang=ru> (дата обращения: 28.09.2026).
6. Зубарев, С. М. Правовые риски цифровизации государственного управления / С. М. Зубарев // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — № 6. — С. 23–32. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.023-032.
7. Хабриева, Т. Я. Право в условиях цифровой реальности / Т. Я. Хабриева, Н. Н. Черногор // Журнал российского права. — 2018. — № 1. — С. 85–102. — DOI: 10.12737/art_2018_1_7.
8. Хабриева, Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. — 2018. — № 9. — С. 5–16. — DOI: 10.12737/art_2018_9_1.
9. Чертков, А. Н. Цифровизация публичного управления: преимущества и риски / А. Н. Чертков // Российское право онлайн. — 2024. — № 4. — С. 5–10. — URL: <https://ruslawonline.msal.ru/jour/article/view/223> (дата обращения: 28.09.2026).

Историко-правовое развитие института коммерческого обозначения в российском и зарубежном праве

Чабанова Аксана Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент;
Жигалова Ирина Валерьевна, студент магистратуры;
Виноградова Анна Сергеевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматривается историко-правовое развитие института коммерческого обозначения в российском и зарубежном праве. Анализируются международно-правовые основы охраны коммерческих обозначений, заложенные Парижской конвенцией по охране промышленной собственности 1883 года. Исследуется эволюция правового регулирования коммерческих обозначений в германском праве, начиная с Закона о недобросовестной конкуренции 1909 года и заканчивая современным Законом ФРГ «О защите товарных знаков и иных обозначений» 1994 года. Рассматривается развитие института коммерческого обозначения в российском законодательстве, включая дореволюционный, советский и современный периоды. Проводится сравнительно-правовой анализ российского и германского подходов к регулированию коммерческих обозначений, выявляются общие черты и существенные различия. Обосновывается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования российского законодательства о коммерческих обозначениях с учетом лучших зарубежных практик.

Ключевые слова: коммерческое обозначение, средства индивидуализации, фирменное наименование, исключительное право, интеллектуальная собственность, Парижская конвенция, германское право, российское право, сравнительно-правовой анализ, предпринимательская деятельность.

Коммерческое обозначение — это одно из средств индивидуализации, играющих важную роль в современном предпринимательском обороте. Несмотря на то, что данный институт получил законодательное закрепление в части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации, его исторические корни уходят далеко в прошлое, а правовое регулирование в зарубежных странах имеет существенные особенности. Анализ историко-правового развития института коммерческого обозначения позволяет не только понять его современное состояние, но и выявить тенденции дальнейшего совершенствования законодательства.

Ключевым международным актом, заложившим основы охраны коммерческих обозначений, выступает Парижская конвенция по охране промышленной собственности 1883 года. Статья 8 Конвенции устанавливает, что фирменное наименование охраняется во всех странах Союза без обязательной подачи заявки или регистрации и независимо от того, выступает ли оно частью товарного знака [1].

Однако в доктрине отсутствует единство в понимании термина «фирменное наименование», использованного в тексте Конвенции. Как отмечает А. Л. Маковский, само понятие «коммерческое обозначение» гораздо больше соответствует Парижской конвенции, установившей, что «le nom commercial (англ. «trade name») sera protégé»... (ст. 8), а не наименование юридического лица [2, с. 176]. Л. П. Зуйкова также полагает, что коммерческое обозначение в большей степени отвечает признакам фирменного наименования, приведенным в статьях 8 и 9 Парижской конвенции, чем само фирменное наименование [2, с. 177].

Противоположной позиции придерживается В. И. Еременко, который считает, что закрепление в российском законодательстве положений о фирменных наименованиях и коммерческих обозначениях «противоречит международной практике» [2, с. 177]. По его мнению, в государствах с развитым правовым порядком фирменным наименованием считается название, под которым физическое или юридическое лицо обозначает предприятие, используемое для идентификации своих отношений с клиентами в конкретном секторе экономики. При этом фирменное наименование может передаваться только совместно с предприятием, которое оно обозначает [2, с. 178].

Следует отметить, что в 1883 году, когда принималась Парижская конвенция, едва ли проводилось четкое деление между коммерческими обозначениями и фирменными наименованиями как средствами индивидуализации объекта (предприятия) и субъекта (его правообладателя). Данное обстоятельство объясняет сохраняющуюся до настоящего времени терминологическую неопределенность.

Германское законодательство традиционно рассматривается как одна из наиболее развитых правовых систем в области охраны средств индивидуализации. Самостоятельное существование названия предприятия наряду с иными средствами индивидуализации признавалось немецким законодательством и доктриной. В частности, К. Маркс в работе «Etablissementsname» указывал, что «название предприятия имеет значение только для лиц, посещающих данное заведение, но не для ведущих с его владельцем письменные сношения» [3, с. 157].

Признание наименования предприятия в качестве одного из средств индивидуализации вытекало из положений германского законодательства, в частности Закона о недобросовестной конкуренции от 7 июня 1909 года. Согласно § 16 указанного Закона, в качестве самостоятельных средств индивидуализации рассматривалось не только название предприятия, но и особые обозначения коммерческого или промыслового предприятия [4]. К особым обозначениям относились такие знаки торгового предприятия, которые служат для отличия предприятия от других в деловых кругах.

Современное регулирование коммерческих обозначений в Германии осуществляется на основе Закона ФРГ «О защите товарных знаков и иных обозначений» 1994 года. В соответствии с § 5 данного Закона под коммерческим обозначением понимается символ компании и названия произведений. При этом под символами компании закон называет обозначения, которые используются в процессе осуществления предпринимательской деятельности субъектов бизнеса в качестве названий, фирменных наименований, средств индивидуализации предприятий [5].

Как отмечается в научной литературе, в Германии фирменное наименование, получившее известность, становится частным случаем коммерческого обозначения и именно в этом качестве становится объектом охраны. Вторая группа коммерческих обозначений — названия произведений — это названия либо специализированные обозначения печатных работ, различных публикаций, кинематографических работ и иных подобных произведений творческого характера [6, с. 346–361].

Важной особенностью германского правового режима выступает то, что в отличие от правового режима коммерческих обозначений в странах англо-саксонской системы права, в законодательстве Германии, равно как и в России, коммерческие обозначения признаются самостоятельными объектами интеллектуальной собственности. При этом правообладатель наделяется исключительным правом на рассматриваемые обозначения.

Исключительное право на коммерческое обозначение по законодательству Германии возникает при наличии

у обозначения различительной способности, которая может быть присуща ему изначально либо приобретается в процессе использования обозначения в коммерческом обороте. Существенной особенностью выступает то, что исключительное право на использование коммерческого обозначения по законодательству Германии ограничено по территории и деловой сфере предпринимательской деятельности.

Практические мероприятия реализации исключительного права на коммерческое обозначение установлены в § 15 Закона о защите товарных знаков, который определяет шесть элементов правового механизма защиты: общее правило предоставления владельцу коммерческого обозначения исключительного права; запрет третьим лицам использовать коммерческое обозначение или аналогичный знак в коммерческих перевозках; запрет использования коммерческого обозначения, известного по всей стране, в любой хозяйственной деятельности, если такое использование может навредить индивидуальному свойству или признанию коммерческого обозначения; право владельца обращаться с претензией к нарушителю; обязанность нарушителя возместить ущерб; применение правил оценки ущерба с учетом прибыли, полученной в результате нарушения права [5].

Российское законодательство о коммерческих обозначениях прошло сложный путь развития. В дореволюционный период вопросы индивидуализации предприятий регулировались нормами торгового права, однако специальное законодательство о коммерческих обозначениях отсутствовало.

В советский период институт коммерческого обозначения фактически не развивался, поскольку при плановой экономике средства индивидуализации предпринимательской деятельности не имели существенного значения. Ситуация изменилась с переходом к рыночным отношениям, когда возникла объективная потребность в правовой охране различных средств индивидуализации.

Современное регулирование коммерческих обозначений в России осуществляется на основе части четвертой Гражданского кодекса РФ, вступившей в силу с 1 января 2008 года. Статья 1538 ГК РФ определяет коммерческое обозначение как обозначение, используемое юридическими лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, а также индивидуальными предпринимателями для индивидуализации принадлежащих им торговых, промышленных и других предприятий [7].

Ключевой особенностью российского правового режима коммерческого обозначения выступает то, что оно не подлежит государственной регистрации, сведения о нем не подлежат включению в учредительные документы или реестры. Обозначение признается коммерческим и охраняется в том случае, если оно обладает достаточными различительными признаками и его использование правообладателем для индивидуализации предприятия выступает известным в пределах определенной территории.

Категория известности выступает оценочной, и закон не содержит четких указаний, по прошествии какого времени с начала использования и с какой интенсивностью обозначение должно использоваться, чтобы его можно было признать достаточно известным для предоставления правовой охраны. В науке высказывалась позиция определения момента возникновения исключительного права на коммерческое обозначение как момента признания обозначения известным по аналогии с общеизвестными товарными знаками [8].

Исключительное право на коммерческое обозначение имеет ряд особенностей, связанных с природой самого коммерческого обозначения как средства индивидуализации. Коммерческое обозначение индивидуализирует именно предприятие правообладателя, следовательно, юридическая судьба исключительного права напрямую связана с индивидуализируемым предприятием. Правообладатель вправе распоряжаться своим исключительным правом на коммерческое обозначение, но это распоряжение сопряжено с передачей прав на предприятие. В частности, правообладатель может предоставить третьему лицу право временного использования коммерческого обозначения в порядке и на условиях, предусмотренных договором аренды предприятия, а также отчуждать исключительное право в составе предприятия.

Сравнение российского и германского правовых режимов коммерческих обозначений позволяет выявить как общие черты, так и существенные различия.

Общим для обеих правовых систем выступает признание коммерческого обозначения самостоятельным объектом интеллектуальной собственности с предоставлением правообладателю исключительного права. Как в России, так и в Германии коммерческое обозначение не требует государственной регистрации для возникновения правовой охраны.

Вместе с тем германское законодательство содержит более детальную регламентацию условий охраны коммерческих обозначений. В частности, § 5 Закона о защите товарных знаков четко определяет, что коммерческие обозначения включают как символы компании (включая фирменные наименования), так и названия произведений [5]. Российское законодательство, напротив, не включает названия произведений в категорию коммерческих обозначений, регулируя их охрану иными правовыми институтами.

Существенным различием выступает и подход к территориальной ограниченности охраны. В Германии защита коммерческого обозначения может быть ограничена определенным местным районом в зависимости от характера деятельности предприятия. Так, для «Platzgeschäfte» (рестораны, гостиницы, небольшие сервисные предприятия) защита обычно ограничивается локальным районом, тогда как для предприятий, деятельность которых по своей природе не ограничена регионом, защита распространяется на всю территорию страны [5]. Российское законодательство также связывает охрану коммерческого

обозначения с известностью «в пределах определенной территории», однако более детальная регламентация территориальных границ охраны отсутствует [7].

Проведенный историко-правовой анализ развития института коммерческого обозначения в российском и зарубежном праве позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, институт коммерческого обозначения имеет глубокие исторические корни, восходящие к концу XIX века. Парижская конвенция 1883 года заложила международно-правовые основы охраны средств индивидуализации, однако терминологическая неопределенность в разграничении фирменных наименований и коммерческих обозначений сохраняется до настоящего времени.

Во-вторых, германское законодательство это одна из наиболее развитых моделей правового регулирования коммерческих обозначений, характеризующаяся де-

тальной регламентацией условий охраны, четким определением объекта охраны и особенностей территориальных ограничений.

В-третьих, российское законодательство о коммерческих обозначениях, несмотря на относительную молодость, в целом соответствует международным стандартам, однако содержит ряд пробелов, в частности в части определения момента возникновения исключительного права и критериев «известности» обозначения.

Дальнейшее совершенствование российского законодательства о коммерческих обозначениях может быть направлено на уточнение критериев охраноспособности, более четкое определение территориальных границ охраны, а также на гармонизацию с лучшими зарубежными практиками, прежде всего германским опытом, доказавшим свою эффективность.

Литература:

1. Парижская конвенция по охране промышленной собственности (заключена в Париже 20.03.1883) // Закон. 1999. № 7.
2. Маковский А. Л. Американская история / А. Л. Маковский // Вестник гражданского права. 2007. Т. 7. № 1. С. 165–196.
3. Etablissements nommés // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 16. М., 1960. — С. 840.
4. Закон ФРГ «О недобросовестной конкуренции» (Gesetz gegen den unlauteren Wettbewerb) от 07.06.1909 // Reichsgesetzblatt. 1909. S. 499.
5. Закон ФРГ «О защите товарных знаков и иных обозначений» (Markengesetz) от 25.10.1994 // Bundesgesetzblatt. 1994. Teil I. S. 3082.
6. Жалинский, А. Введение в немецкое право / А. Жалинский, А. Рёрихт. — М.: Спарк, 2001. — 767 с. — Текст: непосредственный.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Российская газета» № 97 от 6 мая 2019 года.

Проблемы возмещения ущерба работникам — гражданам некоторых государств СНГ при несчастном случае на производстве в Российской Федерации

Шашина Ольга Алексеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Гафарова Гузель Рустамовна, кандидат юридических наук, доцент
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

В статье проведен анализ правоприменительных коллизий, возникающих при возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью граждан государств СНГ в результате несчастных случаев на производстве в России. Исследование базируется на нормах Федерального закона № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», Договора о Евразийском экономическом союзе и межправительственных соглашений. Выявлены и детально разобраны следующие системные проблемы: отказы в страховых выплатах, процессуальные нарушения процедуры консульского уведомления, а также доказывание теневых доходов. На основе обобщения решений Верховного Суда РФ, кассационных судов и позиций ученых предложены конкретные механизмы выравнивания социально-страхового статуса иностранных работников до уровня национального режима.

Ключевые слова: работник гражданин иностранного государства, СНГ, возмещение вреда здоровью, несчастный случай на производстве, страхование, утраченный заработок, дискриминация, ЕАЭС.

Трудовая миграция из стран Содружества Независимых Государств (далее — СНГ) в Российскую Федерацию сохраняет устойчиво высокие показатели, формируя таким образом существенный сегмент рынка труда в строительстве, логистике и жилищно-коммунальном хозяйстве. Сопутствующим риском такой занятости является повышенный уровень производственного травматизма, что делает проблему возмещения вреда здоровью данной категории лиц одной из наиболее острых в трудовой сфере.

Правовое регулирование труда основано на принципе национального режима, закрепленном в статье 3 Соглашения о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов [1] и статье 98 Договора о Евразийском экономическом союзе (далее — ЕАЭС) [2].

Принцип, изложенный в этих документах, предполагает, что объем прав пострадавшего иностранца тождествен правам гражданина России. Вместе с тем анализ правоприменения демонстрирует значительный разрыв между декларируемой нормой и реальностью.

Национальный правовой каркас составлен Трудовым кодексом Российской Федерации, Федеральным законом «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» от 24.07.1998 № 125-ФЗ (далее — Федеральный закон № 125-ФЗ) [3], а также Положением об особенностях расследования несчастных случаев, утвержденным Приказом Минтруда России от 20.04.2022 № 223н (далее — Положением № 223н) [4]. Именно на стыке норм и особенностей статуса иностранца возникают правовые коллизии.

Первостепенной проблемой выступает реализация права на страховое обеспечение членами семьи погибшего работника или иждивенцами. Пункт 2 статьи 7 Федерального закона № 125-ФЗ связывает возникновение права на выплаты с фактом нетрудоспособности и нахождением на иждивении, подтвержденным документами. Для граждан, постоянно проживающих за границей, процедура сбора таких доказательств сопряжена с барьерами административного и коллизионного характера. Территориальные органы Социального фонда России (далее — СФР) практиковали отказы в назначении ежемесячных выплат вдовам и детям, ссылаясь на невозможность верификации справок, выданных махаллинскими комитетами Узбекистана или органами ЗАГС Таджикистана. Верховный Суд РФ неоднократно пресекал подобные формальные подходы, указывая, что иностранное происхождение документа не отменяет его доказательственной силы при условии надлежащего перевода и консульской легализации либо проставления апостиля [5].

Проблема усугубляется коллизией между нормами ЕАЭС и двусторонними договорами. Для граждан Кыргызстана или Армении, входящих в ЕАЭС, действует прямое указание пункта 3 статьи 98 Договора о ЕАЭС, предписывающее признание социальных прав без дополнительных условий [2].

Для граждан государств-наблюдателей или участников только зоны свободной торговли применяется более архаичный и бюрократизированный порядок. Это создает неравенство внутри самой группы трудящихся из СНГ.

Следующая системная проблема касается алгоритма исчисления утраченного заработка, регламентированного статьей 1086 Гражданского кодекса РФ [6] и статьями 3, 12 Федерального закона № 125-ФЗ [3]. В отличие от деликтных обязательств по ОСАГО, где расчеты могут быть лимитированы, социально-страховое законодательство требует полного возмещения. При этом для высокооплачиваемых квалифицированных мигрантов из Беларуси или Казахстана споров о сумме, как правило, не возникает. Однако для низкоквалифицированных мигрантов, чья официальная зарплата минимальна, а реальный доход был значительно выше, расчет от минимального размера оплаты труда или официального оклада приводит к социальной несправедливости.

Для снижения конфликтности необходимо нормативно закрепить в Федеральном законе № 125-ФЗ прямой запрет на перерасчет страховых сумм в сторону уменьшения по мотиву изменения валютного паритета или переезда получателя в страну с более низким уровнем цен.

Также существует проблема процедур консульского уведомления доверенных лиц пострадавшего при несчастном случае с целью выполнения требований пункта 20 Постановления № 223н об обязательном уведомлении для возможного участия в расследовании несчастного случая [4].

Отсутствие извещения о смертельном несчастном случае лишает родственников права участвовать в расследовании и своевременно заявить о праве на выплаты.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о работах, осуществляющих деятельность на основании гражданско-правовых договоров (ГПХ). С 1 января 2023 года данная категория включена в систему обязательного социального страхования, что стало революцией в защите прав мигрантов. Однако информированность заказчиков и исполнителей из числа граждан СНГ о новых подходах при заключении подобных договоров остается крайне низкой, и, соответственно, большинство из них не идентифицируют договор подряда как основание для страховых выплат.

Помимо материально-правовых, существуют процессуальные трудности, а именно правила подсудности — согласно статьям 28, 29 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации можно подавать иски о возмещении вреда по месту жительства истца или месту причинения вреда [7].

Однако, если истец репатриировался, российские суды иногда оставляют заявления без движения, ссылаясь на невозможность извещения зарубежного участника, несмотря на наличие электронной почты. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 27.06.2017 № 23 разъяснил допустимость извещения иностранных лиц посредством электронной связи, если ранее такое взаи-

модействие использовалось сторонами. Это должно активнее применяться в трудовых спорах [5].

В завершение необходимо подчеркнуть, что институт возмещения вреда здоровью гражданина иностранного государства — лакмусовая бумажка эффективности социальной функции Российской Федерации. Несмотря на четкие императивы закона, дискриминационные практики, процессуальная инертность и архаичные формы межгосударственного взаимодействия обесценивают нормативное равенство.

Системное решение лежит в плоскости цифровой трансформации надгосударственных институтов, унификации процессуальных кодексов в части прав иностранцев и безусловного исполнения разъяснений Верховного Суда РФ нижестоящими судами. Только процесс сближения норм материального права стран СНГ и ЕАЭС способен обеспечить справедливое возмещение ущерба, гарантировав каждому гражданину иностранного государства реальную, а не декларируемую защиту от социальных рисков на территории Российской Федерации.

Литература:

1. Соглашение о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов : [заключено в г. Москве 15.04.1994] // Бюллетень международных договоров. — 1997. — № 2. — С. 3–7.
2. Договор о Евразийском экономическом союзе (ред. от 24.03.2026) : [подписан в г. Астане 29.05.2014] // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. — URL: <http://www.eurasiancommission.org/>.
3. Федеральный закон от 24.07.1998 № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3803.
4. Приказ Минтруда России от 20.04.2022 № 223н «Об утверждении Положения об особенностях расследования несчастных случаев на производстве в отдельных отраслях и организациях» : [зарегистрировано в Минюсте России 01.06.2022 № 68673] // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru>.
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_218824/.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.03.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 14.04.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
8. Соглашение о порядке расследования несчастных случаев на производстве, произошедших с работниками при нахождении их вне государства проживания : [заключено в г. Москве 09.12.1994].
9. Соглашение о гарантиях прав граждан государств — участников Содружества Независимых Государств в области пенсионного обеспечения : [заключено в г. Москве 13.03.1992]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4013/.

Полиномия как модель рыночной конкуренции правопорядков: синтез юридического плюрализма и государственной монополии на принуждение

Щеников Антон Алексеевич, юрист (г. Санкт-Петербург)

В статье рассматривается концепция полиномии — государственного устройства, в котором правовые сообщества (далее — номы) вправе создавать собственные юридические нормы, имеющие внетерриториальный характер применения и обеспеченные государственной монополией на принуждение. Целью работы является обоснование модели, в которой конкуренция правопорядков позволяет одним системам перенимать опыт других и быстрее обновляться. Методологическую основу составляют общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частнонаучные методы (сравнительно-правовой, формально-юридический, системный подходы). В работе обосновывается, что соединение конкуренции правопорядков с государственным правоприменением позволяет существенно улучшить качество права и поддерживать его актуальность: конкуренция обеспечивает динамику, а государство задаёт рамку, не допускающую снижения стандартов. Работа включает анализ теоретических основ, принципов модели и её ограничений, механизмов разрешения конфликтов.

Ключевые слова: правовой плюрализм, конкуренция правопорядков, юридическая свобода, рыночные механизмы в праве, государственная монополия на принуждение, ном, внутерриториальная юрисдикция.

Качество правовых систем в разных государствах существенно различается. В одних странах законы эффективно регулируют общественные отношения и обеспечивают устойчивое развитие; в других правовые институты остаются архаичными, коррумпированными и неспособными отвечать на вызовы времени. Возникает вопрос: какие механизмы способны сократить этот разрыв и повысить эффективность права в целом?

Одной из причин отставания является отсутствие конкуренции между правопорядками. Законы принимаются централизованно, и граждане не могут выбрать иной правовой режим, если действующий их не устраивает. Рынок правовых норм существует, но в крайне ограниченной форме: граждане выбирают партии и президента, которые затем опосредованно формируют законодательство. Этот механизм можно рассматривать как выбор пакета законов с интервалом в целые годы, а то и десятилетия. Однако он работает слишком медленно: законы обновляются с большими интервалами, а изменения касаются лишь верхнего уровня правовой системы, не затрагивая глубинных институтов. Скорость адаптации права к потребностям общества остаётся низкой.

Способность правовой системы быстро адаптироваться к изменениям важна, но сама по себе она не решает главной проблемы. Решающее значение имеет возможность выбора: если у гражданина нет альтернативы, никакая адаптация не поможет, потому что она не будет полно учитывать все интересы. Конкуренция в экономике доказала свою эффективность: она заставляет производителей повышать качество товаров, снижать издержки и внедрять инновации. Аналогичный принцип применим и к праву. Если правовые системы будут конкурировать за граждан, качество законов будет определяться не волей законодателя, а реальными предпочтениями участников правоотношений.

Полиномия предлагает иной подход: конкуренция между правопорядками происходит не на уровне политических партий, а на уровне самих норм. Граждане получают возможность выбирать не только законодателей, но и правовые режимы. Отстающие системы получают возможность перенимать удачные решения у более развитых, а развитые — удерживать позиции за счёт скорости обновления. Право превращается в постоянно обновляющийся продукт, качество которого определяется выбором каждого гражданина.

Термин «ном», используемый в настоящей работе для обозначения правовых сообществ, выступающих носителями конкурирующих правопорядков, не является устоявшимся в юридической науке. Он применяется здесь как рабочий, позволяющий отграничить предлагаемую конструкцию от уже описанных в литературе форм правового плюрализма.

Отдельные аспекты, близкие к предлагаемой модели, рассматривались в литературе по правовому плюрализму [1; 2] и экономическому анализу конкуренции юрисдикций [3]. Однако комплексной концепции, соединяющей внутерриториальное действие правовых норм с государственной монополией на принуждение, в доступной литературе не представлено.

Целью настоящей работы является изложение концепции полиномии — модели, в которой конкуренция между правопорядками происходит на уровне самих норм, а не политических партий, при сохранении государственной монополии на принуждение.

Научная новизна состоит в соединении внутерриториального действия правовых норм с государственной монополией на принуждение и в разработке коллизионного механизма, исключающего «войну законов».

Юридический плюрализм

Юридический плюрализм исходит из того, что в одном государстве может действовать несколько правовых систем одновременно [1]. Это иной взгляд на классические правовые механизмы, который долгое время оставался вне сферы юриспруденции, ориентированной на государство как единственный источник права.

Теория плюрализма хорошо описывает реальность, но не отвечает на ключевой вопрос: как несколько правопорядков могут сосуществовать без конфликтов? Если у каждой системы свои нормы и свои способы их обеспечения, рано или поздно возникает столкновение [2]. Ответ на этот вопрос даст отдельный механизм, который рассматривается ниже.

Конкуренция юрисдикций

В теории права известна модель конкуренции юрисдикций [3]. Компании выбирают наиболее удобный для них правовой режим, а юрисдикции заинтересованы в том, чтобы привлечь их. Это явление встречается в международном частном праве, корпоративном праве и в федеративных государствах.

Пример: стороны договора могут выбрать применимое право другой страны. Российская и французская компании вправе договориться, что к их спору будет применяться английское право. Это уже конкуренция правопорядков. Другой пример: регистрация компании в штате Делавэр (США). Большинство американских корпораций выбирают этот штат, потому что там развитое и предсказуемое корпоративное законодательство. Штаты конкурируют за регистрации, предлагая бизнесу лучшие условия.

Однако у классической конкуренции есть жёсткое ограничение: она привязана к территории. Чтобы вос-

пользоваться английским правом, нужно, чтобы спор рассматривался в английском суде или в международном коммерческом арбитраже. Чтобы внутренние дела компании регулировались правом Делавэра, она должна быть зарегистрирована в этом штате. Гражданин, оставаясь на месте, не может просто выбрать себе другой правовой режим.

Полиномия снимает это ограничение. Номическое право следует за человеком, а не за его местонахождением. Гражданин выбирает правовой режим так же, как выбирает страховку или банк, и этот выбор действует независимо от того, где он находится. Конкуренция правопорядков становится постоянной, а не привязанной к переезду или смене регистрации.

Исторические аналоги

Элементы, близкие к предлагаемой модели, встречались в разных правовых системах.

В Османской империи существовали миллеты — религиозные общины, которые жили по своему праву, но при этом оставались под властью султана [4; 5]. Это пример правового плюрализма, встроенного в единую государственную структуру.

В раннем Средневековье действовало личное право: каждый судился по закону своего народа независимо от того, где находился [6]. Это близко к идее внетерриториального действия норм. Однако при столкновении людей из разных племён было неясно, чей закон применять: тогда не существовало общей рамки, которая удерживала бы систему от распада.

Современные федеративные государства, например США или Швейцария, демонстрируют конкуренцию территориальных юрисдикций. Однако она ограничена границами штатов или кантонов.

Наконец, частные арбитражи и религиозные суды в светских государствах показывают, что правовой плюрализм возможен и сегодня, но он не носит системного характера.

Каждый из этих примеров подтверждает, что множественность правопорядков сама по себе не является чем-то новым. Новым является способ, которым эта множественность организована: без территориальной привязки и без собственных силовых структур у каждой юрисдикции.

Недостатки существующих подходов

У известных моделей правового плюрализма и конкуренции юрисдикций есть два общих недостатка.

Первый: плюрализм без государства ведёт к «войне законов». Если у каждой правовой системы есть свои суды и свои силовые структуры, конфликт между ними решается силой, а не правом. Это путь к феодализации и распаду [1]. Так, миллеты существовали только потому, что над ними стоял султан, а личное право раннего Средневе-

ковья работало лишь до тех пор, пока племена не начали смешиваться.

Второй: конкуренция без государственных гарантий ведёт к «гонке на дно». Юрисдикции начинают снижать стандарты, чтобы привлечь больше граждан и бизнеса. В корпоративном праве этот эффект хорошо изучен: конкуренция штатов за регистрацию компаний может приводить к ослаблению защиты акционеров [3]. Если перенести эту логику на всё право, можно получить ситуацию, когда номы начнут отменять наказания за преступления или исключать гарантии прав, чтобы привлечь больше членов.

Полиномия решает обе проблемы. Государственное правоприменение исключает силовое соперничество между номами. Конституционный минимум прав и минимальные пороги наказаний за насильственные преступления не позволяют стандартам опускаться ниже определённого уровня.

Внетерриториальность. Номическое право следует за человеком, а не за его местонахождением, но действует в рамках государства. Гражданин выбирает правовой режим, соответствующий его ценностям и предпочтениям, и этот выбор действует независимо от того, где он находится на территории страны.

Это и есть юридическая свобода в предлагаемой модели. Она не сводится к возможности выбирать законодателей раз в несколько лет. Гражданин получает возможность выбирать сами нормы, по которым живёт.

Технически это означает, что принадлежность к ному определяется не пропиской или гражданством, а добровольным членством. Человек может жить в одном городе, работать в другом, а правовые споры разрешать по кодексу нома, к которому он присоединился. За пределами государства номическое право не действует: там вступают в силу нормы международного права и законодательство соответствующей страны.

Государственная монополия на принуждение. Номы создают кодексы, но следствие, суд и исполнение приговоров остаются за государством. Ном не имеет собственных судов, полиции, тюрем или вооружённых формирований [7].

Это принципиальное отличие полиномии от известных моделей правового плюрализма. В миллетах и в системах личного права у каждой общины были свои суды и свои способы принуждения. В полиномии принуждение одно на всех, а различаются только нормы, которые применяются.

Такое устройство предотвращает появление мини-государств внутри государства и исключает силовое соперничество между номами. Конкуренция развивается не в силе, а в праве.

Государственные следователи, прокуроры и судьи применяют номические кодексы, но сами не подчиняются номам. Они остаются государственными служащими и действуют в рамках общего процессуального порядка.

Конкуренция правопорядков. Номы конкурируют за граждан качеством своих законов. Если кодекс неспра-

ведлив или устарел, люди уходят в другой ном — и право обновляется не по воле законодателя, а под давлением выбора самих граждан.

Обратная связь работает через отток членов и публичную статистику. Номы заинтересованы в репутации, поскольку их доход зависит от числа членов. Это соревнование норм, а не людей.

Конституционный минимум. Государство определяет базовый набор прав, который ни один ном не может отменить: запрет пыток, презумпция невиновности, право на защиту, запрет дискриминации, свобода совести и слова, запрет обратной силы закона. К этому добавляются минимальные пороги наказаний за насильственные преступления — ниже них не может опуститься ни один номический кодекс.

Это не единый стандарт для всех, а рамка, за которую нельзя выходить. Внутри неё номы свободны устанавливать свои нормы.

Коллизионное правило

Главная проблема правового плюрализма — неясность, чей закон применять. В полиномии она решается через коллизионное правило: внутриномные споры разрешаются по номическому праву, межномные и смешанные — по государственному. Преступления против общего порядка рассматриваются только по государственному праву, независимо от членства.

Такое правило снимает неопределённость. Внутри нома работает его кодекс, за пределами — общий.

Договорные споры

Когда члены разных номов заключают договор, по умолчанию применяется право того нома, который предоставляет услугу или товар. Стороны могут выбрать иную юрисдикцию по соглашению. Если выбор ни одного из номов не сделан, действует государственное право.

Такое правило даёт предсказуемость: контрагенты заранее знают, чей кодекс будет регулировать их отношения, если они не договорились об ином.

Апелляция

Решение, вынесенное по номическому праву, может быть обжаловано в государственный суд. Основания для пересмотра — нарушение конституционного минимума, предвзятость или применение норм, не прошедших регистрацию.

Литература:

1. Бирюков С. В. Правовой плюрализм как идеологема и реальность / С. В. Бирюков // Журнал российского права. — 2024. — Т. 28. — № 8. — С. 25–41.
2. Бирюков С. В. Внутригосударственное право и правовой плюрализм / С. В. Бирюков // Правоприменение. — 2022. — Т. 6. — № 4. — С. 5–14.

Это не отменяет самостоятельности номов: их кодексы действуют, пока не нарушают общую рамку. Но у гражданина остаётся выход, если номическое правосудие этим условием пренебрегло.

Ограничения и открытые вопросы

Главная сложность — переходный период. Полиномия может быть введена только через победу политической силы, которая включила её в свою программу. Это не техническая проблема, а политическая.

Возможна идеологическая сегрегация. Но конкуренция и государственный надзор сдерживают её. Члены нома могут уклоняться от уплаты взносов — тогда номическое право в отношении них временно не применяется и они переходят под государственную юрисдикцию.

Общее правовое пространство сужается, но конституционный минимум сохраняет базовые ценности. Армия остаётся централизованной, её содержание финансируется за счёт обязательного налога, что исключает зависимость от номов.

Отдельный вопрос — финансирование правоприменения. Государство несёт базовые расходы на правосудие, а номы оплачивают дополнительные издержки, связанные с особенностями их кодексов. При несостоятельности ном может быть распущен. Это создаёт стимул к эффективности, но требует осторожности, чтобы не превратить правосудие в рынок услуг.

Наконец, мотивация государства. Полиномия не требует ослабления государства — наоборот, усиливает его роль как арбитра и гаранта правопорядка. Выгоды для власти: снижение протестной активности, рост легитимности, налоговые поступления, возможность заимствовать удачные нормы. Условие жизнеспособности — добровольное принятие концепции действующими властями.

Полиномия — не готовая к внедрению модель, а новая рамка для дискуссии. Она пересматривает соотношение между государством, правом и обществом. В отличие от анархо-капитализма, полиномия сохраняет государственную монополию на насилие [7]. В отличие от чистого правового плюрализма, она вводит единые правила разрешения конфликтов. В отличие от территориального федерализма, она не привязывает право к месту проживания.

Конкуренция правопорядков обеспечивает динамику, а государственное правоприменение задаёт рамку, не допускающую снижения стандартов. Право превращается в постоянно обновляющийся продукт, качество которого определяется выбором граждан, а не волей законодателя.

3. Либман А. М. Конкуренция юрисдикций, гармонизация экономической политики и формирование корпоративных стратегий / А. М. Либман // Российский журнал менеджмента. — 2006. — Т. 4. — № 4. — С. 23–44.
4. Федосов И. В. Зарождение миллетной системы в Османской империи: правовой плюрализм в условиях гетерогенного общества / И. В. Федосов // Теория и практика общественного развития. — 2023. — № 11. — С. 335–340.
5. Федосов И. В. Изменение правового положения немусульманского населения Османской империи в контексте реформ Танзимата / И. В. Федосов // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2023. — № 4. — С. 44–49.
6. Чиркин С. В. Варварские правды / С. В. Чиркин // Большая российская энциклопедия. — URL: <https://web.archive.org/web/20221129001542/https://bigenc.ru/law/text/1900201#> (дата обращения: 30.09.2026).
7. Торопов Е. А. Правовые аспекты концепции анархо-капитализма / Е. А. Торопов // Вопросы политологии. — 2022. — Т. 12. — № 7 (83). — С. 2181–2188.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 40 (643) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 14.10.2026. Дата выхода в свет: 21.10.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.